

К 999575

ВЛАДИМИР
СТЕПАНОВ

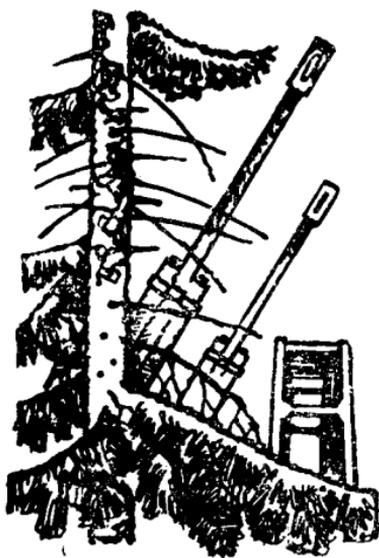
КЛЯТВА

ВЛАДИМИР
СТЕПАНОВ

КЛЯТВА

ПОВЕСТЬ

Северо-Западное книжное издательство
Архангельск
1977

1

- Подымайся, Петруша, завтрак остынет! Петька и не шевельнулся в ответ, хотя понял, что будят его: как же было не узнать голос матери — ведь только она всегда его будила. Ах какая мягкая и теплая подушка, как уютно под одеялом! Мать еще что-то говорила, но слова ее с трудом доходили до сознания сына: его снова окутал, связал по рукам и ногам сон, словно обволокло Петьку парным молочным туманом. В такие туманы частенько укрываются по вечерам низинные, в стайках ольхи и крушины берега родной речки Григорки после того, как накалит землю и воду ослепительное — и не взглянешь на него — летнее солнце. Прикроется речка туманом, словно пуховой шалью невиданной длины, да так и спит до первых стрел-лучей, которые кинет в нее продирающееся сквозь зубчатую стенку леса утреннее солнце.

3

Любил Петька окунаться в такой туман, хотя и жутковато, щекотно было сначала, даже щипало в носу, зато — как в сказке: вытянешь вперед руку — ладони не видно, и в прятки играть забавно — будто с завязанными глазами ходишь...

Но сегодня туман жарко и липко давил на лицо, плечи. Петьке хотелось отмахнуться от него.

— Вставай! Поди, упрел под одеялом-то.

Теперь Петька окончательно понял, что он дома, что времени уже много, а он разоспался, сомлел. Конечно же, надо вставать.

Он сдернул с головы одеяло, потер ладонями припухшее лицо, огляделся. Мать — это по всему было видно — торопилась: ей пора на колхозную ферму. Мать работает телятницей, пропадает там целыми днями. Этому Петька не удивлялся, ведь ему не раз внушали, что работа — главное в жизни: перестанет человек работать, хотя бы и ненадолго, — живо без хлеба и без порток может остаться. Поэтому Петька и уважал работу, но чаще всего так, про себя, молча — самому-то не всегда работать хотелось.

Но что об этом рассуждать? Это взрослые много о работе говорят, а сами вздыхают при этом непонятно почему. А вообще-то они слишком важничают да поучать любят.

— Вставай-ай! — еще раз, теперь построже, подала голос из кухни мать и добавила наставительно и обидно для Петьки: — Да не забудь умыться хорошенько.

«Когда она про умывание напоминать кончит?! — раздраженно подумал Петька. — Будто других забот нету. Чего по десять-то раз на дню умываться?» Ведь он сегодня уже искупался в Григорке и еще не раз искупается: в полдень — обязательно и вечером, когда вода особенно теплая и приятная.

Петька сердито сопел, поправляя постель.

— Окунь твой на столе. Поди-ка, вкусен, — уже с порога спокойно проговорила мать.

«Окунь!» — с радостью вспомнил Петька и сразу взбодрился. Он услышал, как захлопнулись двери, и еще больше обрадовался, что мать ушла и не дала ему никаких поручений. Хотелось поскорее глянуть на окуня.

Нераженький, правда, окунишка клюнул сегодня, когда на заре сидел Петька с другом своим Сенькой у обрывчика, — не «лапоть», но все же...

Петька рассчитывал сегодняшним утром наловить окуней, оттого и крючок привязал понадежнее, насаживал жирных червей-дождевиков, а поплавок сдвинул на леске так, чтобы грузило уносило к самому дну, в темную жутковатую глубь,

где и гуляет окуньё вместе с другой крупной, «серьезной» рыбой.

Всего раз клюнуло у Петьки. Спружинило удилище, после того как поплавок пошел ныром, и взвился над гладью омута окунь. Ох и сверкнули брызги и золотые окуневые бока. Плюхнулся он в росистую, тоже сверкающую на солнце траву, запрыгал. Долго не мог Петька унять дрожь в руках. Красивая попалась рыбина — зеленые и красные полосы шли поперек ее тела — и хотя маловата, а все же длиннее ладони.

Что же с ней сделала мать? Петька, конечно, сам почистил и выпотрошил окуня. Но как он теперь приготовлен? С чем? Петька пренебрег наказом матери и, не умываясь, бо-сиком, в одних трусиках, припустил на кухню.

Окунь красовался на глиняном блюдечке, поверху — поджаристая оранжевая пенка. Петька зачмокал губами, рот сразу наполнился слюной. Да, мать испекла окуня в яичнице, как и ожидал Петька. Он отщипнул пальцами кусочек рыбы, зачерпнул полную ложку яичницы и понял, что такого кушанья он еще никогда не отвеживал: одним словом — вкуснятина, объедение! Заспешили, замелькали над столом Петькины руки.

«Надо получше научиться ловить, чтобы всем такой еды хватало: и матери, и Кольке, и деду,— подумал он.— Что же такое придумать, чтобы рыба чаще клевала на удочку? Неужели я такой неумеха? Или просто мне не везет? Но должно же когда-нибудь повезти по-настоящему!»

Он налил в кружку молока, отпил половину и задумался. Какой толк в молоке? Конечно, оно вкусное. Но его же ко-рова каждый день дает: подойди к ней и дои. Всегда пожа-луйста. А рыбу ловить не так просто.

Ловить рыбу умел отец. Для него это было вроде забавы. Весь день он находился в поле с лошадьё или стучал топором у сараев. Уставал, конечно. А вечером глянет на свои удочки, поставленные за крыльцом, заулыбается, примется перебирать их да осматривать и скажет матери, словно изви-няясь за мальчишество:

«Пойду, закину пару раз. Вдруг да... И отдохну заодно. Как думаешь?»—«Не засиживайся только дотемна, как вчера»,—нарочито сурово скажет мать, а сама улыбается ему вслед.

Отец и рад. Так зашагает к реке, словно и не работал весь день. И Петька рядом бежит со своей удой. У него и червяки в банке с землей всегда припасены. Но вот ведь какая неза-дача: едва закинет отец свои удочки, поплевав на червей,

присядет на бережок да прижмурит свои улыбчивые глаза — поплавки у него уже запляшут, Петькин же поплавок словно в лед вмерз — не клюет у него, и все тут, хоть плачь. Но в ту пору плакать не очень хотелось, да и недосуг было: только успевай отцовских рыбин разглядывать и нанизывать их на прутик-кукан... А после Петька тащил этот кукан вдоль всей деревни к дому и слышал, как все встречные ахают. И радоваться и гордиться за отца втихомолку было приятно. Совсем недавно все это было...

А сегодня после утренней рыбалки Петька плакал. Конечно, не такой уж плохой попался окунь: всех Сенькиных верхоплавок перетянет. Но разве такого поймал бы отец! А отца нет дома вот уже целый год — на войне он. И перестали приходить от него письма... Пришел Петька с рыбалки, почистил окуня и лег. Просто так прилег, спать вовсе не хотелось — какой дурак спит в такое время! Но охватила Петьку грусть по отцу. Знал он, что на фронте идут тяжелые бои и где-то там бьется с фашистами отец. Раньше он часто писал домой, а теперь перестал. Почему?

Видел Петька, с какой тревогой ждет почтальоншу мать, даже в лице меняется, когда та подходит к дому. Замечал, как плачет мать тайком от него и от Кольки. Видел Петька, что и дед посуровел, совсем неразговорчивым стал. Двое у деда Ивана сыновей: Петькин отец и брат его дядя Михаил. На дядю принесли похоронную еще зимой. И остались в его доме сиротами три девочки, три Петькины двоюродные сестры... Страшно было и подумать, что и с отцом может стрястись беда. Крепился Петька, а на душе становилось все тревожнее, тяжелее. Тоскливо и одиноко было ему. И потекли у Петьки сегодняшним утром слезы. Жаль ему стало до боли себя, и мать, и Кольку, а больше всего — отца. И обидно было, что ничего-то не может Петька поделать, чтобы хоть немножко помочь отцу.

...Петька поднялся из-за стола, совсем забыв про окуня. Надо было что-то делать. Хоть и неважное настроение, но хныканьем горю не поможешь — это он знал.

Он привычно глянул в окно и вспомнил о Сеньке. Всмотрелся в Сенькин заулок, но ничего интересного не увидел — пусто было в заулке. Сенька тоже, наверное, завтракал или спал.

«Чем же заняться-то? — раздумывал Петька, бесцельно бродя по избе. — Пойти к Сеньке? Но дома у друга безвылазно сидит, прижавшись спиной к печке, старая бабка, которая вечно плачет. Такая уж у нее болезнь — текут слезы день

и ночь, только утирать их успевай. Она все время и держит в руках платок, чтобы утираться. Наверное, от такой болезни бабка и сердита постоянно. Да и одевается во все черное, за что прозвали ее в деревне «монашкой». Не любил Петька эту старуху и близко к ней подходить остерегался. А Сеньку втайне жалел. Мать у друга умерла еще до войны, а отец на фронте. Трудно жилось Сеньке с бабушкой, невесело в Сенькиной избе, и заходить в нее Петька не любил.

Но чем же заняться? Вот ведь какое дрянное положение — совсем нечем. Такое сейчас время, что и колхозный бригадир не наряжает ребят помочь взрослым. Лен уже прополот, а начинать сенокос рано: трава маловата. Правда, ходили и в эту пору ребята в подпаски. Там хоть и приходится побегать за телятами, но зато привольно, обед тебе приносят, как взрослому работнику, и очень приятно гнать стадо вечером обратно, потому что очень важно для деревни, когда вся скотина в сборе и сыта. С уважением глядят в такие минуты на подпаска все взрослые. Но в подпаски ребята ходят по очереди, всего раза три-четыре в месяц. До Петькиной очереди еще далеко.

Грядки в своей загороде тоже прополоты. Поливать капусту и огурцы полагается вечером. Да и зачем поливать сейчас, если к вечеру, может, дождь пройдет. Идти в лес — так не поспели еще ни грибы, ни ягоды. Ну совершенно нечего было делать Петьке в это утро.

Можно бы, конечно, пойти на Григорку с большой корзиной и ловить рыбу. Но на такое дело не ходят в одиночку. Там надо одному держать корзину, прижимая ее к речному дну, другому — загонять в нее рыбу из тины и из-под прибрежных кустов и коряг, а третьему — идти вслед за рыбаками по берегу, перетаскивать с места на место их одежку, подбирать и складывать в торбу улов.

Петька сел на лавку и задумался. И показалось ему, что прополка да рыбалка — все это пустяки по сравнению с самым главным. Ведь сейчас война, страшная и тяжелая, — так все говорят, народная война, отечественная. Каждый сейчас все отдает для победы, многие даже погибают. А Петька бездельничает. Б-р-р! Стыдно и обидно.

А ведь есть же среди партизан такие вот, как он, ребята. И Петька не струсил бы. Мог бы он и в окопе сидеть, строчить по захватчикам из автомата, чтобы валились они на землю и никогда больше не поднимались. Правда, подростков в армию не берут даже добровольцами. Но ведь это неправильно! Сколько было случаев, когда мальчишки здорово помога-

ли военным, выручали их из трудного положения. Не раз читал Петька об этом в книгах...

«Хорошо бы найти на фронте отца,— думал он, торопя мысли и ярко представляя себе возможные события.— Помогать бы отцу, хотя бы патроны ему подносить или обед в котелке... И еще: я бы выследил того фашиста, который вздумал бы целиться в отца, выследил и опередил бы вражину — уложил его точным выстрелом... Или в разведку бы попросился сходить. Пацанам же это легче — на них меньше обращают внимания... Но главное — попасть на фронт. К этому надо подготовиться, продумать план действий. Да и снаряжение кой-какое потребуется в дорогу».

Настороженной походкой Петька пошел по дому, напряженно размышляя, что следует взять с собой.

— Сапоги есть, еще крепкие,— тихо сказал он сам себе и загнул на левой руке один палец.— Пиджак, штаны, рубашки — тоже в порядке. Надел и пошел.— Он загнул еще три пальца.— А с шапкой дело плохо.

Была у него надежная кепка, но после дождя «села», не лезет на голову. А в магазинах кепок не стало. Летом мать заставляла его носить белую панамку. Но не в панамке же являться на фронт! Засмеют и отправят обратно...

И тут Петька вспомнил, что в нижнем ящике комода, где лежит всякое старье, хранится буденовка, в которой вернулся с гражданской войны его дед. Сшита она из серо-зеленого сукна, немного жестковата снаружи, но с мягкой подкладкой, с крючками-застежками у подбородка и большой малиновой звездой спереди.

Петька быстро выдвинул ящик и начал рыться в нем. Буденовка оказалась на самом дне. Он бережно взял ее, разгладил ладонями складки, залюбовался звездой. Потом осторожно примерил ее. Буденовка оказалась ему не слишком велика. С замирающим сердцем подошел он к зеркалу и замер в восхищении. Из зеркала на него глядел стройный молодой красноармеец с широко распахнутыми отчаянными глазами, бледный, но готовый к самому жестокому сражению.

«Все! — решил Петька, слыша, как бегут по телу мурашки.— Лучше головного убора и не придумать. Возьму ножик, спички и другую мелочь — и в путь. Надо будет еще вещевой мешок соорудить из чего-нибудь. Но это пустяк. Вот с харчишками потруднее, ведь их надо будет прихватить дня на три-четыре, пока не доберусь до фронта и пока не поставят меня на полное военное довольствие. Можно, конечно, унести тайком каравай хлеба, но одним хлебом сыт не будешь, надо

еще что-то придумать... Требуется серьезная, но быстрая подготовка. И чтобы никто ничего не знал. Тайна! Полнейшая тайна», — строго заключил он, словно приказал сам себе.

И тут он вздрогнул, услышав, как скрипнула дверь. Поспешно обернулся, забыв про буденовку на голове. В избу кто-то зашел. Но кто? Петька решительно шагнул в сени...

2

У порога стоял Сенька. Но что с другом? Почему он попятился, ударился спиной о дверь и чуть не упал на порог? На лице — испуг, рот раскрыт и глаза чужие...

— А где?.. — промямлил Сенька, но тут же окончательно оробел и кинулся вон. Петька слышал, как быстро протопали по крыльцу Сенькины пятки. И вдруг понял: Сенька не узнал его в этой буденовке, взволнованного и будто бы выросшего чуть ли не на полметра. Хотелось захохотать, но и друга стало жалко. Да и сам Петька вроде бы тоже чего-то испугался.

— Сенька-а! Это я-а! — во весь голос заорал он, бросившись вслед за другом. Только в сенях он снова вспомнил про буденовку, бегом отнес ее в избу, положил на старое место и пустился догонять Сеньку.

Сенька стоял посреди улицы, недоуменно смотрел в Петькин заулочек и почесывал макушку. Такая уж привычка была у него: испугается чего-нибудь или задумается — обязательно запустит пятерню в волосы.

— Это же я, чудило! — вскричал, подбегая к нему Петька.

Сенька глядел растерянно и с обидой то в Петькины как будто бы честные глаза, то в заулочек Петькиного дома.

— Вижу, что это ты. А там-то кто, в избе-то? — наконец выговорил он.

— Да я и был. Только в шлеме. А ты... — с насмешкой проговорил Петька, но тут же осекся и умолк. Ему показалось, что он уже почти выдал свою тайну, что Сенька теперь обо всем догадался. И он зашептал Сеньке на ухо:

— Никому ни слова, что видел меня в буденовке, понял? А то я всей деревне расскажу, как ты меня не узнал и стреканул со страху из избы. Засмеют.

Сенька растерянно молчал. Он ничего не понимал.

— Пусть это будет между нами, — прошептал Петька. — Тут есть у меня одна тайна. Но и ты впросак попал. Так что помалкивай.

— А зачем это ты?— тихо спросил Сенька.— В войну играл?

— Чудило ты!— презрительно ответил Петька.— «Играл»!.. Я не маленький, чтобы играть.

— А меня примешь?— неожиданно спросил Сенька.

— Куда?

— Да в игру-то...

У Петьки даже кулаки сжались от негодования.

— Не игра это. Посерьезнее...— с чувством превосходства над другом сказал он.

— Ну и что!— уже смелее просил Сенька.— Все равно прими. Чего тебе одному-то? Неинтересно. А мне с бабкой, что ли, в войну играть.

Петьку еще больше разозлило напоминание о бабке. Но думал он все о том же.

«А что если вдвоем?— мелькнула у него радостная мысль.— Вдвоем даже лучше. Где надо — выручим друг друга. Один будет спать, другой — караулить.

— Пошли,— таинственно проговорил Петька. И, не оглядываясь, почти побежал к выгородке — молодому еловому лесу, который начинался сразу же у околицы.

Друзья миновали крайние сараи, в минуту пересекли лужок и вступили в молодой ельник. Тут надо было идти осторожнее: ноги кололо сухими иголками, сучьями...

В лесу было тихо и таинственно. Елки, распушившие лапки с нежными молодыми побегами на концах, выглядели принарядившимися молодимицами. Они словно улыбались, приветствуя ребят. Тихий, едва доступный слуху шелест наполнял выгородку. С неба лилась солнечная теплынь. И никакого ветерка. Ребята не слышали ни гомона дроздов, ни стрекота кузнечиков, которые выпрыгивали из-под ног и повисали, качаясь, на жестких спицах белоуса. И ребятам трудно было поверить, что в какой-то сотне километров от этого мирного леса пролегает линия фронта, где рвутся снаряды, выбивают яростную дробь пулеметы, строчат автоматы, где гибнут люди и где сражаются их отцы...

Наконец они вскочили на поляну, спрятавшуюся в самой середине выгородки. Петька с ходу бухнулся на мягкую кочку, усадил перед собой Сеньку и еще раз строго поглядел ему в глаза.

— Я решил, — начал он несвоим голосом и умолк. Что-то застряло у него в горле, мешало говорить.

— Что решил?— прошептал Сенька, зачем-то оглядываясь по сторонам и подсаживаясь ближе к другу.

— Гляди на меня прямо и клянись, что ничего никому не скажешь!— торжественно и важно проговорил Петька, проглотив комок в горле.

— Дак я уж давал тебе слово. Ну, клянусь,— недовольно сказал Сенька.— А в чем дело-то?

— Мы с тобой через неделю поедem на фронт,— сказал Петька, как о деле давно решенном, будничном и несложном. Сенька вытаращился, раскрыл рот.

— Это как же?.. Верно?— спросил он озадаченно.

— Вообще-то — дело личное. Я точно поеду. И тебя могу с собой взять. Вдвоем вернее.

— Конечно,— со вздохом согласился Сенька.— Я тоже думал...

— В такое время нам надо там быть,— снова торжественно заговорил Петька.

— Конечно,— опять согласился Сенька, побледневший от волнения.

— В крайнем случае, к началу занятий в школе вернемся, если там будут на этом настаивать,— подумав, серьезно сказал Петька.

— Конечно, будут,— сразу отозвался Сенька.— Все взрослые одинаковы, только и ноют: «Учись, учись»!

— Значит, так,— прервал его Петька,— готовь одежду, харчишки, ну... и инструмент, ножик там и еще кое-что. Уходим через неделю. А пока будем встречаться по два раза в день и докладывать друг другу, кто что успел сделать. Потом назначим час — и в дорогу. Надо же нам с тобой убить хоть по одному фашисту или солдатам помочь их разгромить.

— А как пойдem-то? Пешком до самого фронта?

— Пешком — долго. Чего ноги ломать, если вот она, железная дорога, рядом. Ты ведь знаешь, что у моста через нашу Григорку поезда притормаживают. Прыгнем на подножку — и айда.

— Тогда по рукам!— Сенька приподнялся и протянул товарищу свою тонкую веснушчатую руку.

— По рукам!— азартно, однако не во весь голос крикнул Петька.

Но не успели друзья как следует пожать друг другу руки, как в лесу, совсем недалеко, что-то затрещало. Было похоже, что к поляне шли люди. Вскоре донеслись и приглушенные голоса.

— Ложись!— шепотом скомандовал Петька и бухнулся животом на прохладную перину мха. За ним как тень упал и затих Сенька. Лежали недолго.

— За мной!— Петька легонько взмахнул рукой и пополз. Через минуту они уже лежали рядышком за высокими кочками. Сверху их надежно прикрывали густые еловые лапки. В случае чего ребята могли незаметно отступить в глубь чащи по тропке, известной только им двоим...

Вот уже чужие голоса совсем рядом, шагах в десяти. Разговаривали сразу несколько мужчин. И вдруг перед самыми лицами ребят остановились сапоги. Самые настоящие сапоги, с тяжелыми закругленными носами, с голенищами в мелких пупырышках — армейские, кирзовые.

— Солдаты,— одними губами, без звука произнес Сенька, но Петька надавил ему рукой на затылок так, что Сенькино лицо зарылось в мох.

Сапоги исчезли так же неожиданно, как и появились, и голоса стали быстро отдаляться к западной окраине выгородки, откуда с опушки удобно рассматривать высокую железнодорожную насыпь и большой мост через Григорку, собранный из причудливых стальных конструкций, выкрашенных в коричневый цвет.

— А чего мы от солдат прячемся? Они же наши! Может, они чего-нибудь ищут в лесу, например, место для дальнобойных пушек... Мы могли бы им посоветовать,— высказался Сенька, недовольный тем, что весь сегодняшний день Петька командует им.

— Надо сначала узнать, что они там делают. Пошли,— предложил Петька, словно и не обращая внимания на слова друга. Он выполз из-под елок и, пригнувшись, стараясь идти бесшумно, двинулся вслед за солдатами. И Сенька со вздохом пошел за ним, нельзя же оставлять друга одного в таком деле, хотя и вздорный он какой-то сегодня.

Ближе к опушке лес становился реже. И тут ребятам открылась еще одна неожиданная картина. Они чуть не наткнулись на группу солдат, которые сидели кружком на кочках и курили, изредка перебрасываясь словами. Было заметно, что они устали и курят с удовольствием.

Ребятам пришлось снова залечь. Но теперь позиция у них была не очень удобная: под ними трещали ольховые ветки. И если бы кто-нибудь взгляделся в сторону ребят, то сразу обнаружил бы их, потому что прятались они теперь почти на голом месте.

Друзья видели, как к солдатам подошел пожилой военный в командирской форме с кубиками в петлицах и повел их еще дальше к окраине леса. Скоро оттуда донеслись глухие удары, словно что на землю бросают что-то тяжелое.

Не сговариваясь, Петька и Сенька поползли туда. Но то, что они увидели, разочаровало их. Солдаты, сняв гимнастерки, рыли какие-то ямы. И не было тут ни пушек, ни танков, ни винтовок даже.

— Я думал, это настоящие бойцы, а у них вместо оружия — заступы, — пренебрежительно проворчал Петька. — Нечего и смотреть на них, зря прятались да ползли.

— Вот именно, — поддакнул Сенька.

— Молчи! — прошипел Петька. Он еще что-то хотел сказать другу, но прикусил язык и плотнее прижался к земле, потому что рядом раздались тяжелые шаги.

— А ну, вставайте, хлопцы! — прозвучал над ними грубоватый голос. — Сейчас узнаем, зачем это вы за нами по всему лесу бегаετε да подсматриваете.

Друзья порядком струсили. Неловко поднялись, придумывая оправдания. А перед ними стоял пожилой военный, тот самый — в командирской форме и с кубиками в петлицах. Друзья сразу заметили, что у пояса военного висит толстая коричневая кобура, в которой, конечно же, пистолет.

— Лазутчики, значит? — без усмешки спросил военный.

— А кто такие лазутчики? — наивно и бесстрашно спросил Сенька. Командир показался ему почему-то добрым, хотя в голосе его слышалось явное недовольство.

— Вы из какой деревни? — тем же тоном спросил военный. Но ребята уже поняли, что забирать их он не станет, а говорит строго только для порядка и острастки.

— Мы из Острова, вон избы видать, — почти в один голос ответили они с готовностью и показали на свою деревню.

— Фамилии? Имена? Где отцы?

— Мы оба Румянцевы. Петька и Сенька. А отцы на фронте.

— Что-то не похоже, что вы братья: один белый, другой черный — как прикажете понимать? — военный спрашивал все еще строго, но глаза у него стали приветливее.

— У нас вся деревня Румянцевы. И мы, и девчонки, и старые люди, — сказал Петька.

— Бывает такое на Руси, но редко, — проговорил военный. — Проверим.

— А вы что здесь делаете? Может, вам тропки показать? Мы тут все облазили, все знаем... — залепетал Сенька.

— Что мы тут делаем — не всем знать полагается, — снова нахмурился военный. — Приказываю вам больше здесь не появляться. Ясно?

Оробевшие ребята глянули ему в лицо — не шутит ли, но

брови военного сдвинулись так грозно, что друзья сорвались с места и, петляя между кустами, перепрыгивая через пни, помчались к деревне. Настроение у них было самое дрянное.

3

Запыхавшись, они упали на траву возле крайнего сарая. — Уж больно много воображает из себя этот командир, — проговорил Сенька. — Жалко ему было рассказать... Мы бы, может, помогли им и копать...

— У них строго. И правильно. Если все всё будут знать, то и до врага слух дойдет, — спорил Петька. — Так что и дуться нечего.

— Нарвешься на такого на фронте, — продолжал Сенька, — он и оттуда погонит, да еще с милицией может домой отправить.

— Не все же такие! — загорячился Петька.

— Да ведь порядок-то, дисциплина-то в армии для всех одинаковы, — запетушился Сенька. — Ничего у нас не выйдет с фронтом, я так думаю.

— Ну, вот. Ты, я вижу, и на попятную готов! — насмешливо сказал Петька.

— После такого задумаешься...

Петька вскочил, словно его подбросило. У него так закипело в груди, что он не находил слов, которые надо бы сейчас бросить прямо в лицо этому отступнику Сеньке.

Он снова вспомнил и об отце, и о погибшем дяде Михаиле, и о том, как бьются с врагом все настоящие бойцы, патриоты. И еще крепче стало его решение... Он и один на фронт может уйти, пожалуй, так даже лучше будет, а то уж больно нерешителен Сенька.

Не ошибся ли он, Петька, в выборе друга? Недаром говорят, что надо пуд соли съесть с человеком, прежде чем раскусишь, каков он на самом деле.

А Сенька сидел приунывший, с виноватым видом. И такое было у него расстроенное лицо, что Петька великодушно сдержался, не стал упрекать его. А потом спохватился и спросил с укором:

— А как же клятва?

— Я от нее не отрекаюсь, — тихо ответил Сенька и тоже вздохнул. А потом добавил: — Сам же говорил, что подготовиться надо как следует...

— Тогда пошли по домам. Будем готовиться. Мы всё говорим, говорим, а время идет. Так без нас всех фашистов

разобьют, не будут ждать, пока мы снарядимся да прибудем — и ничего на нашу долю не останется, — ворчливо проговорил Петька...

Дома Петьку встретила мать и сразу послала его к ручной мойке. Петька поморщился, но пошел: руки и впрямь пора было отмыть, да заодно и лицо освежить не мешало.

Послушно уселся он и за стол и суп хлебал без гримасничанья, хотя не любил эту пустую, только сметаной забеленную похлебку. Он решил, что надо стараться быть послушным, чтобы мать ничего не заподозрила о его намерениях — она ведь догадливая. Но мать была, как всегда, приветлива с ним и казалась задумчивой. Сядет и голову набок склонит, а губы поджаты, словно кто ее обидел...

Петька машинально опорожнил тарелку, доел оставшийся ломтик хлеба. И только после этого рассердился на себя: ведь мог же он уже сейчас, за обедом, отложить тайком пару кусочков хлеба, чтобы начать подготовку, но обо всем забыл — не лучше Сеньки. Однако он утешал себя тем, что уж вечером-то, за ужином, обязательно сделает почин. А еще проще — перед самым побегом забрать краюху поувесистей. Потом уж все равно будет: семь бед — один ответ.

Из-за стола Петька поднялся бодрым и опять подумал, чем бы заняться, пока мать дома — без нее-то он бы начал собирать кое-что в дорогу. Но дело ему нашла в этот раз сама мать. Она вынесла с кухни два глубоких, накрытых тарелками блюда, поставила их одно на другое, положила сверху два толстых ломтя хлеба, посыпанных солью, и крепко завязала все это в платок, да так ловко, что сверху получилась плотная дужка, за которую можно было взяться рукой. Петька знал, что все это значит: надо нести обед на дальние пашни старшему брату Кольке.

Носить обед брату всегда интересно. Это только совсем маленьким Петька сбивался с дороги и не каждый раз находил Кольку. А теперь он знает все пути-дорожки, каждое дерево, ямку и кустик хоть за три километра от деревни в любую сторону. К тому же любопытно поглядеть, что и как делается на полях, потолковать с братом. Там один на один он охотнее разговаривал с Петькой, шутил, а бывало, как с равным, обсуждал разные события. Дома Колька больше молчал. Утром уходил на работу ни свет ни заря, заспанный, а возвращался поздно вечером усталый — не до разговоров ему было. Только с матерью перекидывался он скудными фразами о колхозных и домашних делах и вечно спешил или был занят своими, похоже, нелегкими думами.

Стараясь держать ношу ровно, чтобы не сдвинулись блюда и не расплескалось ни капельки супа, Петька мелкими шажками пробрался меж грядок через загороду и вышел к меже, вдоль которой вилась гладко утоптанная тропинка. Теперь и слева и справа от него поднимался густой зеленый лен. Стебли у него тоненькие и нежные, с чуть склоненными вершинками и прижатыми еще не окрепшими дымчатыми листочками. Любил Петька полоть лен. И нынче работал на этом поле. Идешь, срезая ножиком всякие колючки, выдергивая сорную траву — молочай, жесткую пикулю, и невольно примнешь всходы льна, притопчешь к земле, совсем еще низенькие и слабенькие, — и жалко их становится. А они, притоптанные-то, через день как ни в чем не бывало поднимаются и тянутся вверх!

Не нравилось Петьке на прополке одно: там приходилось работать вместе с девчонками и старухами. Девчонки — те проворные, не за каждой угонишься. А старухи кричат и отстают, охают, держатся за свои поясицы. Петька за день выпалывал вдвое больше, чем любая старуха, но ему каждый раз начисляли только полтрудодня, потому что считался он несовершеннолетним, а нерасторопным старухам — полный трудодень. Как тут не обидеться?

Петька требовал даже, чтобы отвели ему отдельную полосу, на которой он уж показал бы выработку, всех бы обогнал. Тогда и трудодней ему пришлось бы начислять раза в три больше. Но никто его не слушал. Так уж заведено было в деревне, что, хоть в поле, хоть на лугу, работали оравой, дружно, выручая тех, кто отставал. Иные девчонки вообще старались все делать за старух.

Сегодня путь Петьке предстоял неблизкий. Колька начал вспашку паров почти у самого домика железнодорожного обходчика Фунтова. Настоящая-то фамилия у того была — Фунтас. Приехал он сюда в первые месяцы войны — эвакуировался из Прибалтики, захваченной фашистами, — и сразу устроился по своей специальности на железную дорогу. Местные жители переименовали его фамилию и звали Фунтовым. Обходчик на это не обижался. К его казенной будке и примыкало самое дальнее колхозное поле.

Петька шел и по привычке разглядывал все вокруг. Приметил, что на пригорках уже отцвела земляника и ягоды пухнут, из зеленых становятся белыми. Он поразглядывал их, даже потрогал и решил, что недели через полторы ягоды вызреют докрасна и сюда можно будет приходиться с корзиной.

Когда позади было уже полпути, птицы и ягоды перестали интересоваться Петьку. Он насторожился. А дело было в том, что в домике обходчика Фунтова жил и его сын Алеха.

Вредный и заносчивый этот парень Алеха. Почти год здесь живет, а ни с кем по-настоящему не подружился. И не потому, что живет не в деревне, а на отшибе — просто такой уж у него характер: хвостун и забияка. Петьки он старше года на два, а длинный, как жердь, и такой же тощий. Не любил его Петька. И прозвище ему придумал обидное: «Фунт лихой набит трухой».

Не хотел бы он сейчас встретиться с этим Фунтом один на один. Дело не в драке: Петька не трусливее и не слабее его, однако в стычке можно разлить Колькин обед. Если Фунт не полезет в драку, то пристанет с разговорами о том, какие он прочитал книги, какие знает на небе звезды, какие в нашей армии новые самолеты и танки... В этом он разбирается лучше деревенских ребят, а Петьке обидно...

Вечно этот Фунт бродит по перелескам и по берегам ручьев, текущих в Григорку. Там у него всякие силки на птиц, верши на рыбу. Он и этим бахвалится. Лучше его не видеть.

Мог бы Петька сейчас идти и по шпалам железной дороги. Этак он, пожалуй, скорее добрался бы до брата. Но на железной дороге обязательно нарвешься на Фунтова-старшего. А его Петька откровенно побаивается. Как-то с Сенькой разбили они на телеграфном столбе чашечку-изолятор, белую, фарфоровую. Поспорили сначала, кто метче, и принялись бросать камни. Обрадовались даже, что разбили, и еще бросали, пока не услышали шум мотора и не увидели, как мчится по рельсам дрезина и обходчик Фунтов грозит им с нее кулаком. Они тогда убежали. Но на следующий день Фунтов заявился в деревню, собрал народ и при всех ругал и стыдил Петьку и Сеньку. Под конец он штрафом и даже судом пригрозил. Не захочешь после такого встречаться с ним.

Так и шел Петька кривыми тропками, обходя стайки кустарника и углы полей, то и дело открывавшихся посреди зарослей. И почти забыл, что надо собираться на фронт. Ласково грело с высоты большое солнце. Радостно гомонили птицы. Тихо шелестела свежая трава. И воздух был чистый-чистый, как у самой земли, так и там, в голубой вышине, где величественно плыли полупрозрачные кучевые облака. Все дышало покоем или радовалось жизни. И Петьке было удивительно хорошо и легко.

Не сразу почувствовал он смутное беспокойство. И совсем не такое, какое бывало при встрече с Фунтовым. Ему начало казаться, как что-то чужое, неизвестное и недоброе вторгается в родные места. Холодок запекал сердце. Но отчего бы?

Петька не сразу понял, что пугал его поначалу едва слышимый, но все нараставший гул. Вот этот гул перерос в надсадный противный вой. Он все громче, ближе... Петька обернулся, задрал голову к небу. И похолодел: прямо на него низко летел самолет, каких Петька еще не видывал. Страшным показался он ему: мало того, что выл противно, он и выкрашен был как-то нехорошо — весь черный, а на брюхе и концах крыльев желтые разводы. А что еще на крыльях-то? Неужели чудится Петьке? Нет, на желтых концах крыльев самолета отчетливо вырисовывались зловещие черные кресты.

«Фашист!» — понял оцепеневший Петька. Со страхом и ненавистью глядел он на вражескую машину и не знал, что сейчас делать. Петька почему-то надеялся, был уверен даже, что самолет сейчас развернется и улетит восвояси...

Самолет и в самом деле круто развернулся, резко накренился. Но... понесся не обратно, а вниз, в Петькину сторону. Петька стоял как вкопанный, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Да и не знал он, убежать в кусты или ждать, что будет дальше.

Самолет быстро рос, словно распухал — так пухнут резиновые игрушки, когда их надувают. Желтоватое брюхо самолета поблескивало. Но особого ужаса Петька не испытывал — одолевало нетерпение: что же сейчас произойдет? Уж не грохнется ли вражина на землю?..

Петька и не предполагал, что фашистский летчик выбирает живую цель. Он знал другое: летчики — это герои, они совершают межконтинентальные перелеты, спасают попавших в беду полярников, доставляют к больным докторов... На этом самолете у штурвала, конечно, фашист, но ведь он тоже летчик. Что он сделает сейчас?

Неожиданно с крыльев самолета посыпались огненные искры. И не очень далеко от Петьки, примерно там, где стоит домик обходчика и где должен пахать Колька, что-то зашелестело, затрещало, словно пацаны принялись рубить деревянными саблями заросли крапивы. Шум тотчас смолк. Но через мгновение повторился, потом еще раз, еще...

Петька ничего не понимал. Он только видел, как круто взмыл вверх черный самолет, сверкнул пузом, опять отчет-

ливо показал свои кресты и ровненько пошел туда, откуда прилетел.

Но теперь в небе слышались и новые звуки. Они перебивали и заглушали нудный вой самолета. Пораженный, Петька увидел, как позади незваного черного гостя возник невесть откуда взявшийся зеленоватый «ястребок» с красными звездами. Теперь острые короткие молнии летели с «ястребка». Оба самолета вдруг ринулись в высоту, почти исчезли. И в это время в чистом небе возникла темная дымная полоска. Самолеты уже далеко за деревней снова снизились. «Ястребок» еще раз деловито пристроился к хвосту черного врага, словно бы поклевал его и пошел в сторону, вверх, выравнился там, покачал крыльями.

Оставляя за собой черный шлейф, самолет с крестами медленно поплыл к горизонту. Шлейф разросся в жидкое темное облачко, из которого что-то стремительно повалилось вниз, в дальний заболоченный лес. Прошло еще несколько мгновений, и до Петьки донесся глухой удар, словно гром прогремел вдали. Вздрогнул воздух, и тут же все смолкло. Поблек и рассеялся на горизонте дым.

Так же, как до появления фашистского самолета, сияло солнце, пели птицы, трепетали чистые листья деревьев и цветущая трава, и воздух остался прежним — свежим и вкусным. Едва слышно, по-домашнему привычно булькал родник... А Петька ничего этого не видел и не слышал. Он наконец сообразил, что сейчас вот на его глазах происходил воздушный бой и за его родной деревней сбит фашистский самолет. Это же такое событие! И Петька напрямик бросился туда, где, по его расчетам, должен находиться Колька, чтобы рассказать брату всё-всё.

4

Вот и пашня, свежие, только что вывороченные плугом пласты. Но нет на поле ни Кольки, ни лошади. У Петьки кольнуло в груди, до его сознания вдруг дошло, что вражеский-то самолет строчил из пулемета и именно сюда, может быть, прямо в брата.

— Колька-а! — в отчаянии закричал он.

Но никто не отозвался. Хотелось зареветь... А может, брат просто переехал на другой участок и крик гложет в зарослях...

И тогда он решил и пошел к домику Фунтова: может,

обходчик на месте и что-то знает, да и Алеху—Фунта можно порасспросить, он-то уж наверняка все видел.

Вот и изба Фунтовых, целая и невредимая. Петька на минуту остановился в нерешительности, перевел дух, робея находить сразу. И тут он услышал голос брата. Горячая радость охватила его.

Колька и Фунтов-старший шли к домику из кустов, встревоженно переговариваясь. Лица у них были взволнованные, глаза горели. Обходчик поднялся на крыльцо, постоял, прислушиваясь и поглядывая на небо из-под ладони, приставленной к козырьку форменной фуражки, почти по-военному повернулся кругом и шагнул в дом. Петька с уважением пронодил его взглядом. Фунтов чем-то показался ему сейчас похожим на того командира в выгородке. А Колька, едва глянув на младшего брата, нырнул в кусты и скоро вывел оттуда невыпряженную лошадь. Петька подбежал к нему.

— Принес пошамать?— спросил Колька. И Петька почувствовал, что старший брат изо всех сил старается выглядеть спокойным, словно ничего и не случилось.

— Принес,— заторопился Петька.— Там, у пашни в кустиках, узелок.

— Самолеты видел?— строговато спросил Колька, поправляя упряжь на лошади и не глядя на брата.

— Видел! — горячо заговорил, почти закричал Петька. — Этот-то вражина сначала прямо на меня летел, а потом его сбил наш «ястребок». Грохнулся, желтопузый... А и страшный-то он какой! Воет по-волчьи. Вот бы сбегать туда, поглядеть, чего от него осталось. А?

Колька нахмурился и ничего не ответил.

— Это он по вам строчил из пулемета? Да? — заглядывая в лицо брата, допытывался Петька.

— Может, и по нам,— не сразу ответил тот.

— Колька, а они еще прилетят или не посмеют теперь, когда этого сбили?

— Все может быть. Так что и сам смотри в оба.

— Им, наверное, наша железная дорога покою не дает. По ней же все время к фронту эшелоны идут...

— Много ты знаешь!— сердито буркнул Колька, принимаясь за обед. И тут же добавил:— Не болтай об этом, а то пойдет слух. А кому нужна паника?..

Петька не обиделся. Он вообще не обижался на старшего брата. Только ему всегда хотелось понять до конца и его самого и его занятия, а Колька любил делать свои дела молчком.

— Колька, ведь это значит, что фронт к нам движется, если чужие самолеты досюда стали долетать? — спросил он.

— Может быть, и так, — вздохнул Колька, свертывая цигарку. Петька обрадовался: пока брат курит, с ним можно будет потолковать еще несколько минут.

— Колька, а тебе хочется на фронт? — спросил он с улыбкой. Доверительно так спросил, как родного человека, с которым можно говорить о самом сокровенном, и еще с расчетом, чтобы не прикрикнул на него старший брат.

— Нет, не хочется, — сердито ответил Колька. И в его голосе Петька уловил горечь, хотя не понял до конца, искренне говорит брат или насмехается над ним.

— Тебя бы взяли, ты вон такой здоровый! — продолжал свое Петька.

— Вот что, милый, — улыбаясь, но с явной издевкой заговорил Колька. — Тебе пора бы понять, что есть на свете такая не для всех приятная, но всем необходимая вещь — дисциплина. — Колькин голос зазвучал тверже: — И порядок существует: каждый должен быть на своем месте. Придет время, призовут меня — пойду. А наше место покамест тут. Вспаху вот это поле, выращу на нем рожь — и целую роту на год хлебом обеспечу. Без хлеба солдат много не навоюет. Вот и покумекай своей головой, а то — «на фронт», «на фронт»! Соображать кое-что надо. И в руках себя держать.

Колька сердито затоптал цигарку и решительно пошел к лошади, которая покорно подняла голову от травы, встречая хозяина умными глазами. Колька легко приподнял и встряхнул плуг. Петька неотрывно глядел на брата, размышляя, всерьез ли разговаривал он с ним.

— Подумай, подумай о себе! — еще раз, словно на прощанье, крикнул Колька и всадил плуг в пашню. Но тут же остановился, еще что-то поправляя у плуга. Видимо, ему сразу удалось сделать все как надо. Он оглянулся на Петьку, обнажил в улыбке широкие белые зубы и крикнул:

— Ты на фронт не беги!

Обидные слова. А улыбка веселая, родная. И Петька улыбнулся брату, но кислотовато. Он приуныл. Неужели Колька чутьем догадался о его намерении? Ведь он же еще ничего не может знать! Ведь Петька только сегодня принял решение...

Он тревожно и чуточку торжественно думал о том, что если фронт подходит все ближе, то уж теперь раздумывать некогда. Пусть Колька пашет, если считает нужным. Ему же,

Петьке, рановато еще пахать: слабоват, пожалуй. А на войне не от роста да от силы все зависит — важны и смекалка, и проворство. Там всякое бывает, и именно там он, возможно, и отличится. Ведь и мальчишка может стать героем, так почему же кто-то другой, а не он, Петька? Захватывающие, грозные события надвигаются на деревню, и надо вести себя так, чтобы все говорили: «Какой молодец, какой сообразительный и геройский парень Петька Румянцев из Острова!»

А может, и не надо пока никуда бежать из деревни, если интересно, даже опасно и страшновато становится и здесь? Ведь в самые окошки война заглядывает, над головой летает. Может случиться так, что фронт к самой деревне подойдет. А в родных местах, в знакомых кустиках воевать легче, больше пользы можно принести. Во-первых, надо вырыть окоп рядом с домом в загородке, чтобы можно было спрятаться в него от самолетов...

5

Если человек захвачен думами — время для него летит незаметно. И Петька удивился — как быстро пришел! — когда чуть не уткнулся носом в заднюю калитку своей загороды. Ноги сами привели его к дому.

На подворье он увидел деда, который выволок на свет свой ящик с инструментами и перебирал их. Дед коротко глянул на внука и отвернулся, продолжая свое дело.

— Дедушка, а ты видел самолеты? — решил полюбопытствовать и поделиться впечатлениями Петька.

— Как не видеть. А что? — хмуро откликнулся дед.

— Немецкий-то стрелял. В то место, где пахал Колька. В кусты пулями саданул. А Колька с Фунтовым прятались. И лошадь тоже в кустах укрыли.

Дед распрямылся, недоверчиво, даже гневно глянул на Петьку.

— Сочиняешь?!

— Ни капельки! — загорячился обиженный Петька. — Я сам рядом был. Всё видел. А потом и с Колькой разговаривал.

Дед облегченно вздохнул, плечи его опустились, а глаза все еще были колючими. Он покачал головой, что-то проворчал про себя и опять склонился над инструментами. Он разглядывал, трогал пальцами каждую железку и раскладывал их в две кучки: одну стамеску туда, другую сюда, сверло туда, сверло сюда...

— А я нисколько не испугался, хоть он и гнался за мной, самолет-то, страховидный такой!— похвастался Петька.— Но сбили его наши. «Ястребок» как налетел!..

— Не балабонь! Не твоего это ума дело,— тотчас обрезал его дед.— Не мешай.

— Всем я мешаю!— обиженно и капризно крикнул Петька.

— Он еще голос повышает!— заругался дед.— Ну-ко иди ко мне!

Петька не испугался, подошел вплотную. Он привык, что дед частенько ворчит и бранится. Его можно было и простить. Он всегда находился при деле и не терпел, когда кто-то при нем бил баклуши. Именно за это он чаще всего и шпынял внука. Но Петьку обычно брала под защиту мать. В таких случаях дед выразительно говорил: «Тьфу!»— и уходил прочь, чтобы не ссориться с ней. На подворье в любом углу он моментально находил себе занятие и успокаивался, мурлыча старинные песни.

Но сегодня дед не был похож на себя. Глаза у него отчего-то покраснели и слезились. Он еще больше ссутулился и потемнел лицом. В его короткой седоватой бороде застряла стружка, а он не замечал этого...

Дед встал, выпрямился и оказался вдвое выше внука. Теперь он был для Петьки строгим и мудрым дедом, для которого главное в жизни — работа и который о людях судит только по их делам.

— Выходит, обиду в сердце на старших имеешь,— сказал с легким укором дед. И вдруг улыбнулся, скупно, но как-то по-свойски.

Петька удивился. Дед действительно сегодня не такой, как всегда. И насчет обиды сказал так, словно приглашал к серьезному, обстоятельному — без ругани — разговору. Такого еще не случалось, и теперь Петька с особым интересом ждал, что же будет дальше. Но у деда что-то переменялось в лице, словно тень какая-то пробежала, он вздохнул и стал прежним ворчливым стариком.

— Это на тебя, дорогой товарищ, обижаться надо,— глухо заговорил дед.— А почему? Да хотя бы потому, что снова ты из лесу пришел с пустыми руками. Так ведь можно всю жизнь зазря по земле прошляться.

— Я же обед носил Кольке. Разве это не дело?— заносчиво возразил Петька.

— Это полдела,— убежденно заявил дед. В его голосе слышались торжественные нотки, и Петька насторожился.

— Пора к настоящему делу присматриваться,— продолжал дед,— хотя бы притрагиваться к нему. Пора!

— А что это за настоящее дело?— с нескрываемым интересом спросил Петька.

— А такое дело, что побольше пользы от тебя должно уже быть,— стал объяснять дед нараспев.— Вот хотя бы и сегодня. Шел ты к дому меж кустов — так и нарезал бы согенку прутиков. Они сейчас еще не задеревенели и свежей поросли на них еще пустяк. В эту пору прут самый гибкий и прочный, в работе удобный — корзинки из него долго и верно хозяину служат. Принес бы ты сегодня прутиков, а завтра, глядишь, корзинку бы сплел. Вот и польза налицо, небольшая, но все же... И великие дела из малых частиц складываются. Или сучки на елках присмотрел бы на обручи хоть к тем же корзинкам, хоть к шайкам. Да мало ли что можно было принести! В лесу бы от этого не ubyло, растет он постоянно, а в доме — прибыло бы. Уразумей, что в доме многое изнашивается, стареет и в негодность приходит. И все это надо подновлять и держать в порядке...

Дед примолк, продолжая шевелить губами, это значило, что кончать разговор он не собирается.

— Представь-ка,— начал дед,— что все наши деревенские сегодня с пустыми руками, как ты, домой из лесу вернулись. Что из этого получится?

Петька не ответил. Чего тут отвечать? Ясно, что пользы не получится.

А дед продолжал:

— Дело — дрянь будет. А если они, люди-то деревенские, неделю так попусту проболтаются? Тогда нужда к ихним избам вплотную подойдет. Пустить в дом нужду легко, выгнать — непросто,— рассуждал дед.

— Так ведь все наши деревенские вечно в работе,— сказал Петька.

— А надо еще видеть, от кого какая польза в этой работе,— возразил дед.— С одной стороны польза от работы прет, с другой — нужда наступает, вот и надо видеть, что сильнее. Не сразу разглядишь, как нужда вползает — хитра она. Такой уж враг, эта нужда, что все время норовит человека в полон забрать.

— Сейчас главный враг — фашисты,— в свою очередь возразил Петька.

— А война — это главная и всеобщая нужда. И на всех нас она наступает, на каждую избу. Понимаешь ли, о чем я толкую?

— Понял,— откликнулся со вздохом Петька.

— Ничего ты не понял,— необходимо усмехнулся дед.— Если бы понял, то сам бы и сказал, что теперь каждому человеку вдвое-втрое полезнее надо быть. Брат твой Николай это хорошо понимает, оттого и ломит, как лошадь. А ты на старом уровне держишься.

— Дак чего всё я-то?— недоумевал Петька. В нем опять вспыхнула обида.— И я не отказываюсь.

— Это не оправдание,— сказал дед.— Любишь ты всегда вывертываться. «Не отказываюсь», говоришь. Верно, допустим это. Но ведь и сам не рвешься к делу. Это тоже верно? Безусловно! А ведь и худо, коли не рвешься. В настоящем-то деле как получается? Понял его человек — и сам на него идет без приглашений и приказов. Сам человек и должен найти его, прикипеть сердцем и делать. Многие всю жизнь так и живут. И славно! Очень многого может достичь человек так-то. А ежели не понял он дело душой, не примет его и к рукам. Такому и указка не поможет. Пусть он и не отлынивает, но и сделать дело хорошо не сумеет. Значит, не одно голое понимание, а еще и радение нужно. Надо полюбить свое дело навсегда. Понятно это-то?

— Да вроде понятно,— сказал Петька.— А за что браться-то?

— Опять ничего не понял,— мягко вздохнул дед.

— Да понял я!— закричал Петька.

— Умом понял. А это значит — только наполовину. Надо еще и нутром, сердцем понять да и прикипеть к делу. У тебя душа-то просит дела?

— Да как же не просит, если вон что творится! Фронт рядом, людей убивают. Тут зачешутся кулаки у кого хочешь...— Петька разволновался, оглядел свои кулаки, руками замахал.

— Тогда не пропащий ты человек,— с одобрением сказал дед и обнял внука за плечи.— Надо гореть душой-то, надо. Тогда и руки дело найдут.

— Я так и думаю...

— Думай, думай, внучек,— с мудрой улыбкой говорил дед и даже по голове Петьку погладил.— Думай, чтобы не прозевать свое дело, себя не прозевать. Тяжелая сейчас година. Всем надо думать, чтобы выстояла Москва... Чтобы и наш Остров жив остался.

Дед умолк. И снова глаза его заслезились, ссутилились плечи. Он, наверное, вспомнил о погибшем сыне Михаиле...

Отошел дед от Петьки, сел рядом с инструментами на бревнышко, затих.

— Дедушка, а почему нашу деревню Островом назвали? — спросил Петька. Дед отозвался не сразу.

— И правильно назвали, — убежденно и рассудительно говорил он. — Не скажу точно, кто дал деревне такое имя, но, видимо, не глупый был тот человек, потому что и впрямь стоит она как бы на острове. С трех сторон отделяет ее от других сел река Григорка, а с четвертой — железная дорога и лес, которому конца-краю нет. Вот и получается, что попасть в нашу деревню можно только через водную преграду, то есть будто на остров переправиться. А как наша деревня стоит? Не вытянулась она в одну улицу и не глядит окнами только в окна соседей. Наша деревня на все стороны света окнами смотрит, как будто свои поля, свои владения и границы неусыпно охраняет... А ведь Москва-то тоже во все стороны глядит, словно границы всей страны стережет. Но там уж границы важней, потому что они — государственные. А держава-то наша во главе с Москвой — тоже как остров среди других стран. Это ведь у нас только Советская власть народная, своя, и нету богачей-миродов, что обездочивают простых людей, живут их трудом, потом да кровью. У нас все равны, если честны. Вот богатеям-то других стран и не по нутру, что под боком у них идет такая справедливая жизнь и грабить ближнего да слабого не позволено. Стращают богатеи, как бы и ихние бедняки по нашему примеру революцию не подняли, а их, стоящих у власти, не скинули да — к ногтю... Вот они и собрали силы чуть ли не со всего света, двинулись на нас. Разбойничают, на колени нас хотят поставить, покорить... Много нашей крови они пролили, много домов пожгли, пограбили. И есть у нас только один выход: побить всех врагов до единого и прах ихний вытряхнуть в самое далекое море. А для этого надо воевать изо всей мочи, и в тылу из последних жил тянуться, потому что силен враг. Так-то, внучек. Вот тебе и весь мой сказ. Да ты и сам большой, должен понимать что к чему.

— Я понимаю, дедушка, — тихо сказал Петька, завороженный дедовым рассказом. Никогда ведь не думалось ему, что так вот близки и даже схожи маленькая его деревушка Остров и огромная Москва, что, должно быть, и со всеми другими деревнями и городами Москва в таком же кровном родстве. В деревне Остров — все Румянцевы, а в стране — все советские. Значит, все заодно. А это такая силища! Петьке показалось, что он сделал для себя открытие, и от востор-

га у него захватило дух. «Да с такой силой любого врага расколошматим!» — уверенно думал он, глядя на такого мудрого и ласкового деда разгоревшимися глазами.

— Вот так-то, — задумчиво повторил дед. — Доводилось мне в Москве бывать. И до сих пор думаю, что схожа наша деревня с ней. Ты заметил ли, парень, что все тропки, все дороги из леса, с полей, с реки, с лугов — сбегаются в нашу деревню? Разбредутся с утра люди по этим дорожкам, каждый по своей, а к вечеру обязательно все домой возвращаются. Оттого, что родное это место. Иные и надолго уезжают, а всё сохнут по родному гнездышку. Так и к Москве ведут все пути-дороги. Но там уж не проселки, а железные да столбовые магистрали, реки судоходные, каналы... И так из каждого уголка страны, от каждой избы путь к Москве проложен. И съезжаются туда добрые наши люди. А сейчас грудью за нее стоят... Москва-то на большом возвышении построена, над рекой. И наша деревня — тоже. Вот тебе и сходство. Потому что один корень — Россия!.. Надо, конечно, понимать, что наша деревенька — малюсенький островочек родной земли. Нам этот островок всего ближе к сердцу. И нет роднее и дороже города, чем Москва. Сами мы — Москва. Она нас в обиду не давала, ну и мы должны за нее хоть на смерть идти. И идут люди наши. Помни это и сердцем поймай.

6

В горнице Петька уселся возле окна и загляделся в ту сторону, где была Москва. Но Москвы из окна не видно. Петька знал, что ее не увидишь, даже если заберешься на вершину самой высокой березы. Пробовал.

Сейчас на горизонте синел лишь горбатый холм Туманный. Он закрывал собой все, что было дальше, кроме тоненькой черной палочки, трубы далекого льнозавода, над которой постоянно вилась едва заметная струйка дыма. Заводскую трубу Петька разглядел и сейчас. И облачко дыма над ней было. «Работает завод, — подумал он. — А ведь к фронту он ближе километров на пятнадцать, чем наша деревня».

Но завод вскоре забылся. Петька все еще находился под впечатлением душевных слов деда, потому что больше всего на свете любил свою деревню, речку Григорку, железную дорогу, выгородку и далекую таинственную Москву. А чтобы сберечь все это, с беспокойством думал он, надо обязательно сделать что-нибудь значительное для победы.

Лучше всего, конечно, быть на фронте. Но кто же тогда будет носить обеды Кольке, который считает и свою работу такой важной? Хоть и шпыняют Петьку взрослые, а трудно будет семье без него — это точно. Да и в сенокос некому будет забираться на стога, на самые их вершинки, и принимать охапки. Петька хоть и молодец, а в этом деле знает толк, отец обучил...

Но тут вспомнилась клятва. И Петька нахмурился. Надо же, как его запутали эти взрослые! И всех-то он слушает, и со всеми готов согласиться. Неужели он настолько глуп, что может жить лишь чужим умом? Стыдно это. Дал слово — держись!

Он развязал узелок, вымыл посуду, привычно глянул в окно на Сенькин заулочок. Сенька был там, копошился с какими-то палками и досочками. Петька замер, вглядываясь, но так и не мог разгадать, чем занимается друг. Он колебался, идти к Сеньке или нет... Победило любопытство. И Петька выбежал из избы. Но уже на середине улицы он напустил на себя вполне равнодушный вид и подошел к Сеньке вразвалочку, руки в карманах, словно Сенькина работа ни чуточку не интересовала его.

Сенька коротко глянул на друга и ничего не сказал. Он работал.

— Чего мастеришь-то? — с напускным безразличием спросил Петька.

— Не видишь, что ли?! — откликнулся Сенька, даже не оглянувшись. Он уже закончил обстругивать палки, опилил их ножовкой, чтобы были одинаковой длины, и начал прибивать к ним доски.

Петьку так и подмывало узнать сейчас же, чем занимается друг, но не мог же он задавать один и тот же вопрос два раза.

— Похоже на тачку? — спросил его сам Сенька, откладывая инструменты и вытирая пот с веснушчатого лба.

— А разве это тачка? — вырвалось у Петьки.

— Конечно! Вот болт. Прилажу его к концам палок, надену на него колесо — и готово. Возьмусь за эти ручки и поеду хоть куда.

— Какое колесо? — забыв обо всем, поспешно спросил Петька, разглядывая Сенькину поделку.

— Колесо — это тайна. Тебе скажу, но ты — никому.

— Могила! — тотчас заверил Петька.

— Колесо я от веялки отвинтил. Знаешь, под овином стоит веялка? Сейчас она не нужна. Так зачем колесу на ней

ржаветь? Я с ним поработаю, а после поставлю туда же, где было.

— Узнают — попадет! — испугался за друга Петька. — Скажут, что колхозную машину изломал.

— Может, и попадет, если узнают. А веялку я не ломал. Говорю, что обратно привинчу, — упрямо твердил Сенька.

Он вытащил из-под крыльца чугунное литое колесо величиной с решето, продел в его отверстие болт, ударил по колесу ладонью — оно закрутилось беззвучно и удивительно быстро.

— Накатисто идет! — восхищенно сказал Сенька. — А я еще дегтем смажу.

Не снимая колеса, он закрепил гвоздями болт на концах палок и с восторгом покатил тачку по заулку.

— А зачем тебе она? — спросил Петька, едва скрывая зависть: он вдруг почувствовал, что ему самому хочется во что бы то ни стало иметь такую же тачку.

Сенька тем временем бережно поставил ее за крыльцо, вынес из сеней топор и веревку.

— Дрова буду возить, — наконец пояснил он. — Хороший хозяин на зиму летом дрова запасает.

— Дрова... — презрительно сказал Петька. Он сразу понял Петькину уловку и рассердился. Подошел к другу вплотную, зашептал со злостью:

— А как же фронт? Ведь ты клялся!

— Все верно, — как ни в чем не бывало согласился Сенька.

— А ты что затеял!

— Тебе хорошо так рассуждать! — раскипятился вдруг и Сенька. — У тебя два мужика в доме. Они все сделают. Твоя голова о дровах не болит. А мне как быть? Некому, кроме меня, навозить. Заготовлю вот пару поленниц, чтобы хватило бабке на зиму, тогда и на фронт махнем, а без дров ей не выжить.

Петька смешался. Он не знал, что возразить другу. Да, спорить тут было трудно. Прав Сенька. Петьке даже завидно стало, что не сам он, а этот недотепа Сенька оказался таким хозяйственным и умелым. Сам соорудил тачку! Не шутка. И уж не о Петьке, а о нем будут говорить в деревне, что дельный, мол, парень растет, работающий. Дрова ведь и взрослые считают наипервейшей заботой. Без них, как без хлеба, пропадешь.

Сенька привязал топор к тачке и с солидным видом по-

катил ее к выгородке. Гордый Петька страдал, но шел рядом, не спуская глаз с колеса, которое пришлось к месту.

— Дай мне немножечко покатить,— униженно попросил он, когда они были уже за околицей. Сенька великодушно уступил ему тачку. Петька ухватился за ручки и сразу почувствовал себя при деле. Он с каким-то новым, не знакомым ему прежде удовольствием катил тачку по утоптанной тропинке и долго не хотел отдавать ее Сеньке. Катилась тачка легко и быстро.

Возле леса они заспорили.

— Давай самую большую елку срубим — сразу возище будет! — горячо настаивал Петька.

— Елку жалко, — размышлял, почесывая макушку, Сенька. — Из нее бревно для стройки выйдет. Давай лучше вон этот ольшаник рубить, он к полю подбирается — хорошую землю заполнить норовит. Его все равно корчевать придется, да и годится он только на дрова.

Спорили недолго: одолевало нетерпеливое желание поскорее приняться за работу — и Петька уступил. Сенька потрогал пальцами лезвие топора, поплевал на ладони и с первого же взмаха свалил крепенькую ольшинку, из которой, по его расчетам, должно бы получиться поленьев пять. Дело у него пошло споро, будто он всю жизнь тем и занимался, что рубил лес. А Петька глядел, пытался давать советы, но скоро безделье истомило его.

— Надо бы и мне топор прихватить, — догадался он и кинулся к деревне.

Когда он быстренько вернулся с топором, Сенька успел уже повалить ольшаника на добрый воз. Петька вздохнул и согласился быть на подхвате у друга — обрубить сучья и разделять корявые стволы на ровные поленья.

И вот первый воз нагружен и увязан. Друзья спрятали топоры в кустах, для пущей надежности закидали их ветками. Тронулись... Катить груженую тачку по зыбким кочкам опушки оказалось не так просто. Да и впервой ведь! Тачка то и дело кренилась, и коварные поленья сыпались в траву. Петька забегал вперед, приподнимал колесо... Так, чуть ли не на руках и вынесли они тачку к тропинке.

С непривычки упарились, дрожали от напряжения нагруженные руки. Но по гладкой тропке даже и с грузом тачка покатила снова удивительно легко, только поспевай за ней да ручки держи ровнее.

Попеременке они весело прикатали дрова в Сенькин заулочок. Быстренько расчистили за крыльцом место и сложили

туда поленья. Любовались нарождавшейся поленицей недолго — поняли, как много раз придется съездить в выгородку, чтобы поднялась поленица до крыши, стала настоящей.

— На йстопень-то хоть хватит?— с сомнением спросил Петька.

— Должно хватить,— сказал Сенька и принялся считать.— Истопень — это день. Зима у нас — целых полгода. Да и летом надо печь топить, без нее обед не сварить. Но пока будем думать только о зиме. Она — шесть месяцев. На месяц надо тридцать таких возов, а на всю зиму... — Сенька на мгновение задумался, считая в уме.

— Сто восемьдесят,— подсказал Петька,— а накругло — клади двести. Зимой ведь морозы ударят, тогда и маленькую печурку придется ставить да подтапливать к вечеру. На все лето тебе работы хватит.

— Давай вот что еще учтем,— торопливо заговорил Сенька,— сейчас я загляну домой, замечу на ходиках время. После этого — сразу в выгородку. Привезем второй воз и опять на ходики посмотрим — узнаем, сколько же времени уходит на один рейс, а потом сосчитаем, сколько возов привезем за день — тогда все станет яснее.

Сенька стрелой взлетел на крыльцо, скрылся за дверями и тут же выскочил обратно.

— Порядок!— крикнул он.— Поехали!

К лесу мчались бегом. И второй воз привезли быстрее первого. Торопились как только могли. С непривычки побаливали руки и ноги, ныли спины. Но друзья не признавались в этом, они были заняты подсчетами.

Чтобы нарубить дров для второго воза, привезти и сложить в поленицу, потребовалось чуть больше двадцати минут. Получилось, что за час можно привезти три воза, если еще поднажать.

— Ну вот!— торжествовал Сенька.— Час работы, а дров на три дня.

— А сколько же за день можно успеть?— возбужденно соображал Петька.— Ведь часов десять можно в день работать. А это — тридцать возов! На целый месяц! Вот здорово! А я-то испугался поначалу, что проваландаешься ты до осени. А теперь яснее ясного, что недолго мы проканителиться. За неделю обеспечим твою бабку топливом. Поехали!

Пока занимались подсчетами, сидя на траве в заулке, усталость прошла. И вскоре друзья опять махали топорами на опушке. Радостно было им сознавать, что нашли они себе такое хорошее и полезное занятие.

Но в это время в небе раздался гул. Петька бросил топор, загляделся на запад. Он с тоской и бессильной злобой думал, что вот-вот опять появится черный самолет с крестами на желтых крыльях, и — кто его знает, — может, примется гонять пулеметными очередями их с Сенькой, и они будут скакать, как зайцы.

— Чего ты? — забеспокоился и Сенька, недовольный, что работа застопорилась.

Петька раздраженно обернулся к нему, но не успел он сказать и слова, как рев самолетов неожиданно раздался совсем близко и над самыми головами ребят пронеслись два зеленых «ястребка» с красными звездами. Они шли прямо на запад, пролетели над железнодорожным мостом и умчались дальше, к холму Туманному.

Друзья глядели вслед «ястребкам». Фронт снова напомнил им о себе. Всматривались ребята и в холм, он давно манил их. Вот уже не первое лето собирались они дойти до холма, подняться на его вершину, чтобы увидеть, узнать, а что же за ним-то...

Зеленые «ястребки» над холмом стали похожи на темных шмелей. Вот они взмыли вверх один за другим, словно играли в догонялки. Но со стороны холма доносился и новый, прерывистый гул. Что это? Уже не два самолета над Туманным, а, кажется, четыре, нет — больше. И кружатся они в странном беспорядке, вразнобой делают «свечки» и пикируют, пристраиваются друг к другу, чуть не сшибаются лбами.

— Воздушный бой, — тихо сказал Петька.

— Неужто? — испуганно спросил Сенька.

Они долго стояли, следя за самолетной каруселью. Но самолеты становились все меньше и скоро совсем пропали за холмом. Только гул, то замирающий, то набирающий силу, все еще слышался оттуда. Ребята не сразу вспомнили о дровах и тачке.

7

Настало суматошное время, полное новых хлопот. Теперь ребятам не надо было придумывать, чем бы заняться: Они составили для себя такой план, что ни одна минута не должна была оставаться свободной.

В первую очередь решили соорудить землянку. В нее они рассчитывали постепенно складывать припасы, необходимые во фронтовой жизни. Но и эти припасы надо было собирать.

готовить. Каждый день друзья уходили в разведку, то есть узнавали, что делают военные на дальней опушке выгородки и возле железнодорожного моста. И еще надо было — так уж упрямо настаивал на этом Сенька — навозить ему дров. Ну, не двести возов, как намеревались сначала, а хотя бы сто пятьдесят. Для этого тоже требовалось время. Тем более, что расчеты друзей не оправдались, и не выпадало такого часа, в который они привезли бы три воза, не было ни одного дня, когда ребята дотянули бы до намеченной нормы — отвлекали война и всякие домашние дела.

Теперь по железной дороге военные эшелоны шли еще чаще. Иногда было слышно, как в теплушках поют солдаты. Случалось, эшелоны останавливались перед мостом. И тогда солдаты высыпали из вагонов на несколько минут. Как хотелось ребятам подбежать к ним, поговорить, спросить о фронте, разглядеть их оружие. Но все подступы к мосту заполнили строгие военные, которые теперь не пропускали никого, кроме Кольки, а Колька о том, что видел, не рассказывал. И глядеть на составы приходилось тайком, подлезая к насыпи в зарослях выгородки.

А время торопило. С запада несся постоянный гуд, и все уже не сомневались, что это канонада; все чаще летали самолеты.

Звончало деревню и еще одно событие. Почтальонша принесла Кольке какую-то повестку, и он на другой же день ранехонько ушел в райцентр. Петька, поджидая его, очень переживал. Мать в то утро плакала и не разговаривала с младшим сыном. Но Колька вернулся в тот же день, бодрый, словно и не отмерил ногами сорок верст, и принес с собой мелкокалиберную винтовку да две картонные коробочки патронов.

— Это не для войны, а как ворошиловскому стрелку-отличнику выдали, — не очень-то убедительно успокаивал Колька встревоженную мать. Был он в эти минуты непривычно порывист, но лицо оставалось строгим и хмурым.

В тот же вечер Колька отправился с винтовкой за деревню. Он видел, что увязались за ним Петька и Сенька, но ничего не сказал.

Скоро они оказались возле сухой и глубокой старицы близ Григорки. Туман еще не пал, было пустынно и тихо.

Колька отмерил пятьдесят шагов и прикрепил прутиками к обрывистому берегу старицы большой белый лист, на котором отчетливо был виден поясной контур солдата в немецкой каске. И еще по листу шли круги: один внутри другого.

— Что это, Колька-а?— заныл от нетерпения Петька.

— Мишень, — коротко ответил брат. Он прилег на сухом бугорке, уперся локтями в землю, приложился к прикладу винтовки щекой, прижмурил левый глаз. Выстрел оказался негромким, словно пастух щелкнул кнутом.

Колька тотчас вскочил и рысцой припустил к мишени. Склонился над ней, отыскивая след пули. Ребята уже выглядывали из-за его спины, боясь даже дышать.

Пробоину на мишени нашли не сразу, потому что оказалась она в самом низу листа: пуля чуть задела его краешек. Колька понимающе крякнул и пошел обратно к бугорку. Он слегка передвинул хомутик на прицельной планке, снова улегся и целился теперь долго. А затем, быстро работая затвором, выстрелил подряд три раза. Теперь все три пули пробили контур вражеского солдата почти в самой середине. И дырочки от них расположились правильным треугольником, сантиметрах в пяти одна от другой.

— Вот так, — удовлетворенно подытожил Колька. — Теперь характер твой мне понятен, — добавил он, держа перед собой винтовку и любовно снимая с нее прилипшие травинки. Только после этого он закинул винтовку на плечо, подобрал гильзы и пошел отцеплять мишень.

— А мне-то! — чуть не заревел от обиды Петька.

— Что? — не понял Колька, раздраженно поглядев на него.

— Тебе жа-алко, да? Дай хоть по разику выстрелить! — суматошно уговаривал брата Петька, сдерживая слезы. — Ведь не маленькие мы... Да и нам надо уметь...

Колька опустил руку с пробитой мишенью и несколько секунд думал, с сомнением разглядывая пацанов.

— Каждый патрон на учете. Не велено их портить, — сказал он глухо и принялся складывать мишень вчетверо.

Петька заревел в голос.

— Тьфу! — плюнул под ноги Колька. — Ну и балованный ты у нас мужик. Тяжело с тобой людям будет жить. Ребенок! Слезы распустил, и не стыдно!

Петька умолк, судорожно всхлипывая. В голосе брата слышались ему не только упреки, но и что-то вселяющее надежду.

Колька взмахнул мишенью, расправляя ее, и снова прилепился к стенке обрыва.

— Пошли! — скомандовал он, крутанув головой в сторону бугорка. Ребята все поняли, и к огневому рубежу их словно ветром принесло.

— Ложись!— приказал Колька Сеньке. Тот с ходу плюхнулся животом на землю, ушибся.

Колька усмехнулся, поправляя Сенькины ноги и поясняя, в каком положении должны быть они у стрелка, если он лежит.

— А тем, кто ревет,— в последнюю очередь,— назидательно проговорил он, заряжая винтовку и вкладывая ее в Сенькины руки. Тяжелая винтовка в его руках сразу же клюнула концом ствола землю.

— Держи ровней!— прикрикнул Колька. Но винтовка у Сеньки продолжала болтаться. Колька крепко взялся за нее своей широкой ладонью и отобрал у Сеньки. Тот поднял на него свои огромные, подернувшиеся влагой глаза.

— Встать!— скомандовал Колька. И Сенька вскочил, подергивая рукой штаны.

— В одну шеренгу — становись! — крикнул Колька, и ребята встали рядом, выпятив животы и напряженно вытянув руки по швам.

— Слушайте и глядите,— заговорил Колька. Он поднял прутик и провел им на песчаной земле черту.— Это мушка,— сказал он и показал мушку на конце ствола.— А вот прицел с прорезью. Мушка должна быть точно посередине прорези и на уровне плечиков прицела. Поняли?— Колька при этом нарисовал прицел и испытующе глянул в лица притихших ребят. Те понимающе закивали.

— Если хотите попасть в яблочко, то есть в центр мишени, то оно должно быть у вас под обрезом мушки и прицельной планки.— Колька пририсовал яблочко, а заодно и контур вражеского солдата.

— Все ясно?— строго спросил он.

— Ясно!— в один голос ответили ребята.

— Вот так и цельтесь. И чтобы винтовка не ходила ходуном.— тогда попадание обеспечено.

Опять лег Сенька. Приладился к винтовке и долго прицеливался, сопел. Глаза его от напряжения заливало слезами. Промазать-то было никак нельзя! И на спусковой крючок он боялся нажимать, потому что ствол винтовки покачивался и невозможно было его удержать, сделать так, чтобы окаменел он хоть на мгновение. Наконец Сенька увидел в прицеле почти такую же картинку, какую рисовал Колька, и решил выстрелить.

Выстрел, хоть и негромкий он у «мелкашки», оглушил его, и он продолжал лежать, не выпуская из оцепеневших рук винтовку. В носу щекотало от запаха горелого пороха. Гла-

за и вовсе ничего не видели. Колька усмехнулся, отобрал у него винтовку, и они втроем пошагали к мишени.

Пока шли, глаза у Сеньки высохли. Вглядевшись в мишень, он подпрыгнул с восторженным визгом. Конечно же, это его пуля пробила плечо вражеского солдата да еще оказалась в круге под номером шесть!

— Для первого раза неплохо, если не случай,— сказал Колька.

Но Сенька знал, что не случай, ведь он все сделал правильно.

Петька выстрелить поспешил. Правда, его пуля тоже попала в мишень, но прошла выше темного контура.

— Молоко,— без упрека подытожил Колька.— Мушку надо было утопить, высоко стояла.

Петька проглотил слюну и от огорчения не стал даже спрашивать, что значит «утопить мушку».

Домой возвращались молча. Петька казнил себя за поспешность. Сенька изо всех сил сдерживал радость, но лицо у него сияло.

У деревни Колька остановился, взял винтовку под мышку прикладом, дулом вниз, чтобы не все видели, что он с оружием, и сказал строго:

— Никому ни слова, что я дал вам стрелнуть. Ясно?

— Ни звука! Честное слово,— тотчас заверили ребята.

...Наступал вечер. Тихий, чуточку прохладный. Порозовело и стало совсем прозрачным небо. Колька устало присел на приступок крыльца, но сидел недолго, зевнул и ушел в избу. А Петька и Сенька, сосредоточенные и посерьезневшие после стрельбы, стояли посреди улицы.

— Ты попадешь в другой раз,— утешал друга Сенька.— Это не так уж трудно. Навык нужен.

— Да знаю я,— отмахнулся от неприятного для него разговора Петька.— Давай лучше вот о чем потолкуем. После нашей клятвы прошла неделя, а что мы сделали? Да ничего! Худо идет у нас подготовка. Свое же слово не держим.

— Стреляли! — вставил словечко Сенька, все еще радуясь своей удаче.— А это большое дело. Теперь знаем, как...

Про дрова он почему-то умолчал.

— А харчей нет. Землянка не вырыта,— брюзжал Петька.— Я вот что думаю. Давай-ка выкатывай тачку и айда в лес. Сейчас не так жарко. Лучше работаться будет.

— Давай,— тотчас согласился Сенька.

Пока он привязывал к тачке топор, Петька успел сбежать

к себе в загороду и, опасливо озираясь, притащил оттуда заступ.

— Землянку-то надо рыть когда-то,— шепотом пояснил он Сеньке. Заступ они тоже привязали к тачке, чтобы не из каждого окна его можно было увидеть...

Место для землянки искали недолго: каждая елочка и кочка в выгородке были известны ребятам, и они могли представить их себе даже с закрытыми глазами. Решили, что чем ближе будет землянка к деревне, тем лучше. Но зато место должно быть укромным, в стороне от тропинок, чтобы не бросалась землянка в глаза любому прохожему.

От опушки пришлось отойти метров на сто, в ближний густой ельник. Тут, посреди маленькой чащи, таилась крохотная мшистая полянка. Петька остановился и вонзил заступ в землю.

— Здесь! — торжественно сказал он.

— Тут и шалаш можно сделать, под елками. Это быстрее,— предложил Сенька, которого все грызла забота о дровах.

— Шалаш хорош для мирного времени. Его же любая пуля пробьет навывлет, а землянку и снаряд не всякий возьмет,— авторитетно убеждал Петька друга, а сам уже копал.

Хотя в лесу было прохладно, Петька быстро упарился. Теперь он сердито поглядывал на Сеньку, маявшегoся без дела.

— Чего лодырничаете? Рубил бы свои дрова,— упрекнул его Петька. Сенька потоптался в нерешительности. Ему и дрова рубить было надо, и от землянки отойти он не мог. Петька нарочно не просил друга подменить его. Он копал и копал, с каждой минутой все отчетливее понимая, что работа эта тяжелая и что он с непривычки быстро устал. Да и как не устать: вон сколько корней, и толстых и тонких, под мягкими податливыми кочками. А ниже корней — суглинок белый и твердый, словно он окаменел. Петька наконец вылез из бесформенной ямки и боком прилег на кочку.

— Давай так,— передохнув, предложил он.— Сейчас нарубим тебе дров, а потом бросим жребий, кому их везти, а кому остаться здесь копать.

— Давай,— обрадовался Сенька мудрому решению, и они взялись за топоры.

За вечер они привезли к Сенькиной избе два воза и выкопали яму по колено в глубину, зато просторную: в длину — три метра, в ширину — два, чтобы в землянке было не тесно, она же — не нора.

Вторую груженую тачку везли с отдыхом — устали так, как не уставали еще ни разу.

8

Теперь Петька с утра спрашивал у матери, надо ли нести Кольке обед. Потом бежал к Сеньке, который уже поджидал его. Главной их заботой в эти дни была землянка, а дрова — по пути, не налегке же возвращаться из выгородки, если каждый раз можно прикатить воз!

Чтобы выкопать землянку на полный профиль — глубиной почти в два метра — потребовалось четыре дня. Нетрудно оказалось вырубить лопатой и топорами земляные ступеньки до самого низа. Сложнее было с грунтом, который скопился на краях ямы. Его просто-напросто некуда было девать, а он мешал. Петька расшвырял быстро сохнувшую землю под елки, но осталось больше половины. На худой конец, можно оставить землю и на полянке, но сухие, беловато-рыжие комья хорошо видны в просветы между лапками елок и могут выдать друзей, как говорится, с головой. Куда убрать комья? Петька над этим и ломал голову. А Сенька больше поглядывал в сторону ольшаника и частенько оставлял друга в одиночестве, увозя в деревню очередную тачку дров.

В конце концов Петька додумался. Он заметил, что комки нередко застревают на ветках елок, и его осенило... Он тут же принялся за дело. Нарубил самых крепких и пушистых лапок, сложил их веером и связал черенки тонкими корнями елок. Накидал на веер из лапок порядочную грудку земли, потянул за черенки — и сразу убедился, что получилась удобная волокуша. Даже с тяжелым грузом она легко шла по мшистой траве.

Землю он увозил на окраину поля и рассыпал ее в борозды. Никто же не удивится, если увидит комья сухой белой глины на поле, — тут их всегда полно. Петька заставил соорудить волокушу и Сеньку. И за день они увезли всю лишнюю землю. Оставили немного, чтобы потом засыпать крышу землянки.

Еще день ушел на то, чтобы соорудить крышу. Для нее пришлось рубить уже крепкие елки, распиливать их на бревна и класть плотно одно к другому. Получился бревенчатый потолок, а по-военному — накат. Тяжеленько было таскать кряжи к поляне, ныли руки и плечи... Но и этой работе пришел конец, друзья попрыгали на бревнах, пробуя накат на проч-

ность, решили, что по такому накату и трактор пройдет — не провалится.

Бревна они сдвинули тесно, и все равно между ними остались косые щели. Их законопачивали мхом, мелкими ветками колючего вереса, малинником. И только после того, когда сквозь накат не мог уже пробиться ни один солнечный лучик, они засыпали его поверху землей и укрыли травянистой дерниной, даже кочки водрузили на нем. Если теперь кто-нибудь посторонний и вышел бы на поляну не со стороны входа в землянку, то безусловно ничего бы не заметил, просто увидел бы, что здесь, посреди молодых елок, высится отлогий кочковатый холмик, какие в выгородке встречаются на каждом шагу.

Но широкий вход в землянку и ступеньки, ведущие вниз, каждому бросились бы в глаза с близкого расстояния. И любой пацан, да и взрослый человек, не утерпел бы, сошел вниз по ступенькам, чтобы поглядеть, что тут за пещера и что в ней есть.

И все же друзья были довольны собой. Из лесу они возвращались не спеша, степенно, словно взрослые после важной и утомительной работы. Сенька без труда катил свою тачку с возом. Он уже наловчился рулить, без аварий объезжал бугорки и ямки. Колесо катилось легко, без скрипа и вихляния, как будто и сделано оно было специально для тачки, а не для веялки. А Петька волочил по земле отполированный до блеска заступ и раздумывал...

— Постой,— остановил он друга у сараев.— Есть у меня одна мыслишка.

Сенька послушно остановился, подошел к другу ближе.

— Не ложись сегоднѣ спать. Сначала-то ложись, но не засыпай. А как только твоя бабка заснет, выходи ко мне. Пробирайся напрямиком в нашу загороду. Двери понесем к землянке.

— Какие двери? Где возьмем? — заинтересовался Сенька, уже готовый подчиниться решению друга.

— С нашего погреба снимем. Вместе с косяками и замком. И уволочем ночью в выгородку,— распаялся Петька, сверкая глазами.

— Узнают — влетит тебе,— предостерег Сенька.

— Надо сделать так, чтобы про нас не узнали. А и попадет, так наплевать,— храбрился Петька.

— А как же погреб-то будет, без двери-то?

— Дед новые сделает. Он же и плотник, и краснодеревщик, и материал у него есть. Он давно эти двери менять со-

бирался,—слегка приврал Петька. Он, правда, слышал однажды, как мать просила деда починить что-то в этих дверях. Но теперь ему казалось, что двери у погреба давно надо заметить, что он даже хорошо сделает, если утащит старые, а мать будет довольна, когда дед смастерит новые.

— Тогда давай,— окончательно согласился Сенька.— Только как сойдемся-то в темноте?

— А пробирайся прямо к погребу, я там буду.

— Договорились,— твердо сказал Сенька, и они двинулись дальше.

Петька побрел задами, перелез через изгородь и подошел к избе со стороны загороды — погреб-то был там. Петька остановился возле него на мгновение, кинул лопату в борозду рядом с ним, чтобы ночью долго ее не искать. Одного быстрого взгляда хватило ему понять, что откапывать присыпанные мягкой огородной землей косяки придется недолго: грунт здесь не тот, что в лесу. Это обрадовало его, и он заявился домой в хорошем настроении.

В избе было тихо. Колька уже спал на летней половине. В переднем углу сидел дед и негромко переговаривался с матерью. Когда Петька появился на пороге, они замолчали и неодобрительно поглядели на него.

— Умаялся, дитяtko? — спросила мать не очень-то ласково, даже с издевочкой. Дед нахмурился и отвернулся.

— Что же ты на чужих-то без трудодней работаешь? В батраки нанялся к Сеньке? Много ли он тебе платит? — тем же тоном продолжала мать. — Сенька-то поумнее тебя, оказывается. И тачку смастерил, и дров целую поленницу навозил. Высохнут к зиме — благодать! А ты у него как маленький на побегушках. Брал бы с него пример да тоже что-нибудь полезное для дома делал.

Обиделся Петька, но решил терпеть и даже добиться, чтобы мать разрешила ему лечь спать в кладовке. Но как ее упросить, такую сердитую?

— Только и знаете, что ругаться,— буркнул Петька и быстренько взглянул на мать, чтобы уловить, как она восприняла его слова. Но мать отвернулась и ничего не ответила ему, только вздохнула тяжело, перетряхивая какие-то тряпки в комодe.

— Есть-то, поди, хочешь, а на хлеб себе не заработал,— подала наконец голос мать. Но уже не так строго, как сначала.

Петька не ответил. Он почесал исцарапанные в лесу ноги и решил заговорить о главном:

— Мам, можно я в кладовке спать лягу? Там уже не холодно. А здесь душно и мухи.

— Позволим и это, если поменьше впустую носиться будешь,— неожиданно быстро согласилась мать. Петька чуть не подпрыгнул от радости.

— Буду! — громко сказал он.— Придумаю что-нибудь полезное, не хуже, чем Сенька. Вот увидите.

— Дай-то бог тебе ума,— усмехнулась в ответ мать.

Петька наскоро попил молока вприкуску с хлебом и пошел в кладовку. Здесь на широком старинном сундуке лежали набитые сеном постельник и подушки. В изголовье этой кровати имелось узенькое оконце со стеклом, у которого был отбит уголок. Из оконца приятно веяло ночной свежестью. Даже в самую жаркую пору в кладовке было сумрачно и прохладно. Потому-то и любили отдыхать здесь взрослые после тяжелой работы, особенно после утреннего сенокоса, оттого и постель здесь все лето держали.

Петька блаженно вытянулся на постельнике, и когда шорох сена в нем утих, стало слышно, как утробно вздыхает в хлеву корова Красуля, как шебуршатся на березах засыпающие грачи, как взлаяла на другом конце деревни собака и как все еще разговаривают в избе мать и дед. Только слов было не разобрать...

Скоро Петьке стало казаться, что времени прошло уже много и пора бы выходить к погребу. Но голоса в избе не утихали, и уходить было нельзя. Он злился на деда и мать. Все планы они ему срывали. Ведь раньше-то всегда в такую пору уже спали!

На улице, возле самой стены дома, что-то резко зашуршало. «Сенька крадется»,— подумал Петька и сел на кровати. Он прильнул лицом к стеклу оконца, но ничего не увидел, кроме светлых сумерек и розоватой угасающей зари. Петька знал, что заря сегодня насовсем так и не погаснет, часа через три она станет золотистее, ярче, и начнет быстро разгораться, а за ней выплывет из-за леса огромное малиновое солнце, совсем не похожее на то, каким ходит оно по небу днем. Вот именно в эти-то короткие часы сумерек и надо было успеть откопать у погреба ворота и утащить их в лес.

Сенька, наверное, заждался его, иззяб на вечерней росе. Может рассердиться и уйти домой. Тогда как? Все дело сорвется. Одному ворота не унести. И кто же, как не Петька, будет виноват в этом: ведь сам не вышел вовремя, хотя сам же и подбил Сеньку на рискованное дело...

Голоса в избе звучали все реже, но совсем не смолкали.

«Пойду, — решил Петька. — Кто их знает, когда они до-сыта наговорятся и уснут?»

Он уже спустил ноги с сундука и дотянулся пальцами до пола, когда дверь, ведущая из кухни в сени, скрипнула. В сени кто-то вышел. Петька рывком бросился на постельник, зарылся лицом в подушки и замер.

Мать вошла в кладовку, на ощупь приблизилась к Петькиной постели. И тут он почувствовал, как его накрывают чем-то мягким и теплым.

«Одеяло мне принесла. Бойтся, что озябну», — подумал Петька. И ему стало жаль и мать, и деда — ведь убили на фронте дядю Мишу, давненько не приходят письма от отца, и все труднее добывать хлеб, потому что к деревне подступает самая настоящая война, а он, Петька, в такое время мало помогает старшим и к тому же нынешней ночью преподнесет им такой сюрприз, неприятнее какого и не придумаешь. Петька разжалобил себя и чуть не заплакал теми беспричинными детскими слезами, какими плакал не раз раньше вот так же в одиночестве под одеялом...

Петька не знал, сколько прошло времени, пока он собирал в комок свою волю. Может, пять минут, а может, и час. Приходилось приказывать себе, стыдить себя, вспоминать о клятве, чтобы сначала руки отбросили одеяло, а затем ноги вынесли его из кладовки. Но вот он уже пробрался из сеней в хлев, наткнулся там на равнодушную корову Красулю, которая и с места не сдвинулась, подошел к неплотно прикрытым воротам, выходящим в загороду. Теперь надо было надавить плечом на одну половину ворот, чтобы она отошла немного в сторону. Получится широкая щель, в которую пролезет Петькина голова, а где пролезет голова, там легко проскальзывает и туловище...

И вот он возле погреба. Босые ступни щекотало влажной травой. Навстречу ему из малинника бесшумно выполз успешный озябнуть Сенька. Однако он ни словом не упрекнул друга: сам видел, как долго светились окна в Петькином доме, а значит, и выйти ему не было возможности.

Друзья молча взялись за лопаты.

9

Косяки и в самом деле удалось откопать без особого труда. Огородная земля оказалась податливой. Но вытащить двери с косяками на луговину было непросто. Неожиданно тяже-

лой оказалась ноша и неудобной. Как ни возьмишься за нее — все не с руки.

Струнами натягивались жилы, ныли спины, подкашивались ноги уже в те минуты, когда друзья волокли двери по загороде. Здесь и налегке-то надо уметь ходить: борозды узкие, с гряд в них свешивается буйная огуречная ботва, топтать которую не полагается да и не хочется.

Еще труднее было перетаскивать ношу через изгородь. Перебросить ее вёрхом не хватало сил. Пришлось разбирать в изгороди целое прясло, а потом сразу ставить его на старое место.

Дальше особых препятствий не было до самой землянки. Но — как тяжелы двери! И не они сами, а косяки — тридцатисантиметровой толщины, высотой в человеческий рост бревна, пропитанные влагой от постоянного соседства с землей. Словно камни, а не бревна были в руках, осклизлые, холодные, то и дело норовящие вырваться из разгибающихся ладоней.

Пробовали тянуть ношу волоком. Но оказалось, что так еще тяжелее, к тому же на тропке оставались предательские следы.

Отдыхали четыре раза. Сиделись на сырую траву, а то и ложились и ждали, когда стихнут дрожь и боль в руках и ногах. Последний раз отдыхали уже метрах в десяти от землянки.

Наконец дотащили. Бухнули ношу к ступенькам. Забросали ее лапками. Оглядели все вокруг, обошли полянку и чащу елок. С разных точек глядели — все вроде бы ладно.

Спать вовсе не хотелось. И домой идти особого желания не было — опасно все же: взрослые ведь могли и проснуться за это время, хватиться ребят, или в погреб Петькиной матери вдруг вздумалось идти за чем-нибудь.

И в ночном лесу находиться не очень-то приятно. На недобрых чудовищ смахивали старые суковатые пни. Хорошо еще, что в кустах у железной дороги пели два соловья. Они безмятежно и азартно перещелкивались, будто переговаривались друг с другом, по очереди выводили звучные трели, словно нанизывали на нитки стеклянные шарики бус, и, видимо, ничего не боялись ночью.

Интересно, но и тревожно было глядеть на запад, где то вспыхивали, то затухали какие-то необычные зарницы. Доносилось оттуда и прерывистое постукивание, будто в деревне, километра за два-три от выгородки, вздумали ночью околачивать вальками высушенный в ригах лен. Но вдруг совсем недалеко от ребят, где-то возле железнодорожного моста, про-

татакала недолгая автоматная очередь, и быстрые красные ниточки прочертили небо. И тут друзья одновременно поняли, что пора сматывать удочки, а то мало ли какие страхи готовила для них эта ночь, да и заря, кажется, начала просыпаться.

Прогалину от выгородки до деревни они преодолели в несколько мгновений. Пригибались к земле, старались бежать бесшумно. И расстались молча.

Петька опять оказался возле погребца и поразился, как безобразно он теперь выглядит, ограбленный и полуразрушенный.

В кладовку он пробрался благополучно. И сразу заснул, едва укрылся одеялом.

...Сон унес его снова в любимую выгородку. Петька теперь лежал рядом с землянкой под густыми елками и разглядывал в тяжелый полевой бинокль, как в лесу разгорается жестокий бой. Красноармейцы, перебегая от дерева к дереву и припадая к кочкам, отстреливались от бесчисленных фашистских цепей. А те надвигались сплошными черными стенами, загораживая собой чащи и прогалины.

В плотных шеренгах врага кто-нибудь поминутно падал, теряя автомат и раскидывая в стороны руки. Но ряды смыкались, и все ближе подходила к землянке черная сила.

Особенного страха Петька не испытывал. Ему было до крайности любопытно глядеть на все это. Да и чего пугаться? Ведь не убегали же от врага красноармейцы — они непрерывно стреляли. И все же им приходилось отступать к опушке, чтобы не погибнуть и суметь поразить как можно больше врагов. Петька видел, что красноармейцев мало. Но как они сражались! Каждый уложил уже по доброму десятку фашистов: вся выгородка позади черных цепей устлана неподвижными телами врагов.

«В большом лесу наши выстояли бы и победили,— подумал Петька.— Но здесь за их спинами опушка, и некуда им деться. Вытеснят их фашисты из выгородки, а в чистом поле разница в силах сразу скажется. Поле — это место гибели для нашего отряда. А если полягут вот эти бойцы — захватят тогда фашисты мою родную деревню, сожгут ее и пойдут дальше, к домику Фунтова, и еще дальше, в глубь страны. Кто их остановит, если нет здесь никого, кроме этого маленького отряда красноармейцев?»

— Сюда! — громко закричал Петька бойцам. И они услышали его, поняли, что он свой. Все они, а осталось их всего пятеро вместе с командиром, залегли возле землянки и про-

должали отстреливаться. Рядом с ними Петьке стало и вовсе не страшно. Даже азарт сражения овладел им. И как жаль, что нет у Петьки никакого огнестрельного оружия! Ведь он же знает, как надо целиться.

Неожиданная мысль вспыхнула в его мозгу.

— У меня тут землянка, — проговорил он на ухо командиру. — Вы спрячьтесь в ней. Фашисты протопают поверху и не заметят вас. У меня хорошая маскировка. Они пройдут, окажутся в поле, а вы в этот момент и ударите по ним с тыла. Негде им будет укрыться. Вот будет потеха! Всех до единого уложите! А может, и пленные будут, показания вам дадут.

— Молодец, парень! — тотчас же согласился с Петькой командир. Он отдал бойцам короткую команду и начал одного за другим пропускать их мимо себя в землянку. А потом уже вместе с Петькой вошел в убежище и сам.

И вот бойцы сидят на лавках, не выпуская из рук винтовок и автоматов. Все прислушиваются к приближающимся тяжелым шагам фашистов. Да, шаги все ближе, ближе... Невнятная злая речь раздалась над землянкой, и по накату протопали десятки тяжелых сапог, прошуршали ветками потревоженные елки.

А теперь слышно, как отдаляются вражеские шаги к опушке, как становятся они еле слышными на рыхлой пашне.

— За мной! — коротко приказал командир и бросился к выходу.

Следом за бойцами мчится к опушке и Петька. В руках у него новенький вороненый автомат, хотя и непонятно, откуда он взялся. Бойцы рассыпаются в кустах вдоль опушки и бьют вслед врагу, долго и ожесточенно. Фашистские цепи поворачиваются лицом к ним. Пытаются идти обратно к опушке. Но среди врагов уже паника. Они беспорядочно мечутся по полю и падают, падают... Все до единого.

— Победа! — ликует Петька. — Ура!

Что-то кричат, радуясь, и бойцы. Они, возбужденные сражением, обнимаются, хлопают друг друга по плечу. Затем по приказу командира идут к землянке и выстраиваются в ровную шеренгу. Вместе с бойцами стоит на левом фланге и гордый Петька.

— Красноармеец Румянцев Петр! — окликает его командир.

— Я! — звонко отзывается Петька и делает два шага вперед, становясь перед строем бойцов по стойке «смирно».

— За находчивость и храбрость объявляю благодарность! — торжественно произносит командир. — Буду ходатайствовать о представлении тебя к правительственной награде.

— А можно мне с вами? — спрашивает Петька, не совсем еще уверенный, что его, пацана, могут зачислить как взрослого бойцом в Красную Армию.

— Примем в отряд этого богатыря? — весело спрашивает командир у бойцов. И Петька по голосу его слышит, чувствует, что вопрос о нем — решенный, что будут теперь у него и зеленая форма «хэбэ», и пилотка, и каска, и кирзачи. А стрелковое оружие — само собой.

— Какой разговор! Да мы с таким смышленным мальцом из любого гиблого положения выйдем. Не парень — орел! — дружно отвечают бойцы командиру.

— Так пойдемте к фронту! Надо же добивать врага! — кричит Петька.

— Не спеши, — возражает ему командир. — Нельзя выступать без приказа. К тому же после такого сражения бойцам положен отдых. Они две ночи не спали.

Но солдаты не укладываются спать. Они рассаживаются вокруг Петьки и расспрашивают, откуда он родом, где у него родители, чем Петька занимался до войны, помогает ли старшим.

— Ты нам помог, и мы тебя должны выручить в чем-нибудь, — говорит командир. — Может, у вас по хозяйству что-нибудь сделать надо, крыльцо отремонтировать, к примеру.

— Да у нас Колька с дедом хоть что сами сделают! — отмахивается Петька. — Меня они не очень-то и заставляют. Так только, поругивают для порядка.

— Тогда как хочешь, — говорит командир. — Только и тебе пора уже помогать взрослым во всех их заботах. Трудно сейчас взрослым.

— Я и так, — отвечает Петька. — На сенокосе, на прополке или еще где-нибудь больше старух делаю.

— Это неплохо, — говорит командир.

— Есть у меня одна маленькая просьба, — спохватывается Петька. — Надо бы землянку по-настоящему достроить. Я уйду с вами, а в ней Сенька останется хозяйничать. Вот и надо дать ему инструктаж, как все оборудовать. Двери надо бы в первую очередь установить.

Командир спускается в землянку, недолго осматривает ее, стучит кулаком по потолку и стенам. Потом зовет к себе Петьку и говорит:

— В целом сделано неплохо. Но — совершенно неправильно. Во-первых, из землянки такой конструкции нельзя вести наблюдение. Поэтому требуется срочно соорудить подземный ход за елки и замаскировать его снаружи и изнутри. Во-вто-

рых, у выхода из нее надо обязательно иметь стрелковые ячейки. А двери установить — само собой.

Командир отдает распоряжения, и бойцы принимаются за дело. В считанные минуты подземный ход готов. Петька полез в него и выполз на траву далеко за елками, прямо к большой кочке, прикрытой раскидистым кустом. Лучшего места для наблюдательного пункта нельзя было и придумать. Отсюда просматривалась почти вся выгородка, и еще была полная уверенность, что наблюдателя в таком месте никто не обнаружит.

Снова засверкали в руках бойцов саперные лопатки, и вот уже отрыты стрелковые ячейки по всем сторонам землянки. Теперь еловая чаща с землянкой была хорошо приспособлена для круговой обороны. А на очереди — установка дверей.

— А где ты их раздобыл, Петр Румянцев? — спрашивает командир. Петька отвечает не сразу. Вопрос щекотливый. Соznаться, что уволок их без спросу, неловко. Но неправду сказать красному командиру тоже нельзя.

— Я из дома принес, они от нашего погреба. Вдвоем с Сенькой еле приволокли, — говорит наконец Петька.

— А разве дома они не нужны? — удивляется командир.

— Да и там они были на месте, конечно, но здесь-то нужнее, — отвечает Петька. — Война ведь!

— Война — это верно, — задумчиво говорит командир. И нет уже в его голосе прежнего, восхищения. И на Петьку он поглядел без восторга, а пристально, изучающе.

Тем временем бойцы вкопали в землю стояки дверей, присыпали их глиной и плотно утрамбовали ее. Теперь Петьке казалось, что уже и не землянка у него, а настоящий ДЗОТ — долговременная земляная огневая точка. Бойцы, закончив работу, снова хвалили Петьку, а заодно и землянку. Но в это время командир потрогал на дверях замок и спросил:

— А где же ключ?

Ох и нехорошо стало Петьке! Не мог он солгать, что просто-напросто забыл ключ дома и его можно быстро принести. На самом-то деле Петька позорно упустил из виду этот самый ключ, когда разрабатывал план похищения дверей. А что делать без ключа? Замок сбивать обухом?

— Чего молчишь? — строже спросил командир.

Петька почувствовал, как зажглись жарким румянцем его щеки.

— Да ведь ты без спросу двери унес, — догадался командир, — а проще сказать — украл. — И голос у командира посуровел, зазвучал гневно.

Петьке стало еще хуже — хоть убегай. Но насупившиеся бойцы обступили его. Да и ноги не слушались, словно ватные сделались.

— За такие поступки в военное время знаешь что бывает? — вскричал командир. И еще кто-то закричал поблизости...

Петька дернулся на постельнике и проснулся.

10

Поднимался он с плохим настроением: и не выпался, и руки все еще болели, а утро уже позднее.

Выйти в сени сразу он не решился: боязно было попасть под горячую руку старших. Ведь они давно должны обнаружить пропажу! Они и кричат оттого, что не знают, кого тут подозревать. Петька решил, что лучше посидеть еще немного в кладовке, подслушать, о чем толкуют старшие в доме...

Но долго усидеть на месте он не смог и потрусил из кладовки с таким видом, будто ему ничего о пропавших дверях не известно.

Он обрадовался, когда мать прошла мимо него и ни о чем не спросила, не ругнула, даже насчет умывания не напомнила. «Значит, нас с Сенькой не подозревают», — с облегчением подумал он. Даже загордился тем, что операция проведена так ловко — все следы замечены.

Скоро Петьку усадили завтракать. И опять ни дед, ни мать ни о чем не спрашивали его. А он молчал, выжидая, старался понять разговор старших и ничего не понимал.

— Придется остаться еще на день, — хмуро проговорил дед.

— Поди, успеешь за день-то, — сказала мать.

— Должон успеть, — согласился дед.

Он поискал за печкой голицы, похлопал их одна о другую и вышел. Было слышно, как в сенях загремел он своими инструментами.

— Чего он делать-то собирается? — словно невзначай, без особого интереса спросил Петька.

— Ты вот спишь, а у нас ночью какие-то недобрые люди погреб разломали. Двери куда-то уволокли вместе с косяками и с замком, — заговорила мать. Она была расстроена, но Петька видел, что на него-то она не сердится.

— И из погреба все унесли? — спросил Петька, вскакивая и стараясь разыграть удивление и возмущение.

— То и непонятно, что ничего из погреба не взяли. Тут озорство какое-то не ко времени. Раньше только в святки так-то шутили. А теперь ведь война,— рассказывала расстроенная мать.— Мы и понять ничего не можем. Кому, для чего потребовались старые ворота? Уж не знак ли в этом какой? Не намекает ли нам кто-то недобрый о чем-то?.. Вот и пошел дедушка тесать новые косяки. За день все сделает. А вдруг и новые двери уволочут? А дедушка-то в нашем доме последний день живет...

— Как последний? — поразился Петька.— Он что — на фронт?

— Уходит он от нас. В семью твоего дяди Михаила, который погиб. Говорит, что надо помогать ихней семье. У нас то, мол, все взрослые, сами себя прокормим. А у них — девочки мал мала меньше. Вот и решил он к ним уйти жить: хозяйство в порядок приведет, в колхозе им на хлеб подработает...

Мать говорила с грустью. И Петька слегка затосковал от того, что придется теперь жить без деда, который в последнее время стал лучше относиться к нему и, кто знает, может, выучил бы его даже столярному ремеслу.

— Но ведь он не навсегда? — спросил Петька.

— Он и сам не знает,— не сразу ответила мать.— В одной деревне будем жить, конечно. Будем видеться. А уходит он оттого, что уж очень о вас, о внуках своих, душой болеет. И о колхозных делах — тоже. Он всю жизнь такой: заботливый и добрый, не гляди, что с виду бывает грозен. Он о других все думает, а не о себе.

— Он, наверное, правильно поступает? — спросил Петька.

— А тебе еще рано поступки старых людей обсуждать,— снова расстроенно заговорила мать.— Не твое это дело, правильно или неправильно он поступает. В нашем доме у старших для тебя все правильным должно быть. Так и запомни. А на деда грех обижаться — он всю жизнь работает. Пора бы и тебе пример с него брать.

После такого разговора Петька почти начисто забыл про двери от погреба.

— Уходит дедушка... И чего бы ему тут не жить? — еще раз вздохнула мать. Она посидела пригорюнившись, а затем позвала к себе Петьку и спросила совсем уж про диковинное:

— Не знаешь ли, у кого в округе есть велосипеды?

— Велосипеды? — переспросил пораженный Петька.

— Ну да.

— Не знаю,— сказал Петька.— Вроде как ни у кого не было. А что?

— Да то, что на тропке за нашей выгородой с утра были эти велосипедные следы. Вот и думаем, не с велосипедом ли вор-то был. Ведь двери с косяками на себе и здоровому мужику далеко не унести. Может, на велосипеде и увезли их? — говорила мать.

Петьку до того удивили ее предположения, что он оторопел. Действительно, что за велосипедист объявился? У военных вроде не бывает, да и не видно было велосипеда... Теперь единственное желание наполняло его: бежать, поглядеть на эти следы и обязательно узнать, куда они ведут. Он заторопился из избы.

— Поосторожнее там,—прикрикнула вслед мать.—Может, ездит тут какой-нибудь вор да разбойник. Смотри в оба. Да не убегай далеко-то.

— Ладно,— поспешно отозвался Петька.

Он выскочил на крыльцо и на мгновение остановился, глядя, как дед выбирает из штабеля бревнышки и доски. Мимо деда хотелось прошмыгнуть незаметно. Пока Петька раздумывал, как это лучше сделать, он услышал голос Сеньки, оглянулся — Сенька суматошно бежал по середине улицы и махал руками, явно подзывая к себе Петьку.

Когда Петька подошел, Сенька, не говоря ни слова, сорвался с места и показал другу, чтобы тот немедленно бежал за ним. Остановились у дальнего сарая.

— Чего я виде-ел,— испуганно зашептал Сенька,— глазам не верю!

— Где? Чего? — зашептал Петька—ему передалось волнение Сеньки. А ведь он сам хотел огорошить друга новостью о велосипедных следах... И что за невидаль попалась на глаза Сеньке?

— Там, у землянки,— срывающимся голосом начал рассказывать Сенька.—Подъезжаю с тачкой... Я сегодня пораньше встал, чтобы лишний возишко до жары привезти. Подъезжаю, а там дверь уже на место поставлена, маскировочные сучья раскиданы. И кто-то копается, шебуршится в землянке. А у елок велосипед стоит, совсем не спрятан. Я глазам не верю, а он блестит! Колеса большущие, никелированные и с резиновой шиной. А спицы — тонюсенькие, одна поперек другой...

— И что ты сделал?

— Ничего не сделал. Убежал за тобой. Вместе, думаю, не страшно. Да ведь и землянка-то у нас общая! Вместе надо!

— Сдрейфил! — сказал Петька. Но и самому ему стало не по себе после Сенькиного рассказа. Беспокойно думал, как же быть. Вдруг про землянку разузнал уполномоченный? Он строгий, учинит допрос. Но не стал бы уполномоченный прилаживать двери...

— Ты давно оттуда? — спросил Петька.

— Нет, только что. Сразу тебя стал вызывать.

— Тогда, может, пойдём?

— Пойдём. Только надо бы с собой что-то взять. Оружие какое-нибудь.

— А какое?

— Да, может, там диверсант! — предположил Сенька. — Может, лучше Кольке вашему про все рассказать... Или военным...

— Может, может — кошка сгложет, — рассердился Петька, набираясь храбрости, хотя и самому было жутковато идти к землянке с пустыми руками. — Надо сначала все точно разузнать, кто там, а потом уж и докладывать кому следует, если понадобится. А то приведем людей к землянке и выдадим себя с головой, как последние олухи.

— Ладно, — со вздохом согласился Сенька. — Только давай не прямо по тропке пойдём, а через поле по бороздам. Вдруг тот наблюдение ведёт за деревней сейчас. А в бороздах он нас не увидит.

— Это верно, — согласился Петька.

Они выбрали борозду поглубже, поползли. Это было не так-то просто. Засохшие комья земли царапали колёнки. Снепривычки ребята быстро устали. Они переглянулись и на середине пути устроили маленький привал. Да и посоветаться надо было.

— Мимо нашей загороды следы от велосипеда шли. Мать думает, что на велосипеде и двери от погреба кто-то увез, — сообщил Петька. Сенька отмолчался, боязливо вглядываясь в опушку.

— Не надо было тебе оттуда убегать, пока ты того человека, который в землянке, не разглядел, — укоризненно сказал Петька.

— Сам попробовал бы, — с обидой ответил Сенька. И они снова поползли...

Вот они и возле чащицы елочек, среди которых скрыта землянка. Наступил решающий момент. Снова замерли друзья. Теперь им и убегать уже было нельзя. Помчишься — обязательно наделаешь шуму, выдашь себя. И тот, что в землянке, наверняка услышит. А если у него автомат?

До ребят донеслись приглушенные накатом звуки. Без сомнения, они рождались там, в землянке. Слышались глухие удары. И еще в землянке кто-то напевал тонким довольным голоском.

11

— Враг не стал бы петь,— шепнул Петька другу. Тот лишь кивнул в ответ, соглашаясь.

— К дверям! — шепотом скомандовал Петька и сделал свирепое лицо. Друзья, уже не заботясь о тишине, помчались к входу в землянку. Но что это? Перед ними — свежая кучка земли и яма, целый провал, будто проложен отсюда под елками в землянку подземный ход. Петьке тут же вспомнился сон, и он оторопел. В чудеса он не верил. Петька поднял случайно оброненное у землянки полено, замахнулся им. Но бить было некого.

— Дежурь здесь, у этой норы, и бей, если кто из нее полезет. Меня зови,— вслух распорядился Петька, а сам в два прыжка подскочил к ступенькам. Рука с поленом подрагивала, но Петька не чувствовал страха.

— Выходи! — отчаянно крикнул он несвоим голосом и грохнул поленом по дверям. И только теперь увидел, что на дверях висит все еще запертый замок. Стало ясно: через эти двери никто навстречу ему из землянки не выйдет.

Пения теперь уже не было слышно. Но с той стороны, где остался Сенька, донеслась глухая возня. Петька кинулся к другу.

Над лазом шла отчаянная борьба. Сенька с перекосившимся лицом, подвывая от страха, крепко придавливал к земле какого-то человека, который не успел еще полностью выбраться из лаза и нелепо барахтался. Петька с ходу сграбастал этого человека за длинные тонкие руки, загнул их ему за спину.

— Пустите! Больно ведь,— глухо заговорил человек. Он вдруг показался друзьям удивительно знакомым и совсем не страшным. Они и отпустили его, отошли от лаза на пару шагов и ждали, чего он скажет.

Человек приподнял умазанную глиной голову, выволок из лаза тощее тело, сел на траву. И ребята увидели, что это не чужак и не диверсант, а просто Алеха Фунтов.

Ну и вредный же человек! Зачем только и появился он в здешние края?!

— Ты чего тут? — грубо крикнул Петька. — Чего лазишь, что тебя просил? Или давно тебя не лупили?

— А чего... Я тут доделывал ваш блиндаж,— сразу храбрился Фунт. Он хоть и понимал, что задираться сейчас не следовало бы, что хоть и помоложе его эти ребята из Острова, но парни крепкие,— и все же не мог переломить свой характер, артачился.

— Без синяков ты отсюда не уйдешь,— зловеще зашептал Петька.— Навсегда забудешь к этому месту дорогу!

Он шагнул к Алехе и с размаху ударил его по шее. Тот покачнулся вперед и, все еще сидя, серьезно глянул снизу на ребят.

— А почему нельзя вместе? Ведь я тоже хочу против врага что-нибудь такое сделать,— сказал он без особой обиды.— А драться я с вами не буду, драться нам в такое время — только позориться.

Петька замахнулся еще раз, но не ударил.

— Оставь его,— с презрением сказал Сенька.— Давай лучше допрос с него снимем, а потом уж и погоним в три шеи.

— Кто тебя просил в чужой землянке командовать? — спросил Петька. — Дурной ты и несознательный. Оттого и лезешь куда не следует.

— Да я же случайно набрел на нее... А хотите научу вас на велосипеде кататься? — неожиданно закончил Алеха.

— Видали мы велосипеды,— презрительно сказал Петька. И вдруг почувствовал, что ему очень хочется хотя бы поглядеть на машину, взяться своими руками за руль.— Где он у тебя? — все еще грубо спросил Петька.

Алеха вскочил и мигом выкатил из-за елочек сверкающий красками и никелем велосипед. Друзья зачарованно глядели на него.

— Где взял? — спросил Петька.— Ведь сперва-то у тебя его не было.

— Товарищ отцу прислал. Со знакомым кондуктором,— гордо рассказывал Алеха.— Товарищ этот на войну ушел, ну и прислал нам велосипед на хранение. И кататься, понятно, разрешил.

— Когда нас-то учить будешь? — спросил Петька, вцепившись в прохладный, красиво изогнутый руль.

— Да хоть сейчас,— с готовностью отозвался Алеха.

Они вышли на тропку. Алеха суетился возле велосипеда и ребят, объясняя название и назначение деталей. И тут же хватал, что сам он научился ездить сразу, без посторонней помощи.

Он терпеливо подсаживал друзей на седло, на ходу подсказывал, как надо работать руками, ногами, изо всех сил

удерживал убегающий и тут же падающий велосипед. Он учил друзей до тех пор, пока Сенька не грохнулся и не ободрал себе педалью ногу до крови.

— Это ты двери вкопал? — все еще хмурясь, спросил Петька, когда они сели передохнуть.

— Я,— тотчас сознался Алеха.— Я их приладил, землей присыпал. Одно только не сообразил, что замок-то снаружи висит. Дерг я за ручку — дверь ни с места. И ключа нет. Как в землянку попасть? Поневоле пришлось подкоп делать. А с ним землянка еще лучше — как старинная крепость.

— Чем же ты рыл? Руками? — допытывался Петька.

— Зачем руками. Я с заступом приехал.

— Так ты что, знал уже про нашу землянку?

— Давно наблюдал, как вы тут копаетесь, свое тайное занятие дровишками маскируете. Неплохо придумано,— с усмешкой подтвердил Алеха.

— И по ночам наблюдал?

— И по ночам.

— Шпионил, значит?

— Нет. Я так, гуляю по вечерам...— спохватился Алеха, словно сказал что-то лишнее.

— Катись домой, а завтра в такое же время приедешь сюда. Будешь ездить, пока нас по-настоящему не выучишь кататься. Понял? — строго спросил Петька.— И без нас в землянку носа не суй. Сами пригласим, когда все будет готово.

— Понял,— равнодушно сказал Алеха. Он вдруг улыбнулся без всякой обиды, словно взрослый перед детьми, вскочил на велосипед и, ловко объезжая колеи, палки и кустики, быстро скрылся в той стороне, где шла вдоль железной дороги тропа.

12

Друзья еще долгонько сидели возле землянки и думали, как быть. Не дежурить же здесь все ночи, чтобы отгонять Алеху. А тому ничего не стоит подкатить к землянке на велосипеде в любую минуту...

Они по очереди слазили в землянку по подземному ходу, прорытому Алехой. Ход им понравился.

— Неплохо придумано,— сказал Сенька.

— Дурак он — вкопал запертые двери. Вот и пришлось ему...— буркнул Петька.— И не бывает у землянок подземных ходов. А сколько он глины тут навалил! За день не вытаскаешь. Его же и заставлю убирать.

— А разве хуже с ходом? — не отставал Сенька. — Нам самим пришлось бы копать его. Если что случится, мы шасть в него — и поминай как звали.

Петька спорить не стал. Что он мог сказать? Что тяжеленные двери они уволочь сумели, а про малюсенький ключ от замка он забыл начисто. Сам виноват. А выкрасть ключ сейчас — значит навлечь на себя подозрение матери. Сломать этот замок? Так ведь другого нет...

Друзья замаскировали двери и подземный ход. Петька собиравшись домой, но Сенька завел старую песню.

— Давай дров нарубим про запас. У меня топор тут недалеко припрятан. Нарубим, а после в любое время их можно будет отвезти домой. Давай хоть на возик натяпаем. Чего нам попусту бегать туда да сюда?

— Меня, может, мать тоже заставляет дрова возить, — ехидно сказал Петька.

— А кто против? Давай так: воз мне, воз тебе. И ругать тебя перестанут, — оживился Сенька.

— Давай, — хмуро согласился Петька.

Дров они наготовили воза на два быстро. Молча работали. Солнце поднялось уже почти к самому зениту. В лесу становилось парко и душно.

— Хватит, — сказал Петька и бросил топор. — Такое с нами творится, что просидим мы всю войну в этой выгородке да дома на печке. То эти дровишки отвлекают, то — Фунт. Пора бы не обращать внимания на пустяки. Мы же клятву давали! Или лучше забыть про нее? — Петька так поглядел на друга, словно тот был во всем виноват.

— О клятвах не забывают, — сказал Сенька и тихо вздохнул. — Только мы ведь не готовы еще...

— И не готовимся!

— Почему же? Готовимся, — возразил Сенька. — Землянку сделали. Сам говорил, что она нужна в первую очередь...

— А на кой она теперь нам? Харчи в ней хотели хранить, а как хранить, если этот Фунт здесь крутится? — раздраженно возразил Петька.

— И я то же думаю, — растерянно проговорил Сенька. Петька глянул на него еще раз, плюнул под ноги и решительно пошел к деревне. Сенька поспешно спрятал топор и догнал друга.

— Вот что, — заговорил Петька твердым спокойным голосом, — начинаем с сегодняшнего дня, сейчас же. Пока стоит подходящая погода, надо наловить рыбы. Половину улова отдадим своим домашним, половину — себе на дорогу, иначе ни-

чего у нас не выйдет. Прибавку к запасу дорожных харчей нужно делать каждый день.

— Так и давай начинать, — миролюбиво согласился Сенька.

...В избы не заходили. Сначала каждый облазил свое подворье, чтобы собрать снасти. Сенька вытащил из-под крыльца трехзубую острогу с длинным, отполированным руками ратовищем, счистил с железки желтый налет ржавчины. Нетрудно было найти и корзинку. Больше ничего из снастей у Сеньки не имелось, кроме удочек. Но удочки сейчас были ни к чему — в жару рыба не клевала.

У Петьки остроги не было. Зато он разыскал в сенях просторную брезентовую торбу и скатил с повети огромную огуменную корзину. В эту корзину могли бы поместиться трое, а то и четверо таких мальчишек, как Петька. Правда, брать ее самовольно не полагалось — в хозяйстве она была единственной и очень нужной. А огуменной называлась потому, что зимой в ней таскали с гумен сено для коров и овец. Конечно, и рыба ловилась такой корзиной отменно.

Петька забежал в избу и с порога спросил про корзину.

— Марш за стол! Опять целый день тебя не видно, — строго ответила мать.

— Я узнал про велосипед. Это Алеха Фунтов ездит. Какой-то знакомый им прислал, — заговорил Петька, стараясь отвлечь мать от разговоров про обед и про свое поведение.

Мать, недоверчиво выслушав его, выразительно глянула на Кольку. Тот нахмурился, опустил глаза, понял, что от него требуется, и буркнул коротко: «Выясню». Но тут же произнес мечтательно:

— Сегодня язи по мельчинкам гуляют, греются, толсто-спинные. Так бы и половил.

Мать грустно улыбнулась, жалея его. Видимо, и сегодня нельзя было Кольке отвлечься от своих забот хоть на пару часов.

— Так я пошел! — крикнул Петька и кинулся из избы, чтобы мать не успела одуматься и остановить его.

Тащить огуменную корзину было тяжело и неудобно, хотя она и высохла за лето до хруста. Однако Петька волок ее с удовольствием. А посреди улицы его уже поджидал Сенька со своим немудреным снаряжением.

— Ого! — воскликнул Сенька, обрадовавшись, что другу разрешили взять огуменную. — Сегодня точно наловим.

— Должны, — коротко согласился Петька.

Они рысцой миновали деревню. Идти им было не очень

далеко. Ребята пробирались в высокой траве заливных лугов по кочкам и вскоре вышли к тому месту Григорки, где она замысловато петляла в обрывистых берегах, и ее спокойные заводи и омота, поросшие густой тиной и желтыми кувшинками, перемежались звонкими перекатами.

Петька упарился, рубашка на спине промокла от пота, приклеилась к лопаткам — и все из-за корзины, но ради нее можно и попотеть. Огуменную ребята ценили дороже любой покупной снасти и не променяли бы даже на бредень, они умели ловить рыбу корзинами.

Друзья отошли от деревни уже на добрый километр. Сейчас они направлялись к Мартыновскому омуту. Вот и его берег, высоко поднявшийся над водой. Ребята с минуту глядели в эту черную, неподвижную воду. Они-то знали, что вода тут не стоячая, а родниковая и холодная-прехолодная даже вот в такой жаркий день. В омутную глубину друзья глядели не просто так. К омуту полагалось подойти и посидеть возле него перед началом любой серьезной рыбалки, иначе нечего было и рассчитывать на улов. Такая уж в деревне была примета, таков обычай. И соблюдали его неукоснительно все.

Но ребята засиделись над омутом, пожалуй, больше, чем полагалось. Захватывало дух от темной глубины. Здесь на берегу обычно вспоминались разные истории о том, что в омуте образуются водовороты-воронки, которые засасывают пловцов и не дают им подняться со дна, что здесь жила, а может, и сейчас живет преогромная щука. Кое-кто в деревне утверждал, что видел эту щуку. Она высывала из воды голову, и была эта голова величиной с ведро. Рассказывали, что тело щуки от старости обросло зеленой шерстью, будто бы сожрала эта щука в омуте всю рыбу. Даже дикие утки боятся сесть в этот омут, потому что щука жрет и их вместе с перьями. Редкие смельчаки до войны купались на спор в Мартыновском омуте.

От этих воспоминаний ребятам стало не по себе. Не сговариваясь, они подхватили корзины и побежали к первому перекату. Начинать ловлю корзинами полагалось именно отсюда и идти к деревне вверх по реке, то есть против течения, чтобы не плыла впереди ловцов взмученная вода, пугая рыбу.

На песчаной косе ребята разделись донага и потрусили к воде. С мельчинки от них врассыпную шарахнулась стайка красноглазых плотичек. Они, видимо, пригрелись тут на солнышке, и никто их давно не тревожил. Одна плотичка с

испугу вылетела на песок, забилась бессильно. Сенька одним прыжком настиг ее и накрыл ладонью.

— С почином!— поздравил его Петька вполголоса, хотя в душе позавидовал удачливости и ловкости друга.

— Не ори!— прошептал Сенька, уже целиком захваченный азартом рыбалки.

— И ты не ори. Подумаешь, малявку схватил!— обиделся Петька. Но обиделся на одно мгновение, потому что сразу забыл обо всем: метрах в пяти от них по мелкой воде неспешно прошла от переката стая довольно крупной плотвы. С достоинством плыли рыбы.

Вдруг впереди, шагах в пятидесяти от ребят, раздался тяжкий всплеск, будто бросили в воду булыжину. Только очень сильная рыба — щука или старый язь с черной спиной — могла так бить хвостом. Друзей поразило то, что всплеск донесся не из омута, а с мелкого места, из тины...

Все предвещало удачную ловлю. Но для удачи надо еще и постараться.

— Начнем с той ямки,— предложил Сенька. И Петька послушно пошел за ним. Он слышал, как в его торбе, висевшей через плечо на лямке, трепыхается первая рыбка. И этот трепет передавался ему. Он медленно и беззвучно тянул корзину по воде. Сенька заходил с противоположной стороны ямки. Вода уже была ребятам по пояс. Окунулась и сразу стала тяжелее торба. Но Петька знал, что это лишь начало, что дальше будет труднее, но ведь ноша с пойманной рыбой не тянет.

Петька поставил огуменную корзину на дно реки боком как раз перед широким кустом длиннолистой тины, поднимающейся из ямки и стелющейся по поверхности воды. Сенька, с острогой в одной руке и с корзиночкой — в другой, встал шагах в десяти перед ним. Он раскинул руки, будто хотел обнять куст тины, и с глухим бульканьем двинулся на огуменную. Рядом болтал ногами Петька, навалиясь грудью на корзинищу, чтобы сплющилась она в ободу, плотнее прижалась ко дну и охватывала своим широким отверстием побольше пространства. А Сенька уже заталкивал в огуменную плотную липучую тину, и Петька слышал, как чуть содрогается дно корзины от коротких тупых толчков. Теперь надо быть начеку, чтобы рыба не развернулась и не выскользнула на волю.

Петька поднатужился и поставил огуменную на попа.

— Рано!— чуть не со слезами зашептал Сенька.

— Толчки были. Уйдет!— шептал Петька в горячке. Он

уже запустил в корзину руки и осторожно выволакивал из нее длинные пряди тины. В корзине то и дело что-то булькало, поблескивало.

— Есть,— шептал Петька, дрожа от нетерпения. Обо всем забыл и Сенька, склонившись над корзиной,— только бы поскорее увидеть, что там на дне. Он тоже обеими руками выбирал тину, вонзив острогу в дно и повесив на нее свою корзиночку. Но вдруг испуганно дернулся, подпрыгнул и отскочил в сторону.

— Ты чего?— всполошился и Петька.

— Меня кто-то... в ногу. Как долбанет! И сразу прочь,— прерывисто заговорил Сенька, разглядывая воду перед собой.— Хорошо, если это рыба была. А вдруг крыса!

Он поднял над водой ногу, осмотрел ее. Никаких ран и даже синяка на ноге не было.

— Померещилось тебе. Не трись,— шептал Петька.— Если и крыса была, так она больше твоего испугалась. А может, коряга плыла...

Они выбросали из корзины почти всю тину, оттащили огуменную на мельчинку и только тут увидели, как гуляют и бьются у дна три крупные рыбы. Две хорошие плотицы и коротенький, но жирный, как карась, подъязок. Рыбины одна за другой отправились вниз головами в брезентовую торбу. Лямка на Петькином плече подтянулась, а рыбины упруго били его в бок. Особенно, наверное, старался силач подъязок.

Крохотного костистого ершишку ребята бросили в воду с напутствием, чтобы рос и клюнул вовремя на удочку.

13

Первым язей увидел Сенька. Да он и должен был увидеть, потому что обогнал друга, пыхтевшего позади с огуменной корзиной, которая, успев намокнуть, налилась свинцовой тяжестью.

Огромные язи толклись у противоположного берега под низко нависшим кустом ивняка. У Сеньки похолодело в груди, отчаянная решимость охватила его.

— Сюда!— почти беззвучно крикнул он Петьке и швырнул острогу в гущу стаи. Не удержался и сам — бросился под куст всем телом в расчете прижать ко дну хоть одного язя. В то же время он пытался своей крохотной корзинкой загородить язям выход из-под куста.

Сенька сразу понял, что плюхнулся он животом уже на

пустое место, только руки в иле утопил, перемазался. Язи успели разлететься, и в корзиночку ни один не угодил.

Удрученный Сенька молча счищал с живота грязь, когда услышал, что Петька с кем-то борется. Сенька поднял глаза и увидел, как его друг из последних сил старается удержать корзину не в воде, а над водой. Петьку качало, он никак не мог добраться до берега, а корзина дергалась в его руках, в ней билось что-то живое, сильное.

Сенька все понял в один миг. И снасти свои бросил. Вдвоем они выволокли корзину сначала на каменистый пережат, не обращая внимания на то, что здесь больно ступать по дну босыми ногами. Они уже знали: в корзину заскочила такая рыбина, какой им добывать еще не удавалось. Да и видно было рыбину: она металась по корзине кругами, сильно ударялась головой о стенки, отчаянно подпрыгивала вровень с обручем и на мгновение замирала, чтобы начать все сначала. И вдвоем непросто было тащить корзину с такой добычей.

Это был огромный черноспинный язь из стаи, обнаруженной Сенькой. Видимо, вожак — уж так неправдоподобно велик и толст он был. Язь и на берегу долго не давался ребятам в руки, и только сильный удар остроги в загривок успокоил его. Из корзины язя вынимали вдвоем, когда он уже совсем затих. И двоим держать его было тяжеловато.

— Ну и чудище заскочило! — восхищался, подпрыгивая, Сенька. — А ведь их было штук пятнадцать. Давай еще заход сделаем. Тут место богатое, рядом с омутом. И не все же изи в омут успели удрать. Парочка-другая где-нибудь тут еще шарашится со страху, — горячо убеждал Сенька.

— Не стоит, — возражал Петька. — Эти язи не глупее нас. Нечего рассчитывать на дурика, только время потеряем. Их, цуганых-то, тоже не возьмешь.

— Так и этот с испугу!

— Два раза подряд одинаково не бывает!

— Да послушай ты меня! Везет нам сегодня! Просто везет! Оттого и второй раз может получиться! — кричал Сенька и тянул друга к воде.

Петька сдался. Они вернулись на прежнее место. Недолго ждали, пока уйдет мутная вода, а затем повторили почти все свои маневры. Но ничего не попало в корзину. Исчезли язи, словно их и не было. Только на середине промоины прицепился к корзине серый рачишка. До того он был беспомощен, лупоглаз и забавен, что ребята посмеялись и пустили его в воду, сунув носом к глинистому берегу.

— Рой там себе нору. Жируй! — напутствовал его Сенька. Следующая заводь оказалась вовсе неурожайной: всего-то небольшая плотичка и пескарь попались, хоть бери их, хоть выбрасывай. Взяли для кошек.

Петька измучился со своей огуменной и предложил Сеньке поменяться снастями. Да и делать это полагалось, когда пропадала удача. Сенька охотно согласился.

Он шел, прижимая корзину ко дну, и ногой загонял в нее рыбу из-под кустов и из тины. Скоро поймал щуренка длинной с точильную лопатку для кос.

А Петька тем временем, повесив торбу на прибрежную ольху, отдыхал на черной коряге, огромном старом пне, который торчал из берега и вытягивал в воду узловатые, обломанные корни. Давно уже выпала у пня сердцевина, он стал похож на паровозную трубу, и в основании его имелось множество отверстий и подводных ходов. Петька с малых лет знал, что именно в таких пнях и любит хорониться рыба. Но сейчас он устал, и ему было просто приятно посидеть на солнце над самой водой. Он вонзил острогу в чистое песчаное дно, ухватился за нее обеими руками и затих, разглядывая, как быстро высыхают на ногах капельки речной воды. Однако это занятие ему скоро надоело, и он принялся разглядывать дно — это было гораздо интереснее...

И вдруг его прямо оторопь взяла: дно колыхалось и струилось. «Неужели все это рыба?» — подумал Петька, боясь верить себе. Но очень скоро понял, что это действительно рыба — стадо плотвы, некрупной, правда, но все же вполне подходящей, ровенькой. Но до чего же плотное стадо!

Плотва густо облепляла теплый пень, скользила меж корней сплошной массой, заплывала внутрь пня и лениво выплывала обратно. Петька пошевелил острогой, намереваясь ударить ею в гущу стада. И плотва так же пошевелилась, качнулась в сторону на вершок. Петька замер, и плотва успокоилась, вовсе не намереваясь уходить от пня.

«Она привыкла к остроге, привыкла к тому, что я на пне, — догадался Петька. — Она должна привыкнуть и ко мне, если я буду стоять рядом в воде».

Он медленно и бесшумно опустил ноги в воду и стал на дно вплотную с пнем. Плотва поначалу шархнула в сторону, но скоро часть стада вернулась — то ли это были разведчики, то ли просто самые смелые рыбки, — а за ней последовало и все стадо. Петька слышал теперь, как плотвицы задевают боками его ноги, тычутся в них. Прикосновения эти были неприятны, щекотны. Хотелось дернуть ногой, выско-

чить из воды или разогнать глупую рыбешку. Но Петька каждый раз пересиливал себя и стоял как вкопанный.

Постепенно он начал наклоняться, тихо-тихо опуская в воду руки. Прошло несколько минут, прежде чем дотянулся он пальцами до корней пня.

И вот уже над водой виднеется только черная Петькина голова. И глядит он не на рыбу, а на берег. Высматривает, похоже, такое местечко на луговине, куда в случае удачи можно выбрасывать рыбу.

А плотва уже скользила по его ладоням, останавливалась, словно принюхиваясь. Но от Петькиных рук сейчас пахло только рыбой — тиной и рыбой.

Ему ничего не стоило зажать в ладони первую плотичку. Другая рука почти в тот же момент прижала вторую рыбину к пню. Петька медленно распрявился и швырнул рыбок на берег. Проследил взглядом, не удастся ли им, подпрыгивая, упасть с луговины в воду. Убедился, что сделать это рыбкам будет не по силам, и снова погрузил руки в воду.

Ловить рыбу таким способом умели в деревне многие. Называлось это — «щупать» плотву. Еще можно было «щупать» в норах скользких налимов и клешнястых раков.

Петька выбросил на берег семнадцать рыб. Все время в уме считал их и держал в памяти, чтобы потом доложить Сеньке. И еще хотел «пощупать» на счастливом месте, но стадо, видимо, заметив убыль, заметалось. Петьке показалось даже, что рыбы в панике что-то кричат друг другу. Вся плотва разбежалась от пня до единой.

Что ж, так и должно быть. И Петьке пора честь знать. А как приятно нанизывать на ольховый, очищенный от коры прутик-кукан эту добычу! Увесистым кукан получился. С таким и вдоль деревни пройти не стыдно. А ведь есть еще и торба с язем-громилой!

...Им невероятно везло. Торбу уже невозможно было носить на плече. Ее клали на берег и бежали к ней всякий раз, как только попадалась новая рыбина...

Друзья выбрались на берег, обсохли. Сбегали за оставленной возле омута одеждой. Сенька уселся отдыхать и сторожить рыбу, а Петька побежал в деревню за подмогой.

Он остановился возле дома погибшего дяди Михаила и решил постучать. Зашел. Вся семья была в сборе. Грустная тетька Дуня кормила своих дочерей, удивительно похожих одна на другую — все белобрысенькие, круглолицые, в веснушках, мал мала меньше, как деревянные расписные матрешки, и сидят рядком.

— Тетя Дуня, отпусти Лидку рыбу носить. Сегодня хорошо ловится. Нам уж надоело торбу таскать. Мы и ей дадим рыбы,— заговорил Петька и сразу увидел, как радостно вспыхнули голубые Лидкины глаза.

— Чего же... Пусть поможет. Только не утопите мне девуку,— сказала тетя Дуня.— Она ведь у нас старшуха: и работница, и нянька. Берегите там ее.

— Какое утопим!— засмеялся Петька.— Мы уже у самой деревни. Недолго осталось.

Лидка перестала есть, облизала ложку и вопросительно глянула на мать. Та разрешила ей идти. И Лидка выскочила из-за стола. Хоть и тонковаты у нее ноги, а быстрые.

На крыльце Петька спохватился и на минуту задумался. Тоскливо ему стало после встречи с этими осиротевшими двоюродными сестрами. Ведь теперь они на всю жизнь без отца. Может, и его ждет такая же судьбина?.. Хотелось почувствовать, помочь девочкам, и грустную тетю Дуню чем-нибудь порадовать. Он подбежал к порогу, приоткрыл дверь и поманил тетку пальцем, словно приглашая ее для секретного разговора. Тетя Дуня подошла к нему, наклонилась, лицо у нее стало тревожным.

— К вам наш дедушка жить переходит. Чтобы весь его заработок в вашу семью шел. И по хозяйству он поможет,— зашептал Петька.

Тетка Дуня резко выпрямилась. На лице ее отразилось не то изумление, не то радость, не то боль. Петька увидел, как брызнули из теткиных глаз слезы. Этого стерпеть он уже не мог, еще больше испортилось у него настроение, и он пустился догонять Лидку.

...Ходить при Лидке голышом, хотя бы и в реке, не полагалось. Оттого ребята обмотали себя с поясницы до колен густой тиной и повели наступление на следующую заводь. Лидка связала их одежонку в узелок и носила его вместе с торбой. Она все время старалась найти на берегу такое местечко, чтобы видеть ребят и чтобы они ее видели и могли добросить до нее пойманных рыб. А рыба все попадалась.

Первым изнемог Петька.

— Хватит. Мочи нет. Да и жрать хочется до смерти,— заявил он и полез в глубинку искупаться, смыть с себя липкую тину.

— Ну и я последний разок,— согласился Сенька и пошел вдоль реки.

Перед ним расстилалось целое поле низкорослой, но прочной и густой бледно-зеленой тины с округлыми такого

же цвета листочками. Самая настоящая щучья тина. В воде она постоянно колыхается, а на быстринке тянется вслед за водой, дрожит. Пройти по такой тине рядом со щукой и не заметить ее — пара пустяков.

Сенька шел, ни о чем не думая с устатку и ни на что особо не надеясь. Корзиночка его скользила поверх тины, и трудно было рассчитывать, что в нее попадется какая-то рыба.

Невдалеке загоготал, дурачась в воде, Петька. И Сенька сразу увидел, что сплошной ковер тины перед ним неестественно заколыхался, словно шуруют в тине колом. Сенька знал, что это такое, и тотчас погрузил корзинку в воду. В тот же момент в дно корзинки что-то сильно ударило, и она едва не вылетела из его рук. Сенька удержал ее, успел даже поднять из воды и прижать обручем к груди. И теперь она ходила ходуном. Сенька понял, что ему попалась щука, причем не маленькая, и он, высоко выбрасывая ноги над водой, поспешил к берегу.

Корзинку он бросил уже на лугу. Из нее тут же, как развернувшаяся пружина, вылетела пятнистая, под цвет тины щука. Она широко разевала пасть, показывая длинные и частые, загнутые вовнутрь зубы, и подпрыгивала почти вровень с Сенькиной головой, а упав, спокойно лежала на траве, раздувая радужные жабры и судорожно глотая воздух. Глаза у нее были злющие. И пришлось щуку, не мешкая, успокоить острогой.

Теперь улов стал таким, что желать большего было уж как-то и нехорошо. Счастливые и усталые, ребята оделись, расселись на траве, вновь переживая самые острые моменты рыбалки. Но оставалось еще одно весьма важное дело: рыбу надо было по справедливости разделить.

Большую щуку — в полтора шага длиной — отдали Сеньке, черноспинного язя — Петьке (все верно: они и поймали этих рыб не вместе, а в одиночку), Лидке — щуренка, потому что и носильщик должен иметь хотя бы одну приличную рыбину. Плотиц делить было легче. Их разложили на траве в таком порядке: сначала — самых длинных и увесистых, за ними — средненьких, а дальше — что осталось. Брали так: первую Петька, потому что он пришел с огуменной корзиной, вторую — Сенька, третью — Лидка. Конечно, Лидке доставалась самая маленькая из каждой трех, но так уж было шведено: носильщику то, что помельче.

Всего рыбин оказалось семьдесят девять. Петьке и Сеньке досталось по двадцать шесть штук, а Лидке — двадцать семь, потому что последняя рыбина тоже полагалась носильщику.

И все закончилось миром. Правда, Сенька немножко поспорил из-за того, что Лидке досталось много рыбы: на троих, доказывал он, надо делить только то, что поймали при Лидке. Но Петька возразил, сказав, что Лидка таскала и ту рыбу, которую они поймали до нее. Сенька задумался и больше возражать не стал.

Домой шли через всю деревню. Огуменную корзину проткнули у обруча ратовищем остроги и несли, положив его концы на плечи. Шагали вразвалочку, подгибая ноги, словно несли непомерную тяжесть.

А по деревне уже разнесся слух про необычайно удачный лов. Ребят останавливали, просили показать самых больших рыбин. И хотя женщины вспоминали, что до войны их мужья, бывало, вылавливали щук и побольше, все равно ребят хвалили на каждом шагу. Самых солидных рыбин взвешивали на безмене. И оказалось, что Сенькина щука потянула четыре с половиной килограмма, а Петькин язь — больше трех.

Ребята начисто забыли, что собирались утаить часть улова, а вспомнили об этом только тогда, когда в каждой избе уже знали, кто сколько принес, а рыба была вычищена и поставлена хозяйками в холодильник.

Поужинав, Петька вышел на крыльцо, присел — так когда-то сиживал здесь его отец. Подошел Колька и, оглядевшись, тайком показал брату листок бумаги, на котором виднелись крупные коричневые буквы и какие-то карикатуры.

— Ты много бегаешь везде. На такие бумажки не натыкался? — тихо спросил он.

— Нет, — честно признался Петька. — А что?

— Это фашистские листовки. С самолета сброшены. Если найдешь такую — не читай, а неси прямо ко мне. Понял?

— Понял.

И не успел Петька прочесть на листовке и слова, как старший брат поджег ее спичкой. Быстро пробежал по коричневой бумажке огонек, в нос ударил незнакомый и неприятный запах. И Колька затоптал кусочки черного пепла в землю.

— Молчи об этом, — сказал он и ушел в избу.

Петька снова задумался о войне, об отце, о том, что клятва дана, а для исполнения ее почти ничего не делается. Радость от необычайно удачной рыбалки потускнела. Да и чему радоваться, если вся его доля попала в руки матери — сам и выложил, похвалиться захотел... Оставалось только ругнуть себя и идти спать.

Рыбалка дала о себе знать: Петька улегся в кладовке на сундук и ему показалось, что не прошло и минуты, а мать уже берет его за руку, будит. Он не сразу сообразил, что уже утро, и не ранее.

— Вставай, простись с дедушкой,— тихо сказала мать.

Петька проснулся бодрым. Он нисколько не взволновался, просто ему было интересно, что это будет за прощание.

По-праздничному одетый дед стоял посреди передней комнаты. У порога лежал узел, рядом — ящик с инструментами. Колька сидел на лавке, лицо у него было спокойное. А мать суетилась, собирала гостинцы Петькиным двоюродным сестрам.

— Тебе, мать, я все сказал,— торжественно заговорил дед.— Еще скажу Николаю. Часть инструментов я оставил тебе, Николай. Они не хуже тех, что беру с собой. Работать ты с ними можешь, но береги их. Затупится что — тут же и поднаточи, пусть устал, пусть некогда, а ты не откладывай этого дела, иначе — запустишь... И еще — дом береги. О-хо-хо! Дом ты мой милый! Своими, этими вот руками,— дед вытянул вперед темные, со скрюченными пальцами руки, оглядел их,— этими вот руками валил я отборные деревья, вымеривал бревна, углы рубил, поднимал стропила, крышу наводил, конька на охлупень ставил. Каждая-то деревяшечка в этом доме сработана, каждый гвоздь забит все этими же руками. И покоил, обогревал ты меня, милый дом, под своей крышей чуть не сорок лет. А теперь уж прости меня, дом, покидаю я тебя, может, и навсегда.

Дед повернулся к Петьке:

— И тебе, Петр, я много чего говорил. Но пока не пойму, будет из тебя толк или нет. То ты на человека, на хозяина похож, а то и на вертопраха, одним словом — на дурака.

— Да не ругай ты его, тятя, в последний-то раз, прости-тесь по-хорошему,— встревоженно заговорила мать.

— Следи за братом, Николай. Найди ему дело потяжелее, чтобы некогда было от дома-то взлягивать,— строго напутствовал дед.— А теперь — прощайте. Не поминайте лихом, если и суров был когда... Вы проживете...

Дед низко поклонился в передний угол, вытянулся во весь рост, расправил грудь и чинно пошел к порогу. Колька догнал его, подхватил тяжелый ящик с инструментами. Мать, роняя слезы, поспешно завязывала узелок с гостинцами, и Петька заметил, как она положила туда большущий пирог —

рыбник. «Наверное, с язем»,— чувствуя подступающую обиду, подумал он.

Мать наконец справилась с узелком и поспешила догонять мужчин. Петька тоже выскочил на улицу, поглядел всем им троим вслед, но провожать дела не пошел: сердился за «дурака».

А где Сенька? В заулке его нет. Петька заглянул за Сенькино крыльцо. Точно, нет и тачки, значит, в лес укатил спозаранку старатель, за дровишками. Ну и упрямая же натура! А поленница у него уже подходящая, такой на ползимы хватит.

В это время на улице показались Колька и мать. Колька вел ее под руку, а она плакала, склонив голову и утирая слезы концами платка. Петька отвернулся, ему стало совсем плохо.

— Зайди,— коротко бросил ему Колька и кивнул головой на крыльцо. Не послушаться было нельзя, и Петька понуро пошел за старшими.

Мать рыдала, уронив голову на стол. Колька неумело ухаживал за ней: предлагал попить воды, гладил по волосам. И мать скоро утихла. А Петька сидел у порога и глядел в другой угол. Никто на него вроде внимания не обращал, за чем и звали? И вообще ему лучше было бы убежать сразу в выгородку, чтобы не видеть этих сцен со слезами, не давила бы тогда душу такая тяжесть, как сейчас.

«А вдруг что с отцом!»— пронзила Петьку страшная мысль. Он во все глаза уставился на старших: Колька был совершенно спокоен, значит, от отца нет плохих вестей, а мать из-за деда так расстроилась.

Колька, сдвинув брови, сидел на лавке. А голова матери все еще на столе, плечи у нее вздрагивали. Ну что тут делать Петьке? Лучше бы в землянке сидеть. Но там ведь замок, а ключа нет. Впрочем, Петька знает, где лежит ключ. На кухонной полке, в самом уголке. Сделать два шага влево, протянуть руку, пошарить— и вот он, ключ. Колька с матерью и не заметят ничего, им сейчас не до этого, да и ключ в хозяйстве больше не пригодится, ведь замка-то нет.

Петька встал и потянулся рукой к полке, но вдруг увидел, что Колька холодно и понимающе глядит прямо ему в лицо, переводит взгляд на руку, на угол полки... У Петьки по спине забегали мурашки, пришлось опустить руку и сделать вид, что потянулся он просто так, для разминки.

— Иди сюда,— сказал Колька вполне обыденно.

Петька подошел почти вплотную к нему.

— С сегодняшнего дня будешь ходить на работу со мной или с мамой,— как об окончательно решенном сказал Колька.

— А кто против,— сумрачно ответил Петька,— хоть упрекать не будете. Только, ведь сколько бы я ни работал, мне все равно вполонину меньше трудодней запишут, чем совершеннолетним.

— А тебе больше всех надо? — осклабился Колька. И непонятно было, то ли насмехается он, то ли втайне одобряет брата.

— Конечно! Работать — так работать, и получать за работу по-честному,— посмелее заявил Петька.— А то кругом несправедливость. Я вон вчера какого язища поймал, а где он? И попробовать не придется, унесли. А мы же с Сенькой целую гору рыбы Лидке дали.

Мать вдруг опять зарыдала.

— Ну и жаден и избалован ты у нас, младшенький! — возмутился Колька, сверкая темными глазами.— Тяжело с тобой, братец.

Петька умолк, глотая слезы. Знал, что с Колькой ругаться опасно, можно и оплеуху себе схлопотать. Но еще обиднее было переносить Колькино презрение. Старший брат мог вообще не разговаривать с ним, словно и не жил в доме Петька. Бывали такие дни, и дней горше этих Петька не помнил.

— Да ведь ты знаешь, что я могу и буду работать, ведь не отказываюсь,— как можно миролюбивее, словно умолял брата смягчиться, проговорил Петька.— Но я, конечно, всех послабее в доме, на меня можно орать...

— Опять вредничаешь! Хватит ершиться! — прикрикнул Колька, но уже не столь сердито.

Мать распрямилась за столом, глаза ее исступленно горели.

— И моя вина, видно, есть,— плачущим голосом громко заговорила она,— видно, в меня уродился Петр. И я жадная. Не хотелось мне, чтобы дедушка уходил. Уж так не хотелось! Отговаривала я его. А он доброту свою понес сиротам...

— Перестань, мама. Не в себе ты, не дело говоришь, да еще при нем,— заторопился успокоить ее Колька.

Мать всхлипнула. И вдруг вскочила и, взглянув жгуче на Петьку, закричала старшему сыну:

— Выдери этого стервеца! Вишь, он язя своего жалеет! А его кто кормит? Тех он не жалеет! Раньше в такие-то годы шарни давно уж ремеслу выучивались. И мастера драли таких-то, за волосы таскали... И толк выходил. Выдери его, Колька. Может, хоть тогда поймет, мучитель...

Мать снова упала головой на стол, плечи ее затряслись. — Выйди! — сквозь зубы процедил Колька, унимая дрожь в руках. — И сиди в заулке, пока тебя не позовут.

Петька спиной открыл дверь, вышел. Ноги отяжелели и плохо слушались его. Надо бы убежать подальше в загороду, а не бежалось. Петька остановился возле штабеля досок, постоял, шатаясь, потом забился за штабель, съежился, при- тих. Слезы текли сами собой.

Страха не было. Была обида. Нестерпимая. Никак не мог он понять, кто же прав. Казалось, что его обвиняют несправедливо. И уже сколько раз! Неужели всегда так будет? А все потому, что не убежал он на фронт сразу после того, как пришла такая мысль. Не замерз бы и без полной амуниции, и без харчей бы с голоду не умер. А теперь вроде и бежать нету сил, когда в доме такая заваруха...

Он всхлипнул, еще всхлипнул потише. Вздохнул... И тут сон сморил его. И ничего ему не снилось...

Колька не сразу нашел брата. Разбудил. Петька дернулся испуганно, не понимая, почему он тут. Едва поднялся, его покачивало.

События сегодняшнего утра вспоминались постепенно. Вспомнилось и то, что мать велела выдрать его. Но безразлично сейчас все было Петьке: пусть бьют, если им так нравится, если он такой плохой.

Он глянул на брата подернутыми влагой глазами. Колькина фигура расплывалась перед ним неясным темным пятном, похожим на куст вереса.

— У тебя не температура ли? — услышал он голос брата, словно бы издали, и почувствовал, как прохладная Колькина ладонь легла ему на лоб.

— Неладно что-то с тобой. Жара да рыбалка. Да без обеда... Тут и удар получить немудрено.

Колькин голос звучал все ближе, звучал успокаивающе, миролюбиво. И Петька, почувствовав, как подкашиваются у него ноги, повалился на руки брата.

Дома его уложили в горнице. Мать, встревоженно охая, быстро и бесшумно двигалась по комнатам. Колька сидел на лавке, глядел в окно. А мать на ходу приговаривала:

— Уж вы простите меня, сыночки. Издергалась я. Живите дружно. Всем надо дружно жить, помогать. Всех-то нас эта несчастная война донимает. А рук опускать нельзя. Вам еще жить да жить. Ума набирайтесь, а не злобы да жадности.

И такой искренний, ласковый, привычный голос был у

матери, что с каждым ее словом Петька успокаивался и чувствовал себя бодрее. Он уж давно не всхлипывал. Теперь он слышал, как прежняя сила вливается в руки и ноги, как яснеет голова.

Он полежал еще немного и, скинув с себя одеяло, соскочил с постели.

— Куда?— окликнул его Колька, протягивая руку к Петькиному лбу. Но Петька увернулся, засеменил через кухню на крыльцо. Брат — за ним.

На крыльце они остановились. Петька снизу глянул серьезно в глаза брата и заметил в них веселые искорки.

— Здоров я,— почти весело сказал он.

— Ну и ладно,— с одобрением отозвался Колька.

Они помолчали. И тут с запада донесся такой удар, что вздрогнули земля и изба. Колька сузил глаза, глядя поверх Петьки, и скулы на его лице будто бы подались вперед, на щеках набухли желваки.

— Вот что,— суховато сказал он Петьке,— по секрету сообщаю: меня не сегодня — завтра призовут. Останешься с матерью один. Береги ее. Видишь, какая она стала?

Ошеломленный новостью, Петька молча глядел на брата во все глаза.

— Ей или кому другому об этом ни слова. Понял?

— Понял,— упавшим голосом ответил Петька.

И снова на западе что-то грозно прогремыхало.

15

А над деревней стояла настороженная тишина. Все уже знали, что фронт продвинулся к Острову, что вражеский самолет сбросил листовки, но никто не хотел вслух говорить об этом. Посуровели люди, чаще прислушивались к грому канонады и поглядывали на небо. Было о чем подумать и ребятам.

Сеньке все же удалось утаить от бабки четыре крупные плотицы. Друзья унесли их на чердак, повесили в укромное место вялиться. Ведь вяленая рыба и вкусна, и легка — в кармане ее удобно носить. Именно такие харчи им и нужны.

Беспокоило одно: землянка-то их рассекречена! И хотя Фунт после того, как обучил их кататься на велосипеде,azole нее больше не появлялся, ребята решили, что хранить в ней запас продовольствия нельзя.

А запас копился. У каждого уже было по две краюшки хлеба, которые черствели и превращались в сухари. Петька

надумал еще взять головку домашнего сыра. Штук десять этих головок хранила мать в сульнице—в самодельном шкафчике, что стоит в сенях. Оттуда же можно было добыть и большой кусок соленого шпига.

Но где все это хранить? Петька решил, что сыр и шпиг он заберет в последний момент, за несколько минут до побега. На этом они с Сенькой и договорились.

Нужны были еще и ножи. Имелся у Петьки маленький складешок с железной блестящей ручкой. Еще отец покупал его до войны. Но у складешка давно отломилась половина лезвия. Такой ножишко никуда не годился, разве что карандаш затачивать. Утащить хлебный ножик? Так ведь стыдно с таким оружием появляться на фронте. Да и нельзя было брать еще что-то из дому. Друзья понимали, что унести вещь без спроса — все равно что украсть.

— Так ведь для важнейшего дела! На фронте люди жизни своей не жалеют, а мы трясемся над ножиком да над головкой сыра,— рассуждал Петька. Но все равно не мог успокоить ни себя, ни друга. Сенька только глазами моргал, чесал макушку и твердил одно:

— Нехорошо вроде...

— Но поторапливаться-то надо!— убеждал Петька.— Красть, конечно, нехорошо. Дверь от погреба вот уволокли. Пока обошлось. А ведь может кто-то из наших деревенских наткнуться в лесу на землянку и узнать эту дверь. Тогда что? Пропадем мы с тобой. Дёру нам дадут по первое число и из дому выпускать не станут... Или Фунтов может растрепать...

Сенька молча соглашался, вздыхал, поднимая худые плечи, ежился. Было похоже, что затея с побегом на фронт, с клятвой, со всякими тайнами ему уже в тягость. Петька, замечая это, сердился еще больше. Он как-то забыл все разговоры с Колькой о том, что надо быть благоразумнее, беречь мать, больше работать. Старшие на работу брали его не часто. Повестка Кольке не приходила.

А может, все это померещилось Петьке с расстройства: и слезы матери, и ее ругань, и то, как он спал за штабелем, и Колькины слова... Да и стоит ли об этом вспоминать? Ведь в доме — тихо и мирно, его больше не ругают. А клятва есть клятва...

— Давай финки делать, — предложил он Сеньке, — из старой косы. Я видел у вас такую в заулке. Возьмем — бабка твоя и не заметит.

— А как делать?— оживился Сенька.

— Я знаю. У нас есть зубило, вот и вырубим из стали

ножи. Я видел, как наш Колька ножик делал из сломанной косы еще в прошлом году. Хороший ножик вышел, острый. И подтачивать его не надо.

Они недолго шептались, то и дело оглядываясь, чтобы никто не застал их за такими разговорами. Делать финки своими руками — вот это и есть настоящее занятие! Устоять тут было просто невозможно. И ничего не стоило стащить косу и выломать стальное полотнище литовки из косовища.

Друзья уселись за кустом смородины в Сенькиной загороде и долго вымеряли полотнище. Надо было все рассчитать точно, вычертить контуры ножей, а потом уж и приниматься за работу. Получалось так, что из косы выкраивались четыре ножа: два больших и два поменьше.

Сенька спрятал косу в рукав, и друзья перемахнули через улицу в Петькино подворье. Тут было тихо. В доме — никого. Только куры в заулке копались в пыльных ямках вдоль изгородей да изредка покрикивал петух.

Ребята устроились на бревнышке позади крыльца. Тут как раз и лежал большущий, с плоским верхом камень. Петька притащил из ящика с дедовским инструментом увесистое зубило и молоток. За дело принялись без промедления.

Петька наставил острие зубила на черту и велел Сеньке бить по вершинке зубила молотком. Сенька ударил. Зубило подпрыгнуло в Петькиных руках так, что ладоням стало больно, но не оставило на полотнище косы никакого следа. Отлетели только мелкие кусочки ржавчины, царапнув по голым Сенькиным ногам.

Сильнее надо, решили они. Петька чуть глаза не зажмурился со страху, — казалось, что Сенька промажет и грохнет ему молотком по рукам. Но после третьего удара на косе образовалась заметная вмятина.

— Теперь дело должно пойти, — оживился Петька. Он отобрал у друга молоток и принялся орудовать один. С каждым ударом вмятина делалась глубже. Но вдруг зубило скользнуло по гладкой стали, блеснули красноватые искры, и от полотнища отлетел кусочек металла, едва не угодив Сеньке в лоб.

— Да, — раздумчиво проговорил Петька, оглядывая зазубренный излом. — Сколько тут работы! Надо ведь не только вырубить пластинки ножей, а еще и обточить их, на ручки насадить. А зазубрин-то будет сколько! А сталь не знаю чем и стачивать. На неделю работы хватит. — Он отложил зубило и молоток, вытер лоб рукавом. Украсть нож было проще, чем сделать.

— Ты всегда вот так,— обиделся Сенька.— Загоришься и тут же потухнешь. А надо уметь до конца дело доводить. Терпение надо иметь. Не зря говорят: глаза страшатся, а руки делают.

Сенька подобрал инструменты, долго наставлял зубило, ударил по нему. Вроде и несильно стукнул, а отрубил сразу пару зазубрин.

— Видишь?— торжествующе сказал он.— Не за неделю, а может, за два часа все сделаем.

— Ну, валяй,— пренебрежительно проговорил Петька. Он хотел даже отвернуться, но победило любопытство. Уж очень ловко орудовал Сенька, хотя зубило и попало ему в руки впервые.

А Сенька отрубил еще кусочек. И теперь уж было видно, как вырисовывается лезвие будущей финки. Но руки у Сеньки быстро устали, и его сменил Петька.

Он тоже захотел отличиться. Бил изо всех сил. И дело продвигалось споро. Разруб, правда, получался не таким ровным, как у Сеньки, но это не беда, можно подправить тем же зубилом или наждаком.

И вдруг после особенно сильного удара коса хрустнула и разломилась надвое.

— Чего наделал!— чуть не со слезами закричал Сенька. Петька растерянно молчал. Он и сам видел, что случилось непоправимое — хрупкая сталь не выдержала. Теперь надо было или бросать затею или искать новую косу и начинать все сначала. От досады сжимались кулаки. Сколько труда пропало! И коса впустую нарушена.

— Что вы тут делаете! — раздался над их головами возмущенный голос.— Ишь звон какой развели — как на по-жар!

Ребята вскочили. Перед ними стояла Петькина мать.

— Инструмент без спроса берешь. Кто позволил?— с укором проговорила она и даже пригрозила:— Я вот скажу де-душке — он придет да задаст тебе.

Мать поглядела на камень и заговорила еще раздражен-нее:

— Весь заулок железяками усыпали! Свои же ноги об них изрежете. А потом лечи вас, окаянных! Или корова на-ступит, вопьется ей эта коса в копыто, что тогда? Да ведь вижу, что и занялись-то вы хулиганством. Ножички ведь вырубаете, а?

Мать дернула Петьку за руку и толкнула его к крыльцу.

— Марш домой живо!— прикрикнула она.— И ты тоже,

паренек, ступай восвояси,— показала она Сеньке на его за-улок.

«Опять начинается,— тоскливо подумал Петька,— сейчас пойдут упреки насчет дарового хлеба...»!

Спорить с матерью было бесполезно — еще больше неприятностей накличешь на свою голову. Он послушно собрал кусочки косы и бросил их в крапиву. Петька не видел, как Сенька, укрывшись за изгородью, проследил, куда брошены осколки.

Мать заставила сына отмывать испачканные ржавчиной руки. Она собирала на стол обед и ворчала, ворчала:

— Хоть бы книжки читал, ума набирался да грамоты. А то одни игры в голове. Дров обещал навозить? Обещал. А не привез ни полена.

— А рыбы кто столько наловил?— все же возразил Петька.

— Ну один раз наловил. Хорошо. А на хлеб каждый день надо зарабатывать! Да и не только на себя, а еще и на отца, и на других солдат.

— Я тоже про войну думаю,— не утерпел и чуть не проговорился Петька.

— Не о деле ты думаешь.

Петька сдержался, промолчал, и они принялись за обед.

— Вот что, сынок,— заговорила мать, когда они кончили есть.— Сейчас, пока я посуду мою, принеси четыре ведра воды. А потом пойдем вместе на ферму. А завтра пойдешь по землянику. Говорят, поспела у железной дороги. Принесешь пол-литровую кружку — и то ладно будет.

Петька погрустнел. Наносить воды — это еще туда-сюда, работа недолгая, а пробыть полдня на ферме... Такая перспектива не устраивала его, но от матери не убежишь.

Он подхватил пустые ведра и вышел на улицу. На краю деревни имелся один колодец на четыре дома. От Петькиной избы до колодца — метров сто. Хорошо идти с пустыми ведрами. С полными — тяжеленько: подгибаются коленки, руки вытягиваются до боли. Зато при деле себя чувствуешь, да и передохнуть можно.

Петька не успел наполнить и одного ведра, как к нему подбежал Сенька.

— Сегодня я арестован. К телятам пойду,— грустно сообщил Петька.— А завтра меня посылают за земляникой. Пойдем?

— На железную дорогу?

— Да. Там первая ягода поспевает. Знаешь ведь.

— Пойду,— сразу согласился Сенька, но тут же заговорил шепотом: — Я согласен с тобой, что ножики из косы будут ломкие. А ты найди-ка лучше пару гвоздей, самых толстых и длинных, у вас должны всякие быть, а у нас — никаких. Лучше не пару, а штуки четыре или пять.

— Зачем?— удивился Петька.

Сенька уже раскрыл рот, чтобы все объяснить другу, но к колодцу подошли две соседки, и он умолк. Петька поторопился наполнить второе ведро, чтобы не задерживать людей. А Сенька, насвистывая и подпрыгивая, побежал к себе. С полными ведрами за ним не угонишься. Да и некогда Петьке было задерживаться — его ждала мать. Так и не узнал он в этот день, зачем понадобятся завтра Сеньке самые толстые и длинные гвозди.

16

Приятно собирать землянику, хотя и считается это занятие девчоночьим. С радостным предвкушением удачи отправляешься за этой ягодой, заранее текут слюнки, когда вспомнишь и представишь, до чего она ароматна и сладка.

Петька и Сенька к железной дороге шли степенно. Они прекрасно знали все места на откосе и ближних бугорках, где солнце наливают соком и краской первую тяжелую ягоду. Места эти находились как раз на середине пути от деревни к домику обходчика Фунтова.

Собираясь по землянику, ребята всегда брали с собой пол-литровые кружки. Это была их норма. Наберешь кружку — и можешь досыта наесться ягод. В этот раз Петька прихватил с собой и тяжелые гвозди, самые длинные и толстые, какие удалось найти. Сенька не скрывал восторга. Он глянул на них и заявил, что из этих гвоздей получатся отличные ножи и даже, может быть, кинжалы. А для этого гвозди следует положить на рельсы и дожидаться, когда по ним пройдет поезд. Колеса превратят гвозди в плоские металлические пластинки, которые надо будет заточить, потом приделать к ним рукоятки и закалить ножи: разогрев добела, сунуть в холодную воду.

— побыстрее давай,— поторапливал Сенька друга.— А то, пока мы так ползаем, поезд может пройти. А сколько другого придется ждать? Этого никто не знает.

Они прибавили шаг.

И вот друзья в заповедных земляничных местах. С первого взгляда стало ясно, что все будет в порядке, потому что

в траве красным-красно. Но ягоды ребят сегодня не волновали, они думали о поезде.

Мимо первых ягодных бугорков пробежали без всякого сожаления. Вышли к насыпи. Откос здесь был крутой. Пришлось цепляться руками за траву, чтобы вылезти наверх. А там надо было вести себя осторожно — мало ли кто мог показаться на дороге... От случайного прохожего, конечно, можно спрятаться в кустах. Хуже всего встретиться с Фунтовыми, хоть со старшим, хоть с младшим. А они всегда появляются не вовремя. Правда, Алеху можно прогнать. А старший Фунтов?.. Он никогда не спешит, вглядывается в каждую гайку, в каждый костыль, пробует на прочность шпалы: не качаются ли, не пора ли подсыпать под них балласт. Еще любит Фунтов постукивать по рельсам тоненьким молоточком и вслушиваться в лязгающий звук, при этом он все вокруг себя видит и слышит. От него в кустах не спрячешься — обнаружит и пригрозит или нотацию прочитает о том, что запрещено посторонним болтаться по полотну, оставлять на песке следы и обрушивать песок с откоса...

Поезд гукнул совсем близко. Друзья бросили под откос кружки и помчались к рельсам.

Петька положил свои два гвоздя и замахал руками дру-гу — пора было удирать. Но Сенька медлил. Вдруг он пустился бежать не вниз, а вдоль полотна, навстречу поезду, потом резко наклонился к рельсам...

— Быстрее! Чего копаешься? — испуганно закричал Петька.

Поезд показался из-за ближнего поворота. Через минуту-другую он уже загремит здесь, где положены гвозди. Петька скатился с откоса, а Сенька все еще копошился наверху.

— Задавит! — несвоим голосом заорал Петька. Он снова бросился к насыпи, спотыкаясь о кусты и булыжники. Но Сенька уже съезжал ему навстречу. Он был бледен, но глаза его торжествующе блестели.

— Ты чего там? — недоуменно спросил Петька. Но разговаривать было уже невозможно. С насыпи пахло горелым угольным смрадом, задрожала земля. Друзья припали животами к траве и замерли, чуточку приподняв головы, чтобы видеть поезд. Им обоим показалось, что под колесами паровоза что-то непривычно проскрежетало, что сам паровоз содрогнулся и чуть не подпрыгнул. Запомнилось лицо машиниста, встревоженное, бледное. Уж слишком быстро высунулся машинист из окна, глянул вниз, а потом погрозил кулаком в сторону кустов. А может, померещилось ре-

бятam с испугу... Замелькали скучные коричневые вагоны с наглухо закрытыми дверями. И ни одного человека не было видно, только в тамбуре заднего вагона чернела сгорбленная фигура проводника.

Поезд скрылся за выгородкой, и ребята суматошно поползли к рельсам, каждый к своему месту. Петьку охватило разочарование. Он долго не мог сообразить, где же его гвозди — не было их, и всё тут. Зато Сенька сиял. Он подбежал к другу, держа в руках по ровной светлой пластинке, которые уже сейчас были похожи на клинки кинжалов.

— Покажи! — завистливо запросил Петька. Забыв про осторожность, они долго разглядывали поблескивающие пластинки.

— Здорово! — восхищался Петька. — Немножко наждаком поработать — и готово. А металл этот податливый, железно.

— А твои где?

— Нету, — сказал Петька и недоуменно развел руками.

— Они наверняка слетели. Давай поищем.

Друзья обшарили немалую площадь, но нашли лишь один гвоздь. Да и тот был почти целехонек, только шляпка помята.

— Уметь надо, — деловито сказал Сенька. — Твои гвозди сразу из-под первого же колеса вылетели, потому что положены были лишь бы как. Ты думаешь, отчего я мигом не убежал, когда поезд показался? Я гвозди устанавливал. Шляпками их сунул в щелочки стыков между рельсами, а острыми концами — вдоль рельса и навстречу поезду. Вот их и не вышибло, а размяло, как надо.

— А как же мне-то теперь? — растерянно спросил Петька.

— Положим твой гвоздь, и следующий поезд перекует его в кинжальчик. А на крайний случай два у нас уже есть.

Они тщательно уложили последний гвоздь по-сенькиному. При этом Петька только глядел, полностью признав авторитет друга. Они еще полюбовались пластинками, посидели на теплых шпалах минут десять в надежде, что вот-вот покажется новый поезд. Но никаких гудков, хотя бы и далеких, не доносилось. Прикладывались ухом к рельсам — и тоже ничего обнадеживающего не слышали. Пришлось идти к оставленным кружкам.

Ягоды они собирали без особого разбора — лишь бы набрать, чтобы дома не ругались. То и дело принимались снова рассматривать сплюснутые гвозди, прикидывать, как быстрее и лучше сделать из них ножи.

Скоро ягоды на откосе попадаться перестали, и друзья отошли от дороги метров на двести к бугоркам среди кустов. Тут земляника была крупнее и вкуснее, чем у полотна. Но Петька вдруг встревожился.

— Сенька,— заговорил он.— А вдруг поезд с другой стороны пойдет? Тогда ведь придется переворачивать мой гвоздь. А мы далеко...

— Успеем. Услышим и успеем,— не волновался довольный Сенька. А Петька нервничал. К тому же и кружки наполнялись медленно. «Да пошли к дороге»,— не раз предлагал он, и Сенька в конце концов сдался. Они двинулись напрямик, рассуждая, что теперь и в самом деле лучше ходить вдоль откоса и там собирать ягоды и гвоздя из виду не терять. Для начала вышли взглянуть на него — на месте ли?

Ничто не предвещало беды. Тихо было кругом. И они с разговорами быстро вскарабкались на откос. Вот и рельсы, вот и стык.

— А где же гвоздь-то?— недоуменно спросил Сенька, глядя на друга. Гвоздя на рельсе и рядом с ним не было.

— Может, мы не на то место вышли?— предположил Петька без всякой уверенности. Он и сам по всем приметам видел, что место как раз то, даже следы их ног на песке были свежие.

— Вот они, голубчики! Сами пожаловали!— раздался позади них мужской голос. Ребята похолодели. К ним подходил обходчик Фунтов, незаметно появившийся с другой стороны насыпи.

— Бежим!— срывающимся шепотом проговорил Сенька и кинулся вниз. У Петьки мелькнула мысль, что бежать, пожалуй, не следует, что этим только трусость свою покажешь, а Фунтов все равно узнал их и может снова прийти в деревню, собрать народ, рассказать. Еще стыднее будет, чем сейчас...

Но мысль эта погасла, потому что Сенькин испуг заразил и его. Он тоже покатился вниз, стараясь держать кружку в приподнятой руке ровно, чтобы не рассыпались ягоды. Он слышал за спиной сопение Фунтова и испугался еще больше, потому что впереди его Сенька споткнулся на бегу, шлепнулся на камни и громко вскрикнул, звякнула Сенькина кружка, по траве веером брызнули ягоды. Петька с плачем присел возле друга, втянул голову в плечи, чувствуя, что Фунтов уже рядом.

— Убился, чертенок глупый!— ругнулся Фунтов. Он шаг-

нул к Сеньке, нагнулся и приподнял его голову. Лицо у Сеньки было в крови.

Фунтов осторожно потряс Сеньку, и тот открыл глаза, но тут же дернулся, стараясь вырваться из его рук. Фунтов поднял его, крепко прижимая к себе, и усадил поудобнее на траву. Достал из сумки чистую тряпку, вытер кровь.

Обходчик и теперь бранился, но он уже не казался страшным. Он послал Петьку с Сенькиной кружкой к ближайшему ручейку, умыл Сеньку и шутливо шлепнул его по затылку.

— Подберите ягоды, пригодятся,— скомандовал он, и Петька принялся собирать увящую в траве землянику. Скоро, пошатываясь, присоединился к нему и Сенька. Петька глянул ему в лицо и испугался — так быстро лиловели и пухли на нем синяки.

Фунтов курил, глядя на ребят и с укором качая головой. Было видно, что он и сам не на шутку встревожился. Когда ягоды были собраны, он подозвал ребят.

— Если не хотите вместе с вашими гвоздями и ножами в милицию, то дайте мне слово, что больше безобразить на дороге не будете,— строговато сказал он. Но ребята уже поняли, что не такой уж он свирепый и беспощадный, что он заботится о порядке на дороге, а им зла вроде бы не желает.

— Даем,— сказал Петька, подумав немного. Что-то похожее прошептал разбитыми губами и Сенька.

— Запомню,— проговорил Фунтов, испытующе поглядывая на ребят.

— Нам домой пора. Отпустите нас,— попросил Петька.

— Да я вас и не держу. Только послушайте еще об одном деле,— ответил Фунтов после короткого раздумья.— Знаю я вас: хоть и дали мне слово, а все равно будете тут бегать — это точно. Так вот как мы договоримся. Вместо того, чтобы хулиганить, вы будете следить и запоминать, кто ходит по этой дороге и возле нее. Если увидите незнакомого и подозрительного человека, особенно такого, который прячется и поглядывает на мост, запомните его хорошенько, проследите, куда пошел и сразу сообщите мне или Петькиному брату Николаю. А мы уж знаем, что делать дальше. Это вам серьезное задание. Считайте его военной тайной. Никому о нем ни слова. Так что гуляйте возле дороги, делайте свои дела, но глядите в оба. Вы очень можете помочь. А всякие выдумки, вроде этих ножичков из гвоздей, пора бросать — не маленькие... А синяки твои заживут! — добавил он и хлопнул Сеньку по плечу.— Меня больше так не пугайтесь, мы теперь заодно. Договорились?

— Договорились,— сказал Сенька. И Петька кивнул.

17

Они вышли к проселку. И надо же — навстречу им катил Фунтов-младший. Вид у него был деловой, он едва кивнул приятелям.

— Чего к нам не ездешь?— крикнул ему Петька.

Алеха остановился, но с велосипеда не слез.

— Значит, так надо,— заносчиво ответил он, готовясь вновь нажать на педали.

— Как это... «так надо»?— передразнил его Петька.

— Значит, другие дела есть, поважнее,— ответил Алеха.

— Бывали у тебя дела!.. Только взлягиваешь...

— А может, и бывали, и есть. Может, военная тайна! — крикнул Фунт и поехал в сторону своего дома.

— И у этого военная тайна,— с горькой усмешкой сказал Петька. — Может, и ему отец давно поручил вести наблюдение?..

Но Сенька ничего не ответил. Он подумал, что если уж дело касается военной тайны, то лучше помалкивать и не болтать лишнего даже тогда, когда рядом товарищ.

Домой они заявили уже после обеда. Интерес к ножам почти пропал. Хотелось сегодня же побродить по выгородке, незаметно подобраться к мосту, все облазить и осмотреть. Но было и немного боязно: вдруг напорются они на подозрительного типа с автоматом или просто со здоровенными кулаками! И хотя каждый думал об этом, говорить друг другу о своих опасениях они стыдились.

— Возьми, кинжальчик получится,— прошепелявил Сенька распухшими губами и отдал Петьке один размятый гвоздь. — Давай сегодня дома посидим. Мне синяки полечить надо, да и голова побаливает. Будем ножи вытачивать. А завтра с утра двинемся с тачкой к землянке, а от нее — на разведку.

На этом и разошлись.

Вечером Колька, пробуя землянику, как бы между прочим спросил брата:

— Ты постоянно болтаешься вокруг деревни, не встречал ли нездешних, незнакомых мужиков?

— Нет,— ответил Петька. Он сразу сообразил, что Фунтов и Колька озабочены одним и тем же. И уже гордился, что причастен к серьезной и, наверное, связанной с опасностью тайне взрослых.

— А что за нездешние могут быть — солдаты? — с умыслом спросил Петька, будто ничего не понял и не знает.

— Не солдаты, а так, другие, которые ведут себя подозрительно, прячутся, к примеру... Если увидишь где, сразу мне скажи.

Петька молча кивнул головой. В этот вечер дома разговаривали мало. Казалось, всеми овладели какие-то тревожные заботы, о которых много рассуждать вслух не следует.

— Говорят, что фашистов из нашей области погнали, — сказала перед сном мать. — Ты ничего не знаешь про это, Николай?

— Про наше наступление слышал. Но на войне всякое бывает, — ответил Колька.

И они снова умолкли. Петька, не дождавшись ничего интересного, ушел в кладовку.

Утром он удивился, что Колька еще не на работе и вроде не собирается уходить. И вид у него был такой, словно поджидал он младшего брата, чтобы сказать ему что-то по секрету. Так и получилось.

— Помнишь вчерашний разговор? — спросил он Петьку, когда мать вышла.

— Про нездешних?

— Да. Так вот. Ты не везде, где попало, бегай. Сегодня, к примеру, понаблюдай за опушками. Понял? А потом расскажешь, что удалось заметить. Но матери — ни слова, — как равному, говорил Колька брату.

— Понял, — тихо заверил его Петька.

Он помчался разыскивать Сеньку. И минут через десять друзья уже подходили к землянке.

Вроде бы и нечего им тут было бояться, но шли они настороженно, то и дело останавливались, прислушивались и приглядывались. И рады были, что тачка у них не скрипит.

Возле землянки все было по-старому. Никаких чужих следов. И замок на дверях, и маскировка не тронуты. Может быть, даже Алеха тут не появлялся. И все же вползать в землянку по лазу друзья не сразу решились. Почему-то казалось, что там кто-то притаился, ждет... Прислушались, но из землянки не доносилось ни звука, ни шороха.

— На смелого? — тихо спросил Петька, побледнев.

— Ага, — кивнул Сенька.

Петька отфутболил ногой маскировочные лапки и сунулся в подземный ход головой. Скрылся.

Сенька остался наверху, поглядывая то на лаз, то на топор. Прошли томительно долгие минуты, пока вздохмачен-

ная Петькина голова с кусочками глины в волосах не показалась на свет.

— Порядок,— с улыбкой сказал Петька, отряхиваясь.— Там хорошо, как в кладовке. Только темень.

Слазил в землянку и Сенька. И тоже сказал, что там хорошо.

— Ключ придется из дому брать,— со вздохом, но твердо проговорил Петька.— Да он теперь не нужен матери, она и не заметит, что его уже нет.

— Правильно,— одобрил Сенька.— И еще неплохо бы свечки иметь или лампу.

— Лампу не достать. И с керосином теперь плохо.

— Свечку тогда...

— А может, лучину?

— Стащу свечку у бабки,— решил Сенька.— У нее их штук десять за иконами.

— А теперь на разведку? — азартно сверкнул глазами Петька.

— На разведку! — с готовностью ответил Сенька.

Они загнали тачку в кусты и наметили себе маршрут. Сначала пройти опушкой, потом пересечь выгородку наискосок, подобраться поближе к мосту и вести наблюдение вдоль железной дороги с насыпи. Двинулись молча.

Поначалу каждый, даже давно знакомый кустик или чащица елок казались им подозрительными. Ребята невольно держались ближе друг к другу, переговаривались шепотом. Но опушка была спокойна и пустынна. Друзья принялись разглядывать тропки, но и тут не обнаружили никаких следов. Тогда они углубились в лес и оказались в центре выгородки на широкой поляне, покрытой кочками и редкими низенькими елками. Отсюда сквозь прогалины виднелось и плотно железной дороги.

— Можно наблюдать за тем, кто по дороге идет,— шепнул Петька.

— А если пойдет низом?

— Тогда, конечно...

— А что, если...— Сенька что-то придумал, но тотчас говорить не решался.

— Что? — нетерпеливо спросил Петька.

— А прорубить просеки. Тогда можно все видеть, никто не прошмыгнет незамеченным.

— Прорубить-то можно,— заспорил Петька.— А если ночью они пойдут? Только я не понимаю, к чему вся эта беготня. Что за чужаки здесь должны бродить?

— Я сам голову ломаю,— ответил Сенька.— Может быть, фашисты высадили десант с самолета или шпионов заслали. Вот их и надо выследить.

— Если десантники, то они во вражеской форме и вооружены до зубов. С ними надо солдатам, а не нам воевать. А в общем, дело хоть и неясное, но серьезное. Осторожнее надо.

— А зачем осторожнее? Нас они не тронут. Даже спрячутся, чтобы мы их не видели. А форма... Их и под железнодорожников могли одеть — тут дело тонкое.

— Верно,— согласился Петька.— А мне и в голову не пришло. Но уж если с нами хитрят, то и мы оставаться в долгу не должны!

— Да, поворочать мозгами придется, — согласился Сенька.

— И вот что наперво надо учесть: нельзя нам рыскать, озираться и пригибаться, как сыщикам,— надо делать вид, что мы просто дурака валяем, бегаем, тогда никто не подумает, что мы разведчики,— ребята как ребята, зато мы будем все видеть.

— Правильно. Или дрова будем рубить, а сами...

— Изредка можно и дрова... Пошли на дорогу.

Они скоро добрались до откоса, который здесь был не так крут. У подножья его теснились заросли ольхи и малиника. Тут они могли спрятаться так надежно, что даже и в двух шагах от «секрета» их никто не обнаружит. Идущий в зарослях всегда производит шум, а сквозь малиник протоптано множество извилистых тропок. И если кто-то тут прячется, то, наверное, пойдет по одной из них — этим и обнаружит себя, потому что идущего по тропке будет хорошо видно.

— Давай так,— зашептал Петька,— будем ходить по рельсам и наблюдать, ты в одну сторону, я — в другую. Никто и не подумает, что мы в разведке, решат, что мы сорвнемся, кто дальше пройдет и не оступится.

— Это ты хорошо придумал,— согласился Сенька.

Ходить по рельсам голыми ступнями приятно — рельсы теплые, гладкие. Не беда, что после десятка шагов пятки станут чернее мазута,— весь интерес заключается в том, чтобы пройти как можно дальше, не ступая на шпалы и глядя при этом не под ноги, а на придорожные кусты.

Но никого они не увидели, а хождение по рельсам утомило и надоело. Ребята забрались на штабель старых шпал и стали глядеть туда, где за ажурной фермой железнодорож-

ного моста синел холм Туманный. Отсюда была почти неразличима зубчатая стенка леса на нем, и сам холм поднимался над окрестностью непривычно хмуро и настороженно. Обычно окутанный таинственной дымкой, он был сегодня чист, строг, но ребятам казалось, что на холме чего-то недостает.

— Давай зорче глядеть,— предложил Сенька, и сощурился.

Они растянулись на пригретых солнцем шпалах, твердых, как камень, с крупинками ввевшегося в них песка. Лежать было приятно. Казалось, шпалы высасывали из ног усталость.

— А чего льнозавод не дымит? — удивился Петька.— На ремонте, что ли?

— Да и трубы его не видно! — приглушенно вскрикнул Сенька.

Они разом вскочили, вглядываясь в тот край холма, из-за которого всегда виднелась черная палочка заводской трубы.

— Нету! — не веря своим глазам, сказал Сенька.

— Может, упала? Или повалили на ремонт?

— Брехня! Вот разбомбить завод — могли! — сердито заговорил Сенька.— А завод — это ж какая ценность! Это тебе не веялка и не изба...

У ребят тревожно заняли сердца. По удалявшемуся гулу канонады, из разговоров старших они знали, что враг отступил, что он далеко от районного центра, Красного Холма, значит — и от льнозавода. Но самолеты-то фашистские летают! И вот не стало трубы...

Помрачневшие, они спустились со штабеля, еще раз оглядели дорогу и побрели к землянке.

18

Петька проснулся от громового удара, потрясшего весь дом. С улицы доносился глухой шум и треск.

«Бомбежка! Неужели?» — он спрыгнул с постели, подскочил к окошечку, но стекло запотело и сквозь него ничего нельзя было разглядеть. Петька замер на мгновение, прислушался, соображая. Гулкие раскаты неслись к деревне с той стороны, где находился фронт.

— Давно бы надо дождичка. Благодать...— услышал он голос матери, доносившийся из сеней, и облегченно вздох-

нул. Ему и смешно, и досадно было, что грозу он принял за бомбежку.

Умывался он на крыльце. Подставлял руки под струю воды, хлеставшую из подвешенного к крыше желоба, и плескал в лицо. Не удержался, скинул майку и трусы, выбежал в заулочек под дождь, заплясал, запрыгал. За такие поступки мальчишек в деревне не бранили. Считалось, что, побыв под летним да еще грозовым дождем, мальчишки вырастают на целый вершок. А кому же не хочется поскорее вырасти?!

Дождь был теплый, и Петьке долго не хотелось домой. Сверкающие молнии и раскаты грома его нисколько не пугали. Даже веселее было, когда над головой раздавался сухой треск и ломаные стрелы молний разрывали небо, словно кусок прочного холста...

Полную кринку молока выпил он после такого купания. Мать улыбалась, глядя на него, однако сказала, что в такую погоду лучше сидеть дома. А сама накрылась клеенкой и скорым шагом пошла к колхозным телятам — за ними надо было ухаживать и в дождь.

Одиночество сразу начало томить Петьку. Он посидел у раскрытого окна, наблюдая, как быстро полнятся и становятся шире лужи в заулочке, как вдоль улицы катится мутный ручей. Петька мог бы выбежать сейчас на дорогу, соорудить в ручье запруду, катушку из-под ниток превратить в мельничное колесо — забавно глядеть, как оно крутится! Но такое занятие в военное время он посчитал глупым — оно впору маленьким, а не тем, кому поручают ходить в разведку.

Петька был уверен, что и Сенька сейчас вот так же сидит у окна и думает о том же. Он, наверное, и нож себе уже смастерил.

Петька разыскал свою железку, приволок из сеней кусок наждачного круга и принялся обтачивать ее. Но заметив, что с наждака сыплется серая пыль, Петька решил не грязнить в горнице и вышел на крыльцо. Здесь работать было приятнее: дождь рядом хлещет, прохладно, свежо. Вот уж и лезвие почти готово с одной стороны. Но тут он сообразил, что заусеницы с мягкого железа еще проще отрубить зубилом, и приступил к делу. Через каких-то десять минут он полностью вырубил из пластинки кинжалчик с черенком, который можно было забить в деревяшку, а затем выстругать из этой деревяшки удобную рукоятку. Даже предохранитель можно поставить у рукоятки, чтобы не сползала ладонь на лезвие при ударе. У Петьки имелась и подходящая для этого медная пластинка.

Он и не заметил, что туча сместилась на восток, а гром раздается все дальше и глуше. Он доделывал свой кинжал.

Готова рукоятка, поставлен предохранитель. Вот и целиком готов кинжальчик! Его, конечно, надо еще закалить, потом шить для него чехол с ушком, чтобы кинжал можно было носить на поясе.

Петька восхищался своей работой. Кинжальчик и в самом деле получился — загляденье! Петька высоко поднял руку с зажатым в ней кинжалом.

— Здорово получилось! — услышал он рядом тихий голос Сеньки. От неожиданности Петька вздрогнул, но быстро пришел в себя, улыбнулся польщенно.

— Я давно за тобой слежу, — с усмешкой сказал Сенька. — Дай-ка подержать.

Петька великодушно протянул другу кинжал. Сенька разглядывал его так и этак и не нашел в нем никаких изъянов.

— Давай и мне такой сделаем, — предложил он, — а то у меня ни наждака, ни напильника.

— Давай, — с готовностью согласился Петька.

Сенька поскакал по лужам к своей избе за расплюснутым гвоздем. Дождь уже кончился.

Не подошел еще и обед, а друзья уже стали обладателями почти совершенно одинаковых кинжалов. Только у Сенькиного предохранитель был похуже, из простой жести, потому что второй медной пластинки не нашлось.

— А ведь нам пора на дежурство, — спохватился Сенька.

— И верно. Побежали! А то ведь диверсанты как раз в дождь и могут появиться...

— Я только тачку возьму. И свечку. Она у меня уже припрятана. А ключ?

Петька мигом нашел ключ. Да и искать его было нечего, он все еще лежал на старом месте.

...И вот друзья торжественно распахнули дверь в землянку. На них пахнуло терпким запахом хвои и вянущей листвы. Пришли на лавки. Здесь было сухо, только из подземного хода слегка сочилась дождевая влага. Хорошо было в землянке!

— Теперь здесь все в ажуре, — удовлетворенно сказал Петька. — Свой дом.

Сенька согласно промолчал. До того приятно было сидеть тут, что не хотелось ничего делать. Не хотелось вылезать на мокрую колючую траву, не хотелось мочить одежду в кустах, с которых все еще падали крупные капли.

Они рассматривали потолок, стены, темные углы и не глядели друг на друга. Оба знали, что надо идти в лес, но каж-

дый ждал, кто первый заговорит об этом. А заговаривать обоим не хотелось. Наконец Петька пересилил себя, поднялся, вышел за дверь и уже оттуда сказал со вздохом:

— Пошли.

Сенька тоже вздохнул и полез за другом. Они заперли землянку и на минуту остановились. Надо было куда-то спрятать ключ, чтобы не таскать его вечно с собой: так ведь и потерять недолго, да и один он на двоих... Вдруг Петька нырнул под ближнюю елку, разгреб сухие иголки, вырыл под толстым корнем ямку, положил в нее ключ и тут же засыпал ямку хвоей.

— Гляди, тут будет наш тайник, — показал он другу.

Друзья выползли из чащицы, распрямились и долго не могли сделать ни шага. Они видели выгородку будто бы впервые. Сейчас над ней сияло умытое дождем солнце — горячее полуденное солнце июля. И от него в лесу сияли бесчисленные огоньки, каждая капелька на деревьях, на траве, на лесных цветах впитывала в себя лучи и светилась по-своему. Желтые, зеленоватые, фиолетовые огоньки рассыпали во все стороны свои крохотные лучики и сияли, как частички солнца.

У железной дороги в густых зарослях брядника вроде бы и не вовремя рассыпал звонкую дробь соловей, молчавший до этого больше недели. Где-то у реки ему тотчас отозвался другой. И каждый перелив трелей казался ребятам похожим на капельки сверкающей росы.

— Ну и красотища! — тихо сказал Сенька. — Как в сказке.

— Всю жизнь тут живу, а такого не видывал, — согласился и Петька. — Вот ведь как природа устроена: рядом война — и этакое....

И вдруг у Петьки больно сжалось сердце. Он подумал, что враги намерены отнять у него и у Сеньки, у всех деревенских жителей эту красоту и присвоить себе. И могут отнять, если он, и Сенька, и другие люди будут вот так стоять и млеть от восторга, а проще говоря — бездельничать.

— Пошли! — хмуро скомандовал он и широкими шагами двинулся к железной дороге. Сенька едва поспевал за ним. Оба держали в руках кинжалы, спрятав лезвия в рукавах.

Они недолго ходили взад-вперед по рельсам, измазали ноги и очутились около знакомого штабеля шпал. Не сговариваясь, полезли на него. Тут удобно было и обсушиться, потому что одежда у них все же промокла. Легли на животы, стали наблюдать. Но и отсюда видели, что дорога пустынна. Ослепительно сверкали рельсы — глазам становилось больно. И на чистом горизонте все так же не было заводской трубы.

Ребята попробовали втыкать в шпалы свои кинжалы. Но клинки уходили в просмоленное и словно окаменевшее дерево неглубоко, а при сильных ударах стибались.

— Сегодня же надо закаливать,— сказал Петька.— Где-нибудь у речки: костер и рядом вода...

И тут с запада отчетливо донесся громкий надсадный вой. Сразу показались над холмом и самолеты. Летели они высоко, и было их много. Словно стая грачей неслась над железной дорогой. Самолеты быстро увеличивались. Скоро можно было разглядеть их желто-черную окраску. Враги!

Неожиданно они, словно шквал ударил по стае, шарахнулись влево, пошли вверх, прямо к солнцу и стали пропадать из виду. Но прерывистый вой все нарастал. И тут глазам ребят предстала страшная невиданная картина.

Им казалось, что прямо из солнца вместе с его слепящими лучами косо вываливаются черные самолеты и круто, почти отвесно несутся вниз. Первый из них падал прямо на железнодорожный мост. А за ним — еще и еще... И невозможно было сосчитать, сколько же их.

Ребята оцепенели. Они отчетливо видели, как от первого самолета отделились черные капельки и стремительно полетели вниз. Самолет словно подбросило, но он развернулся и низом помчался в обратную сторону. Фонтаны огня, дыма и еще чего-то темного поднялись возле моста, скрылась в серой пелене его ажурная металлическая ферма. А в эту пелену с самолетов валились и валились продолговатые черные предметы. Донеслись первые звуки взрывов и сразу слились в сплошной гул. Было видно, как рядом с мостом в сполохах огня подскакивают вверх елки и беспомощно валяются в дым. Лес загорелся. Хорошо еще, что западный ветер гнал огонь к реке, над которой вздымались столбы белой, словно кипящей воды.

Горячая волна ударила в лица ребят и чуть не сбросила их со штабеля. Петька почувствовал, как похолодела у него кожа на голове.

— Бежим! — заорал он и скатился со штабеля. Кинжал выпал из его рук, но он тут же подхватил его и бросился в кусты. За спиной пыхтел Сенька.

— В землянку! — несвоим голосом закричал Петька, но Сенька упал под первым же кустом и махнул ему рукой, подзывая к себе. Петька вернулся не сразу. Его трясло, и каждый новый особенно гулкий взрыв у моста притибал его к земле. Но вот он подполз, затих рядом с другом, вздрагивая и зажмуривая глаза.

— Наблюдать надо,— срывающимся голосом твердил Сень-

ка. — Здесь же не опасно. И что делают гады, а! — крикнул он, увидев, что самолеты делают второй заход.

Ребята только сейчас заметили, что вокруг самолетов вспыхивают и тут же гаснут маленькие белые облачка. Строй самолетов начал рассыпаться. Один из них проревел над самыми головами друзей, заставив их вдавиться в землю. И тут же один за другим раздалась частые гулкие взрывы вдоль железной дороги, от выгородки — к мосту. И каждый раз подпрыгивала земля...

Последняя бомба с треском взорвалась у моста, и гул самолетов стал стихать. Но с опушки еще ахали вслед им зенитки, и в стае черных разбойников клубились облачка...

Вот и последний самолет скрылся за холмом Туманным. Стихли и зенитки на опушке.

А в выгородке по-прежнему сияли капли на деревьях. Казалось, похожая на цветастую скатерть радуга лежит на траве. Но ребята уже не видели этой красоты, они торопились в деревню, чтобы все рассказать взрослым.

— Постой, Петька, — заговорил Сенька. — Мы ведь самого главного не узнали: цел мост или нет? Пойдем!

Петька согласился почти сразу, хотя трудно было возвращаться туда, где только что падали и взрывались бомбы, где он пережил такой ужас...

Ребята вскарабкались по откосу к рельсам, подняли головы — ажурная ферма моста была целехонька, рельсы сверкали внутри нее, как и до бомбежки, и уходили дальше, к холму.

— Промазали! Все промазали! — заорал Сенька. И Петька тоже заорал, чувствуя огромное облегчение:

— Врешь! Не возьмешь!

Теперь и домой можно было идти спокойно.

— Жаль, что ни одного не сбили, — сказал Сенька.

— Еще собьют, — уверял Петька. — Я видел, как одного сшибли недели три назад. Первого. И всех других собьют. А зенитчикам пришлось стрелять против солнца. Тут любой промазать может.

— Ладно. Главное — дорога цела. Значит, пойдут и пойдут по ней на фронт эшелоны, — сказал Сенька.

Когда Петька появился дома, мать сразу стала ругать его, кричала, чтобы не смел он убегать из дому без спроса, не лез к мосту и к военным, если дороги ему мать и дом родной. Но

разглядев, что Петька цел и невредим, только одежонка сырая, мать поуспокоилась и спросила:

— Кольку не видел?

— Нет. А что?

— Да и он, словно маленький, как началась бомбежка эта, поскакал к мосту на лошади. И зачем?

— Вот это да! — восхищенно вскрикнул Петька. — Он, наверное, там все видел.

— И куда вас черти носят! — опять запричитала мать. — Чего вы суетесь не в свои дела? Долго ли до беды! Ведь только мешаете солдатам, поди. Будто без таких сопливых не знают, что им делать... А ты сиди дома и дальше загороды носа своего не высовывай! — прикрикнула она на Петьку со слезами в голосе, заметив, что он собирается спорить.

Петька насупился, смолчал. Знал он, что под горячую руку мать бывает скоро на расправу. А сегодня она вон как расстроена да напугана.

...Колька явился домой усталый и спокойный. Бросил на крыльце куканчик — бечевку с рыбой.

— Бомбами оглушило, — коротко пояснил он Петьке. — Почисти.

На деревню уже спускался светлый летний вечер, и закатная заря была нарисована чистыми легкими красками, словно по прозрачной голубизне прошли золотой кистью, а у самого горизонта добавили еще и огненно-багрового цвета.

Колька сидел на крыльце и впервые открыто курил при матери. У него откуда-то появились солдатский кисет и «катушка» — кресало, сделанное из гильзы крупнокалиберного патрона. Мать не упрекнула его, только грустно покачала головой и встала в сторонке.

— Что теперь-то будет, Николай? Эко страх сегодня был! Не слышал ли от солдат, что нам назавтра-то ждать? — заговорила она с ним, как со старшим.

— Должно спокойнее быть, — сказал Колька. Он снова раздул огонек в гильзе, и стало видно, что он не так уж спокоен: подрагивают руки, возбужденно блестят глаза.

— Фронт от нас отодвигается. Погнали фашистов, вот что я знаю, — добавил он. — Теперь и самолеты ихние вряд ли прилетят: бензину не хватает. Сегодня последние были, оттого и лютовали фашисты. Часового у моста убило осколком.

— Ой, батюшки! — тихо вскрикнула мать, прикладывая ладони к щекам. — Дай-то бог, чтобы больше не прилетали!

— Не прилетят, — заверил Колька и пошел в избу. Но прежде чем сесть за ужин, он достал из шкафа свою винтовку,

повертел ее так и этак, проверил затвор и, задумавшись, не сразу поставил ее на место.

Пока мать копошилась на кухне, Петька вплотную подошел к брату и спросил тихо:

— А мне-то теперь что делать?

— То же самое. И еще внимательнее!

— Да ведь теперь вроде и незачем. Не пустое ли занятие?

— Делай, что велено. Выдержку надо иметь...

В комнату вошла мать с тарелками, и братья замолчали. Петька знал, что Колька сегодня больше не разговорится, и тоскливо стало ему.

«Фронт отодвигается, — думал он. — А мы клялись и почти ничего не сделали, чтобы сдержать свое слово. Так и война кончится, пока собираемся на фронт. Бегаем, как маленькие, в земляночку играем. Надо завтра же закончить подготовку».

После ужина Петька слазил на чердак, потрогал на ощупь рыбу — плотицы завялились неплохо. И Петька стал размышлять, как завтра стащить побольше хлеба, а может, и чего-нибудь другого. Решил, что весь день надо помнить об этом и не упускать ни одного удобного случая. С такими мыслями он и заснул...

Проснулся чуть свет, хотел сразу соскочить с постели, но по тихим звукам, доносившимся из дома, понял, что вставать рано. Встанешь, а делать-то и нечего. Идти с удочками на реку не стоит: июль — самое плохое время для клева.

Из окошечка на Петьку лилась прохлада раннего утра, пахло росой — этот тонкий и сладкий запах не всякий слышит.

Никаких звуков войны — тишина. Петька незаметно уснул снова. И пробудился уже вовремя, совершенно выспавшийся. Ноги сами вывели его на улицу, куда в этот же момент выбежал и Сенька.

Договорились быстро. Обязательно взять тачку — пусть все видят, что они идут на работу, а не в разведку. Но условились, что тачку они оставят на опушке, а сами пойдут туда, где вчера падали у дороги бомбы.

Ребята быстренько добрались до насыпи и пошли вдоль нее. Поначалу надо было взглянуть на то место, куда сбрасывал бомбы самолет, пролетававший над их головами. Воронки должны были находиться неподалеку от кустов, где они лежали вчера, не дальше чем в двухстах-трехстах шагах от штабеля шпал.

Так и оказалось на самом деле. Они остановились и долго

разглядывали первую яму. Бомба угодила мимо дороги, смяла вокруг кусты, яма была пугающе огромная, на дне ее уже скопилась лужица черной торфяной воды.

Ребята поискали в траве осколки, но не нашли и рысцой двинулись к следующей воронке, чернеющей впереди у самой насыпи.

— Тут ближе. Но все равно промазали! — торжествовал Петька. — Видно, зенитки все же нагнали на них страху. Не зря палили.

Они прошли уже порядочное расстояние, по всем расчетам, пора быть и третьей воронке, но ее все не было. Зато дальше, в откосе, на одинаковом расстоянии одна от другой зияли еще три рваные раны. Здесь даже к рельсам земля была выброшена. Но путь уже был приведен в порядок, даже песчаные откосики приглажены. Потрудились Фунтов, прибавилось ему работы, сообразили ребята. И тут же увидели, что от моста по путям идет сам Фунтов да еще вместе с Алехой, а на плече у Алехи лопата.

— И этот при деле. Давно бы надо его запречь в работу, — злорадно сказал Петька.

— Не будем показываться им на глаза, — предложил Сенька.

— Не будем, — согласился Петька. — Пошли обратно. Все равно к мосту не пустят.

Они миновали на обратном пути три воронки и шли теперь в том месте, где поначалу надеялись увидеть еще одну. И вдруг Петька остановился.

— Гляди! Чей это след? Как же мы прошли мимо и не заметили? — приглушенно заговорил он.

Друзья наклонились, разглядывая след. А перед ними чернела свежая борозда, словно кто-то прошел здесь с плугом, как ким окучивают картофель. Борозда уходила вниз, в кусты. Ребята осторожно спустились вдоль нее. Возле кустов разом остановились.

— Гляди-ка-а! — прошептал Сенька. — Это что же такое?

Но Петька еще раньше его увидел, что из кустов торчит ушедшая наполовину в землю диковинная штукавина — вороненные пластинки металла, сложенные крестом. Ближе подбирались с опаской и не сразу разглядели в прошлогодней гниющей листве и траве, что крестовина прикреплена к длинному толстому чурбаку, тоже полузарывшемуся в землю.

— Бомба! — вскрикнул Сенька, отскочив назад.

— Во находочка! — тихо проговорил Петька и попятился.

— А если она сейчас ахнет? — испуганно спросил Сенька, отступая все дальше.

— Сутки лежала... — попытался возразить Петька, но тоже оробел еще больше.

— Бежим к Фунтову, скажем... — предложил Сенька.

— Ага, — тотчас согласился Петька, и их словно пружиной выбросило к рельсам. А там и до Фунтова рукой подать...

К бомбе все четверо подходили скорым, но мягким шагом, по-кошачьи. Ребята видели, как сразу вспотел у Фунтова-старшего лоб и как Алеха побелел и старался держаться за спиной отца.

Фунтов-старший не подпустил ребят к бомбе. Он спустился к ней один, разглядывал недолго. Отошел.

— Стойте тут на путях, глядите в обе стороны и останавливайте любой поезд. Лешка знает, как это делается. А я бегом. Приведу солдат, — поспешно распорядился он и сунул в руки сыну красный флажок.

Обходчик скрылся в лесу. Недолго было слышно, как трещат под ним сучья.

А ребята застыли в тревожном ожидании. Леха топтался между рельсов и норовил незаметно отойти подальше от страшного места. Но далеко уходить ему было нельзя.

Время тянулось томительно. И хорошо еще, что не слышно было поезда ни с одной, ни с другой стороны. А то бы было переполоху!

— А чего ее бояться-то? — начал храбриться Петька.

— Молчи! — прикрикнул сквозь зубы Алеха. — Не бывал под бомбежкой, вот и болтаешь. А вдруг она замедленного действия! В любой момент может рвануть. Давайте лучше ляжем за рельсы.

— Трус! — громко сказал Петька и засмеялся. И Алеха, и в самом деле собравшийся ложиться, выпрямился.

— Не ори! — прошептал он умоляюще. — Она от звука и от сотрясения может взорваться. Оттого и поезда надо останавливать. И от крика может...

— Много ты знаешь, — усмехнулся Петька. Но говорил уже потише.

— А ты и этого не знаешь! — захорохорился Алеха. Такой уж у него был странный характер: то трусит, убегает, ноет, то начнет петушиться и в драку готов лезть. Непонятный парень.

Но Петька и Сенька не знали, что Алеха днем, а нередко и ночью дежурит на дороге, ведет наблюдение, помогая отцу, и тоже мечтает уехать на фронт...

Из выгородки донеслись голоса. Ребята облегченно вздохнули. Скоро они увидели Фунтова-старшего и бойцов.

20

— Где? — раздался под откосом хрипловатый голос. Он показался Петьке и Сеньке знакомым. Но некогда сейчас было вспоминать, чей он.

— Вот она, — донеслись слова Фунтова-старшего.

Ребята во все глаза глядели на бойцов и гадали, что же будут теперь делать с бомбой военные. А возле нее копошились трое солдат. А еще один военный — друзья теперь узнали его, это был командир, который недавно прогнал их с дальней опушки, — присел возле бомбы и даже притронулся к ней рукой. Бойцы взялись за лопаты...

— Все за насыпь! — зычно крикнул вдруг распрямившийся командир. — А мальцы — по домам! — сердито добавил он, заметив ребят.

Их как ветром сдуло с дороги. Они скатились на другую сторону насыпи. Вслед за ними спустился Фунтов-старший, а через пару минут — и все три солдата.

— Он умеет, — видимо, о командире сказал молоденький солдатик, сняв пилотку и стирая пот с лица. И оказалось, что лоб у него конопатый, в рыжих веснушках, как у Сеньки.

— Бог даст! — с надеждой вздохнул пожилой солдат и сел. А конопатый уставился на Сеньку. Тот застеснялся.

— Чего, братишка? Не ты ли бомбу обнаружил? — спросил он с улыбкой.

— Мы с Петькой, — ответил Сенька и покраснел еще больше.

— Герои, — с уважением сказал солдат. — Большое дело сделали.

Петька расплылся в улыбке от удовольствия. Приободрился и Сенька. Только Алеха сумрачно шмыгнул носом.

— На фронт, наверное, хочется? — не унимался молодой солдат, подмигивая ребятам. Они промолчали в ответ.

— Не ершитесь, братишки. Вы лучше здесь хорошо воюйте, — посоветовал солдат.

Над ними возникла тень. Это командир вышел на полотно, держа в руках какой-то сверток. Рукава гимнастерки у него были закатаны по локоть. Бойцы тотчас поднялись.

— Кто обнаружил? — коротко спросил командир.

— Вот, ребята, — сказал Фунтов-старший и показал на

Петьку с Сенькой. — И как они углядели — в толк не возьму. Я сам мимо дважды проходил, а не обратил внимания.

— Молодцы! Объявляю благодарность, — сказал командир без улыбки, но глаза у него в этот момент были добрые, как у Петькиного отца.

— Идите за мной, — приказал командир всем сразу. Ребята подскочили к нему первыми.

— Да ведь это мои старые знакомые! — узнал он Петьку и Сеньку. — Хозяева выгородки. Ну что ж, неплохо за своим хозяйством следите.

Он помолчал и жестковато добавил:

— И все же идите домой. Вы свое дело сделали. Подорваться могли бы. С вас хватит.

— Ну, дядя-а! — заныл Сенька. — Мы только поглядим, хоть издали...

— Бомба-то наша, мы нашли, — грубовато сказал Петька. Все рассмеялись, даже Алеха Фунт.

— Будьте добры, подарите ее нам, — весело попросил командир. — Она же вам в хозяйстве ни к чему.

— Берите... Только...

— Понимаю. Можете совсем не уходить, но держитесь отсюда метров на триста-четырееста. А то волной вас унесет и зашибет, — сказал командир, и голос его снова стал холодным, а лицо хмурым и озабоченным.

Друзья, оглядываясь на каждом шагу, пошли к выгородке. На командира они не обижались. Он, наверное, действовал по строгим военным правилам. Но их злило, что Алеха-то не ушел оттуда, за спиной отца прятался, будто его и нет.

— Ох и налупить надо этого Фунта! — сквозь зубы процедил Петька и поглядел на свои сжатые кулаки.

— Давно просит, — согласился Сенька.

Заметив, что за ними никто не следит, друзья скатились под откос и притаились за кустами.

— Быстро он бомбу разрядил! — восхищенно сказал Сенька о командире. — Вот бы научиться!

— Он, наверное, только взрыватель вывинтил. А ее сейчас подрывать толком или гранатой будут. Давай наблюдать, — сказал Петька, и друзья затихли.

Прошло минут десять. И тут ребята увидели, что к командиру из леса выходят еще солдаты. Они приносили что-то тяжелое и складывали у откоса. Еще больше удивились друзья, когда к тому месту, где была бомба, от холма Туманного стал пятиться состав с пустыми платформами.

У насыпи уже лежали целые горы какого-то военного иму-

щества. Можно было различить длинные и тонкие стволы пушек.

— Хоть бы осколок от бомбы нам достался,— вздохнул Петька.

— Крестовину эту, что на хвосте, хорошо бы заполучить. Интересная штукавина. На что-нибудь сгодилась бы,— в тон ему сказал Сенька.

Военных у дороги заволокло облаком пара. Поезд уже стоял.

Наступил полдень. Друзьям хотелось есть, в животах ныло. Но и уйти отсюда в такой момент они не могли. Вон военные уже грузят свое имущество на платформы. Ребята понаблюдали и поняли, что работа у солдат тяжелая.

— Давай поможем,— предложил Петька.

— Прогонят.

— Ну все равно подползем. Чтобы лучше видеть...

— Давай.

Они подобрались к последней платформе в тот момент, когда солдаты уже накрывали ее широким брезентом и увязывали груз веревками. Ребята поднялись и пошли в открытую. Но и дальше было то же самое. Только невдали, возле паровоза, под насыпью еще копошились люди.

— Бомбу тащат, побежали! — заторопился Петька. И они бросились вперед уж без опаски. Но опоздали. Шестеро солдат подняли бомбу на брезент, и она скрылась за бортом пустой платформы.

Друзья остановились. Солдаты заканчивали свои дела и не обращали на ребят никакого внимания. Даже тот, конопатый и разговорчивый, поглядел на них сверху, но ничего не сказал и даже не улыбнулся. Было ясно, что зенитная батарея в полном составе собралась уезжать из выгородки. И странное дело: хотя зенитчики и мешали ребятам, а командир даже прогонял их, расставаться с бойцами было тоскливо.

Мимо прошел Фунтов-старший. Алеха вертелся рядом с ним, зажимая что-то в руке. Он хотел обойти друзей стороной, но Петька все же успел сунуть ему кулаком в бок. Алеха сморщился, отбежал шагов на пять, оглянулся и разжал ладонь. На ней блеснул новенький оранжевый патрон с пулей. Алеха показал друзьям язык и снова засеменил рядом с отцом, словно был привязан к нему веревочкой.

У хвостовой платформы командир пожал руку Фунтову-старшему, подал рукой какой-то знак машинисту. Паровоз запытел громче. Командир поспешил к нему и поравнялся с ребятами.

— Вы все же тут, — с укором сказал он.

— А вы насовсем отсюда? — полюбопытствовал Сенька.

— Насовсем, — весело ответил командир. — А вы тут берегите все.

— Это вы мост отстояли? — опять спросил Сенька.

— Теперь вы его охраняйте. И в глубоком тылу всякое случается, — сказал командир и вскочил на подножку, потому что состав залязгал буферами и тронулся. Ребята долго глядели, как паровоз, фыркая все чаще, набирал скорость и вползал внутрь металлической фермы моста... И вот состав скрылся за холмом.

— Хорошо, что мост цел и невредим, а то было бы мороки перетаскивать батарею через Григорку, — сказал Сенька.

— Что батарея! — добавил Петька. — Через наш мост, может, сто батарей и батальонов провезли на фронт — вот и покатился фашист восвояси.

Возвращаясь домой, ребята догнали Фунтова-старшего, который привычно осматривал гайки и костыли. Алехина фигура смутно маячила далеко впереди. Конечно, ничего не стоило догнать и его и наказать за все нечестные уловки, но уж очень хотелось друзьям есть. Да и Фунтов-старший остановил их, приглашая к разговору.

— Уехали бойцы, — проговорил он, — значит, не прилетят больше и чернокрылые. Свободнее вздохнем. Верно?

— Конечно, — сказал Петька, а сам подумал, что ничего интересного здесь теперь не будет.

— Вы не грустите, — говорил Фунтов. — Работы теперь вдвое больше, чем до войны. И вам дело найдется. Вы хлопцы резвые, с головой. Помните, что я вам говорил про незнакомых людей? Следите в оба.

— Да мы и так... — скучающе сказал Петька.

— А зачем они бомбу с собой взяли? — спросил Сенька.

— Они ее взорвут за холмом. Я так посоветовал. Не надо больше здешних людей тревожить.

— Вот как, — разочарованно проговорил Сенька. И в этот момент за холмом Туманным ахнул глухой далекий гром. Лес откликнулся ему слабым эхом.

— Последний взрыв в здешних краях! Вот бы сбылось слово мое, а? — весело говорил Фунтов.

Но ребята уже уходили от него. Недовольны они были и командиром, увезшим бомбу, и непривычно добрым Фунтовым, и пустой выгородкой, а больше всего собой — за то, что упустили они момент добраться до фронта в те дни, когда он находился совсем рядом. Всю дорогу до дому ребята переру-

гивались, обвиняя один другого. Но в конце концов договорились, что на завершение подготовки они дают себе три, от силы — четыре дня, и разошлись по домам, впервые забыв про оставленную в лесу тачку.

21

Колька уже отобедал, но что-то не спешил на работу. Он дождался, когда мать вышла из горницы, и достал из шкафа винтовку, осмотрел ее от мушки до приклада. Петька глядел во все глаза, но близко подойти не решался.

Колька положил в карман коробочку с патронами, закинул винтовку на плечо прикладом кверху и бочком прошел через кухню. Мать и не заметила, что сын отправился на работу с оружием.

Петька догнал брата в загороде.

— Колька, ты опять в старицу, да? — заговорил он, заглядывая в лицо брата. — Возьми меня.

— Во-первых, не говори матери, что я с винтовкой, — очень серьезно ответил Колька. — Во-вторых, сейчас не до забав. А, в-третьих, делай то, что тебе поручено. Мы на тебя с Сенькой надеемся.

— Кто «вы»?

— Позже расскажу.

И Колька двинулся по меже прочь от деревни. А Петьке было обидно, что скрывает брат от него самое главное, а может, и разыгрывает его с этим дежурством в лесу, чтобы отвязаться или навести на ложный след и не пустить туда, где опасно. А сам-то куда пошел да еще с винтовкой и с патронами? В кого собирается стрелять? Не в ворон же...

— Петька-а! — донесся с крыльца голос матери.

Раз зовет, надо идти. Мать взяла его за руку и, как маленького, повела на скотный двор, где заставила сначала таскать солому на подстилку телятам, потом — воду. Мать стала мыть полы в водогрейке. Ведра на ферме тяжелые, колодец глубокий. Устал Петька изрядно, хотя до вечера было еще далеко и надо еще наполнить в водогрейке все котлы...

Мать так и не отпустила в этот день от себя младшего сына. Что-то тревожило ее. И если Петька принимался ныть, она или резко прикрикивала на него, или ласково уговаривала потерпеть. От этого Петька и вовсе приуныл.

Мать нашла ему работу и вечером. Посадила его перед собой и заставила держать моток ниток, которые ей вздумалось смотать в клубок. Казалось, ниткам не будет конца.

Затекли руки — их надо было все время держать полувытянутыми перед собой и следить, чтобы нитки не путались. Это было еще скучней, чем носить солому и воду.

Уже несколько раз доносился с улицы призывный свист. Ясно, что это вызывал его на улицу недоумевавший Сенька. Но мать, видимо, тоже понимала смысл свиста. Она слушала его безучастно, но всякий раз поднимала на Петьку свои печальные глаза. И Петька сникал под ее взглядом.

Он чувствовал, что сегодня на душе у матери особенно тяжело. И уж тут не до споров с ней. Это до войны Петька мог бы самовольно удрать и бегать с Сенькой, сколько захочется. Правда, и тогда случалось, что за ослушивание Петьку крепко ругали и даже шлепали. Но в те времена можно было показать свою горькую обиду, пореветь во весь голос до тех пор, пока мать не подойдет к нему с ласковыми словами и куском сладкого пирога. Теперь же Петька понимал, что все это — блажь, о которой вспоминать-то стыдно. А как вести себя по-другому? Этого он отчетливо еще не представлял. Вот и сейчас сидел он с бесконечным мотком ниток на одеревеневших руках, и изо всех сил старался набраться терпения, и губы сжимал крепче, чтобы не сорвалось с языка капризное слово...

— Иди спать, сынок, — напутствовала его мать после ужина, — да и завтра не убегай. Говорят, какие-то нездешние люди должны прийти — долго ли до беды!

«И она об этом же! — удивленно подумал Петька. — Значит, все верно, дежурить надо». Но у матери про чужаков он ничего спрашивать не стал, послушно отправился в кладовку и лег на удобный постельник, в котором привычно зашуршала солома.

В окошечке было синё — наступала ночь. Петька знал, что скоро окошечко делается почти черным, потому что с каждым июльским днем ночи становились темнее.

Наработался он сегодня до усталости, напереживался за день, а сон к нему не шел. Что-то мешало. Может быть, то, что до сих пор не вернулся со своей «мелкашкой» Колька? Но что о нем беспокоиться! Он большой и сильный, вооружен к тому же, с Фунтовым-старшим и солдатами в дружбе. Ничего с ним не должно стрястись. Или в том причина, что жаль матери? Конечно, поплачет, попереживает она, когда убежит младший сын на фронт... От этой мысли ему стало жутко, Петька чуть ли не предателем почувствовал себя. И уже был недоволен, что первым придумал, и дал клятву, да и Сеньку втянул в это дело. Но теперь на попятную нель-

зя, он не девчонка, он сдержит слово. А с первой же станции, где остановится поезд, он пошлет матери письмо, все объяснит, пообещает, что вернется, как только разыщет отца. И мать должна его понять, ведь он все разузнает об отце, поможет ему на фронте...

Рассудительным и храбрым казался себе в эти минуты Петька. Вот он вернется домой с наградами, и никто не посмеет упрекнуть его. А мать будет усаживать младшего сына за стол, как взрослого, будет гордиться им, рассказывать про него соседкам только хорошее, как сейчас про Кольку.

Петька слышал, как мать все еще ходит по дому, и оттого, что она тоже не спит, ему становилось спокойнее. «И она, и я волнуемся, думаем», — отметил он и почувствовал себя таким же разумным, заботливым человеком, каким считал Кольку и деда.

Он уже дремал, находясь между сном и явью, когда уши резанул далекий, но уже знакомый, противный завывающий гул. Конечно же, это летел вражеский самолет. А говорили, что больше не прилетят... Гул приближался и какой-то момент явственно доносился со стороны выгородки. Он совсем испортил Петьке настроение, разозлил его. Не выбежишь же сейчас в поле и не бросишь в самолет камнем! Но гул начал стихать и постепенно растворился в тишине ночи.

«И зачем в темноте без толку летать?» — подумал, успокаиваясь, Петька, но в этот момент из выгородки долетели звуки выстрелов: два громких и за ними едва слышные щелчки. Дробно простучала автоматная очередь. И все стихло.

Петька сел на постели. Вот уж теперь действительно непонятно, что же делать? Ведь чужаков мог сбросить только что улетевший самолет. И наверняка с ними завязалась в выгородке перестрелка...

Прислушался — обычная ночная тишина. Даже грачи спят. А мать все ходит по дому...

Руки, которыми Петька упирался в край постели, подломились в локтях — он упал на спину, почувствовал щекой прохладу мягкой подушки и сразу заснул.

Когда Петька вышел из кладовки, день уже всюду разгулялся. На улице так припекало солнце, что и в кладовке стало душно. Петька сполоснул лицо.

Дома никого не было. На столе стояла кринка с молоком, рядом — краюшка хлеба. Есть хотелось, но все же Петька отложил большую часть краюшки в запас и сообразил, что сейчас самый удобный момент достать из тайника рыбу, стащить сыр.

Он вышел в сени. Точно: головки сыра в сульнице лежали плотно одна к другой. Если взять самую дальнюю, никто и не хватится ее, может быть, и до конца лета. Петька так и сделал.

Полез на чердак. Тут на глаза ему попался старый портфель, с которым ходил в школу еще Колька. находка была кстати. Петька сложил продукты в портфель, поднял его — тяжел ли — и почувствовал себя человеком при важном и секретном деле.

Он дернул за ручку входную дверь — она звякнула, но не открылась. В щелочку Петька разглядел, что снаружи на ней висит замок.

— Это-то зачем? — вслух удивился он. И только теперь вспомнил о тревожной ночи.

«Что-то произошло нешуточное, — подумал он, — но что? И меня-то в доме зачем заперли? Ведь я же могу выскочить в любое окно, и это всем известно. А замок повесила мать, намекает, чтобы я сидел дома. И это днем-то! Смешно».

Сердясь на всех, Петька подошел к окну, из которого удобно было глядеть в Сенькин заулочок. Сеньки не было. Петька взгромоздился на подоконник и прыгнул вниз. Не удержался — упал на колени (это, наверное, из-за портфеля), ушиб ногу и прихрамывая побежал в загороду, а из нее — к околице, к крайнему сараю, откуда хорошо видны и выгородка, и железнодорожный мост.

Петька не обратил внимания на то, что не встретил ни одного человека. Он разглядывал дорогу и опушку. И что же? Опушка как опушка. Ни одной поломанной елки, все на месте. И рельсы на дороге поблескивали, и мост был целехонек. Но Петькино сердце ныло от тревожного предчувствия, а ноги не стояли на месте. Что-то так и толкало Петьку бежать. Но куда? Домой? Или в выгородку, в землянку? Так ведь он и собрался в землянку, чего же раздумывать-то?

И все же Петька заметался от одного угла сарая к другому. Так и бегал без толку, пока не сообразил, что маячить тут с портфелем ни к чему — портфель никто не должен видеть. Но куда же идти? И где Сенька?

Он присел за крапиву, задумался и впервые понял, что плохо, трудно приходится человеку, когда остается он в серь-

езном и опасном деле один и не знает, где и что делают его друзья.

Петьке и впрямь было плохо. Но он знал, что лучше не будет, если он останется сидеть тут. Никто к нему не придет сюда, ничего не расскажет. Надо было действовать самому. Он вздохнул, поднялся и потащил портфель к землянке.

Ноги ступали вяло, портфель оттягивал руки. Хорошо, что идти-то недалеко. Вот она, заветная чащица, скрывающая землянку! Она все такая же, никто ее не трогал. Или трогал? Что-то уж очень настороженно и хмуро глядят елки. Петьке стало не по себе, и он не сразу отвел в сторону лапки, чтобы шагнуть к землянке. «Трушу,— признался он сам себе,— а еще на фронт собрался! Неужели я никуда не по- жужу?..»

И Петька порывисто устремился к землянке.

«Вот чего я боялся — этой беды! В землянке кто-то побывал. Чужак, больше некому. Кто же еще мог так набезобразить?! Маскировочные лапки отброшены, похоже, ударом сапога. Двери — настезь, и замка на них нет, даже пробой выдран с мясом... Так мог поступить только враг».

Петька замер перед распахнутыми дверями. Спускаться в темный зев землянки было по-настоящему страшно: а вдруг там кто-то притаился и может схватить и придушить его? От такой догадки Петька похолодел, покрылся мурашками. словно ветром выдуло его из чащицы, только пятки сверкали по тропинке к деревне.

Остановился он на середине пути. Никто не гнался за ним. И тишина кругом. И если сидел в землянке парашютист-диверсант, то он, конечно, видел Петьку и теперь со страху тоже удирает куда-нибудь подальше, в глухой угол леса.

— Так чего же я боюсь?— вслух спросил себя Петька. Еще раз пришла мысль, что плохо одному, что Сенька, конечно, отличный и надежный друг, а Петька обижал и ругал его напрасно.

«А если одному придется остаться перед врагами там, на фронте?»— спросил себя Петька, и ему стало стыдно. От такого вояки, как он, мало будет проку на фронте. Но ведь бывал же Петька смелым! И не раз. Это все могут подтвердить.

Он ругал себя, издевался над собой, придумывая насмешки, и упрямо возвращался к землянке, шел все увереннее, спокойнее. Только у лесенки приостановился, чтобы оглядеться все вокруг повнимательнее. И сразу увидел: на земляной ступеньке красовался отпечаток подошвы огромного

сапога или ботинка. Не видывал еще Петька такого следа. В другое время отпечаток показался бы ему даже красивым, как велосипедные узоры на сырых тропках,— так много было в нем аккуратных ямок и пупырышек и такими правильными рядами располагались они, а каблук оставил на глине ровненько вычерченный треугольник и скобу с точками от гвоздиков в два ряда.

Петька недолго рассматривал след. Ни у кого в Острове, даже у Фунтова не было сапог с такими подошвами. Значит, тут побывал диверсант. И поняв это, Петька не испугался, а задумался. Видно, израсходовал он в этот день всю свою трусость. Но и придумать ничего не мог. В голове вертелось одно противное слово: диверсант, диверсант...

Петька пнул дверь ногой. Она глухо ударилась о глиняную стенку — и никакого отзвука или шороха в ответ. Петька спустился в землянку как хозяин. Привыкнув через минуту к сумраку, он разглядел на полу еще следы и какие-то темные пятна. Тронул ближнее пятно пальцами — к ним что-то прилипло. Подошел к дверям, чтобы рассмотреть получше... «Да ведь это кровь! — сообразил он и брезгливо вытер пальцы о траву дочиста. — А чему удивляться? Все правильно. Ночью в выгородке была перестрелка, и кого-то не из наших ранили. Он и укрылся на время в землянке, взломав замок. Может, он и сейчас тут?»

Петька обломал с толстой лапки мелкие веточки и сунул ее в подземный ход. Но там было пусто. Ушел вражина. Значит, ранен был не так уж тяжело. Может, просто нос расквасил, споткнувшись.

Вот теперь-то и пришла настоящая пора наблюдать и ходить в разведку. Петька отполз в соседнюю чащицу шагов за пятьдесят и залег. Он метр за метром ощупывал взглядом лесную траву и поросль. И пожалел, что не прорубили они в кустах просеки, как предлагал Сенька.

Ничего особенного не высмотрел Петька, и это занятие ему надоело. Он еще раз сбежал к землянке, чтобы внимательно рассмотреть и точно запомнить отпечаток подошвы. И снова улегся под елками, почесывая исцарапанные ноги.

Неожиданно он услышал шорох. И сразу притаился, боясь даже дышать, чтобы не выдать себя первым. Скоро он понял, что к землянке из леса идут люди. Раздались совсем близко их голоса, и у Петьки облегченно расслабились плечи. Он узнал по голосам Сеньку и Алеху. Сейчас и увидит их. Точно, они.

Петька не удержался и вылетел из-под елки навстречу ребятам.

— Вот он где!— обрадовался Сенька.— Я тебя все утро ждал да разыскивал.

— Он самого важного не видел. Наблюдатель!— надменно проговорил Алеха, щуря глаза на Петьку.

— Чего важного?— начиная злиться, спросил Петька.

— А как двоих диверсантов увезли.

— Каких?

— Фашистских!— с противными нотками превосходства рассказывал Алеха.— Их же мой батя с твоим братом прямо на солдат, что мост охраняют, ночью выгнали. Перестрелка была. Но двоих субчиков взяли живьем. А, говорят, был и третий. Того ищут. И мы ищем его же. Сейчас от моста выгородку прочесывали.

— Неужели он здесь? Где-нибудь рядом?— поразился Петька. Злость и обида у него сразу прошли. И он принялся поспешно рассказывать:

— А я вон что тут обнаружил... Замок с землянки сбит... Дверь распахнута... А на полу — кровь!

— Он был тут!— приглушенно вскрикнул Алеха.— Мы напали на след!

— Есть и след,— добавил Петька.

Ребята, словно у них были крылья, мигом очутились возле землянки.

— Точненько!— восхищался Алеха.— И на тех двоих сапоги с такими же подметками. Толстенные такие подошвы, литые или печатные. Их всю жизнь не износить.

— Все-то ты знаешь... Литые, печатные...— буркнул Петька.

— Что будем делать?— спросил Сенька.

— Надо срочно сообщить,— как о ясном деле, сказал Алеха.— Побежали к солдатам! Они сейчас у моста и вдоль того берега реки. В засаде, чтобы и последний вражина не убежал.

Алеха махнул рукой, приглашая друзей за собой, и побежал по тропинке в глубь выгородки. Сенька погнался за ним, но отстал, поджидая Петьку. Так они и бежали позади Алехи, который поминутно оглядывался и сигнализировал им, чтобы прибавили скорость. Но Петька быстро бежать не хотел, задерживал Сеньку и все не мог найти слов, чтобы точнее высказать свои сомнения. Наконец проговорил:

— Расскажем про землянку — пропала наша тайна. И мне влетит за двери. Нельзя про землянку...

Сенька сразу перешел на шаг.

— Верно,— согласился он.— Но что же делать-то? Ведь тут враг бродит. Я слышал, что троих диверсантов сегодня ночью с самолета выбросили, чтобы они наш мост взорвали...

— Нельзя про землянку... Никому,— стоял на своем Петька.— Придумаем что-нибудь, а?

— А что?

— Не знаю пока.

— Давай сначала Алеху остановим.

Они крикнули Алехе, и тот обернулся к ним лицом.

— Вы чего!— зашипел он на них.— Как предатели... Шепчутся за спиной...

— Молчи!— озлился Петька.— Иди и скажи, что обнаружил кровь посередине выгородки. А след видел на глине, возле болотинки. Понял? Мы не пойдем, некогда. А ты потом сразу сюда дуй. Но про землянку солдатам ничего не говори. Вот когда мы самого шпиона засечем, тогда и доложим про все. А сейчас и бежать-то не с чем,— вдохновенно фантазировал он.— Засмеют нас солдаты. Скажут, что это те двое, которых в плен взяли, успели понаследить.

— А ведь и в самом деле...— задумчиво сказал Алеха.

— Засмеют и прогонят,— уверенно проговорил Петька,— и больше не подпустят к себе.

— Тогда и я не пойду,— заявил Алеха.— Зачем мне-то позориться. Ты чего-то там нашел, а мне краснеть? Я на такое не согласен.

— Пошли лучше дежурить,— предложил Петька.— Если его от реки шуганут, он опять в эту сторону придет. Некуда ему больше деться. И мы можем его подстеречь.

И все трое повернули обратно.

23

Ребята подошли к землянке, укрылись в елочках и снова заспорили.

— Днем тут сидеть незачем!— настаивал Алеха.

— А когда же?— недоумевал Сенька.

— Он не дурак, не попрется среди бела дня,— резонно рассуждал Алеха.— Он сейчас в таком месте сидит, что его и с собаками не найти. И до полуночи не выйдет.

— Пожалуй, верно,— согласился Петька, хотя быть одного мнения с Алехой ему не хотелось.

— Что же тогда делать?— спросил Сенька.

— Ты только вопросы задаешь, а надо еще и думать. Придем сюда ночью и увидим, тут он или нет,— разъяснил свою мысль Алеха. И Петька опять подумал, что этот задавака Фунт не всегда глупый.

— Всё, ребята, разбегаемся по-тихому, — предложил, как будто приказал Алеха.— А то будем тут маячить — он нас первый увидит и упрячется подальше. Тогда из-за нас все дело может сорваться.

Алеха поднялся и с птичьим свистом двинулся по кустам к железной дороге. Друзья в раздумье глядели ему вслед. Петька выволок из землянки портфель, который теперь был тут совсем не к месту, спрятал его в мелкий густой ельник.

— А как мы ночью сойдемся?— вдруг спросил Сенька.— Ведь темно будет.

— Конечно, темно,— сказал Петька.— А может, лучше без него?

— Нехорошо. Ведь он первый ночное дежурство придумал.

— Дался тебе этот Фунт!— в сердцах проговорил Петька.— Побежали тогда догонять, я уж вижу, что ты с ним без меня...

— Да полно тебе, он неплохой,— перебил его Сенька, и друзья побежали к железной дороге наперерез Алехе.

Они опередили его, потому что даже в такое тревожное время высматривал он птичьи гнездовья, ощупывал какую-то траву, насвистывал и не спешил.

— Ночью дергачи орут. И мы по-дергачиному друг другу будем сигналить. Покричим и сойдемся,— легко нашелся он.— Давайте потренируемся.

Все трое принялись кричать, подражая крику дергача-костеля. Эти неуловимые птицы десятками водились в молодых овсах. И орут рядом, и слышно, как убегают по бороздам, а не увидишь их.

— А кого мы из взрослых найдем ночью, если...— тревожно заговорил Сенька.

— Я батю сразу разбужу,— перебил Алеха.— У него двухстволка картечью заряжена. Если попадет — наповал. Он и сегодняшней ночью из нее по парашютистам палил. Не завидую я им.

— Я Кольку позову, у него «мелкашка»,— сказал Петька.

— А Сеньку пошлем к часовым, что у моста. Или караулить вражину. Вот его и окружат,— радостно подвел итог Алеха.— Пошли по домам. Жрать охота донельзя.

Он вскочил и заскакал вдоль насыпи, нелепо подпрыгивая и взмахивая руками.

Друзья выбрались на поле, отделяющее деревню от выгородки, и увидели, что от моста идет Колька. Сенька сразу побежал к своему дому, а Петька остановился подождать брата.

— У нас как война, да, Колька?— возбужденно заговорил Петька.

— Похоже,— буркнул Колька.— Сейчас война везде дает о себе знать.

— Этот, третий-то, по выгородке бродит,— торопился Петька.— К фронту прорывался, а в тыл подальше уходить не хочет, потому что ранен.

— Кто ранен?— сердито спросил Колька.— Если тебе приснилось, так хоть не треплись. Откуда ты знаешь, что ранен?

— Кровь видел в выгородке.

— Ну и что? Мало ли кто ходил да ногу оцарапал. И с тобой такое случалось. Надо думать, прежде чем болтать. Панику еще не наведи в деревне...

— Да точно! Я и след видел,— с обидой сказал Петька. Он не понимал, то ли Колька притворяется, что не слушает его, то ли знает больше да помалкивает. Но ведь он ничего не знает про землянку. Не пора ли ему рассказать о ней?

— Пошли домой,— хмуро сказал Колька.— И язык держи за зубами, особенно при матери.

И брат спокойно зашагал к деревне, пряча ложе винтовки под мышкой, а ствол прижимая к боку. Со стороны никто бы и не подумал, что идет он с оружием.

Матери дома не было. Братья пообедали, и Колька снова засобирался куда-то.

— Ты к мосту, к солдатам?— не удержался от вопроса Петька.

— Я на работу. Не фантазируй,— отмахнулся от него Колька, снова взявшись за винтовку. Он вынул из нее затвор, долго глядел сквозь ствол, наверное, думал, не пора ли чистить.

— Скажи-ка, в каком месте ты видел кровь и след? Рядом или в разных местах?— почти равнодушно спросил он Петьку, продолжая заниматься винтовкой.

— Рядом.

— А где?

— Да тут, у ближней опушки.

— Не может быть,— с сомнением сказал Колька' и подошел к брату вплотную.

— Ну-ка покажи на плане,— попросил он и начал быстро чертить карандашом на газете.— Вот железная дорога,— приговаривал он.— Это мост. Это река. Вот наша деревня. А это выгородка. Все правильно?

— Да!— сказал Петька с восхищением: ловко начертил Колька карту родных мест!

— Теперь покажи, где след?

— Здесь,— тотчас ткнул пальцем в карту Петька.

— Не может быть,— еще раз сказал Колька.— Он не мог быть здесь...

— Да почему? Мало ли куда вздумалось ему идти.

— Так, так...— задумчиво приговаривал Колька и вдруг приказал.— Рисуй тот отпечаток. След.

Петька схватил карандаш и начал рисовать, стараясь не пропустить ни одного кружочка, ни черточки следа, которые сейчас так и стояли перед его глазами.

— Хватит,— сказал Колька,— все правильно. Но как он мог наследить именно тут? Это задача. Считай, что следы оставили и те двое,— так будет верней.

— А они уже раненые сдались? — спросил Петька.

— Не знаю,— хмуро сказал Колька и опустил глаза.

Петьке показалось, что брат говорит ему неправду, оттого и отворачивается. Но ведь мало ли что может показаться...

Колька походил по избе еще несколько минут, задумчиво морща лоб, и подхватил винтовку.

— Я тебя запру. И не выпрыгивай в окно, как утром,— посуровевшим незнакомым голосом проговорил он.— Опасно.

Колька строго поглядел на младшего брата, но Петьке почудилось, что странно изменившиеся глаза Кольки глядят не на него, куда-то мимо. Ему стало не по себе.

В пору реветь было Петьке от страха и обиды, когда Колька вышел и звякнул на крыльце ключами. По дому Петька ходил на цыпочках, прислушиваясь ко всякому шороху. В окно глядел только из-за косяка. Удалось заметить, что брат снова направился к солдатам, хотя и вышел сначала на задворки.

Петька подумал, что солдаты будут наступать по выгородке от реки и дойдут до опушки. А диверсант будет отступать, но деться ему с опушки некуда, и он может забежать в деревню, примется по задворкам и сараям шарашиться! Много бед может он тут натворить. Ему ведь ничего не стоит и красного петуха пустить, а в такую жару да без мужиков деревню от огня не отстоять.

Но вместо страшного диверсанта Петька увидел Сеньку,

который деловито вышел на крыльцо, пригляделся; он оттачивал нож. Петька пошел в сени, отыскал там свой припрятанный кинжальчик и тоже решил подправить у него лезвие. Работа успокаивала его. Да и хорош был кинжальчик: глянешь — душа радуется.

Петька вздрогнул, когда на крыльце раздались шаги сразу нескольких человек. Он спрятал кинжал и подскочил к кухонному окну. Отсюда было хорошо видно, что на крыльце стоит Колька и показывает рукой на ближнюю опушку выгородки, а рядом с ним трое в военной форме и с длинными винтовками. Петька обрадовался: если рядом вооруженные солдаты и брат, то чего ж бояться одинокого раненого врага — они его живо...

Он услышал, как снимают с пробоя замок, и широко распахнул двери в горницу, словно приглашая в нее гостей.

И вот трое военных сидят за столом и пьют молоко с хлебом. Петьке приятно, что, входя, все трое поздоровались с ним, рука и сейчас чувствует крепкие солдатские пожатия. Один из них, конечно, командир, потому что на погонах у него золотятся три полоски. Петька уже знал, что в армии такие полоски называют лычками. «Сержант,— подумал с уважением,— а еще совсем молодой!».

С Колькой солдаты разговаривали как с давнишним другом, хвалили его «мелкашку», дом, благодарили за молоко.

— Пора,— озабоченно сказал сержант. И все трое поднялись.

— Это не ты ли следы нашел?— спросил он Петьку, хлопнув его по плечу.

— Я. А бомбу — вместе с Сенькой,— ответил Петька и почувствовал, как запылали его щеки.

— Добрые разведчики из вас выйдут. Растите скорее,— проговорил сержант с улыбкой, но быстренько отошел и словно бы забыл про Петьку.

Скоро Колька увел военных. Петька не удержался, вылез из дому и стал украдкой следить, куда они направляются: гумно, околица... Близо подползать он боялся.

Зато к вечеру он точно знал, где остались на ночь солдаты. Они залегли близ деревни в «секретах». Наверное, для того, чтобы не пропустить диверсанта, если тому вздумается подобраться к сараям.

В сумерках перед самым ужином Петька встретился с Сенькой, и они договорились идти в лес вместе после того, как все уснут и пройдет примерно час ночного времени. Условились: Сенька укроется за сараями на гумнах Петькиной избы, время от времени будет трижды кричать по-дергачиному и ждать, если у Петьки не все сразу получится удачно.

Вечер был вроде спокойный. Мать попыталась выпросить у Кольки, что же творится рядом с деревней, но он был невозмутим и даже немножко весел.

— Поймали каких-то двоих без документов,— рассказывал он. И уверял:— И хорошо сделали, что поймали. Без них спокойнее.

— А солдаты-то почто пришли?— волновалась мать.

— Да молока давно не пробовали, так я их угостил.

Мать глядела недоверчиво, но особенно не волновалась. Ей, наверное, очень хотелось верить сыну. Да и районная газета сообщала, что фронт отодвинулся далеко на запад и что теперь надо работать еще лучше, чтобы обеспечить фронтовиков всем необходимым для скорой и полной победы.

— Пойду к солдатам, потолкую малость, а ты спи. Беспокоиться теперь не о чем,— сказал матери Колька. И уже с порога добавил:— Да Петьку возьми в свою комнату, чтобы обоим веселее было.

Колька притворно зевнул и вышел в сени. Мать ему уже давно все разрешала и ни в чем не перечила. Петька шмыгнул за ним, разглядел, как старший брат бесшумно шагнул в кладовку. Заинтересованный, Петька проскользнул туда же и увидел, что Колька взял из угла винтовку, которая была прикрыта старой одеждой.

— Ты винтовки у меня не видел,— строго шепнул Петьке брат. И тут же словно растворился в темноте.

Петька взгромоздился на сундук, накрылся одеялом и притворился спящим, чтобы мать, не дай бог, и в самом деле не уложила его в одной комнате с собой.

Скоро он услышал, что к нему идет мать. Вот она открыла дверь, шепнула:

— Спишь, Петруша?

Надо молчать и дышать глубоко, медленно, ровно. А мать тронула его руку, плечо, приложила ладонь ко лбу. Но не выдал себя Петька.

— Убегался,— сказала мать и ушла к себе. В доме все стихло.

...Сенькин крик оказался удивительно похожим на птичий, только тем и отличался он от дергачиного, что прозвучал

три раза подряд, а дергач обычно кричит дважды с большой паузой. Петька зашевелился. Достал из-под подушки кинжал, неслышно вышел в сени. В доме ни звука. Видимо, мать крепко заснула после вчерашней тревожной ночи.

Вот и загорода позади. И Сенька выглядывает из-за сарая.

К выгородке они пробирались не напрямиком, а дали большой крюк по полю, на четвереньках ползли по межам. Иначе было нельзя: пойдешь прямо — наткнешься на солдат, да и Колька, наверное, там же: остановят и отправят с руганью домой.

Скоро начались заросли кустарника, и ребята пошли в полный рост. Свернули к железной дороге, нашли у откоса удобное для наблюдения место и залегли.

Роса сразу смочила их рубашки и штаны. Друзья ежились, но терпели. С этого места удобно было наблюдать за полотном дороги, по которому должен подойти Алеха, и можно было за несколько минут добежать до землянки.

Ребята затихли, оглядывая все вокруг. Ночь им нравилась, как по заказу выдалась она. Иссиня-черное небо было усыпано звездами. Высоко в южной стороне вырисовывался узкий серпик луны, который вроде и не светил, а удивленно разглядывал землю. Свет звезд и луны, казалось, не достигал земли, а терял силу, растворяясь где-то в вышине, оттого внизу, особенно в кустах — сплошная темень. Воздух недвижим. Зато слышно по росе все, любой шорох, и далеко слышно.

Неумелый дергачиный крик, похожий на покашливание, неожиданно донесся не с железной дороги. Значит, Алеха шел не по шпалам, скрывался. Друзья покрякали ему в ответ, и он отозвался, но уже далеко впереди, почти с опушки. Ребята торопливо пошли за ним.

Они сошлись на краю выгородки в кустах вереса и обрадовались друг другу. От росы их знобило, и оттого хотелось двигаться, что-то делать.

— Встанем по номерам, — распорядился Алеха, словно они охотились с флажками на волка. — Я сяду под елки у землянки, Сенька — в десяти шагах от подземного хода между кочками, Петька — ближе к опушке и к деревне, чтобы в случае чего скорее добежать до брата. А мне за батею бежать не придется: он уехал за дрезиной и вряд ли явится к утру.

Возражать Алехе друзья не стали — хотелось побыстрее приступить к делу. Они раздвинули колючий верес, чтобы

разойтись, и в этот момент со стороны реки один за другим бухнули два винтовочных выстрела. Что-то пропищало высоко над головами ребят. От моста донеслись приглушенный шум и едва различимые голоса. Еще раз ударил выстрел. И все стихло.

— Это пули над нами пролетели — в диверсанта наши стреляли. Значит, он сюда от них бежит. Минут через десять будет, если не раньше, — взволнованно зашептал Алеха. — По железной дороге или по полю он не пойдет, побоится. Он сейчас на землянку держит курс, она для него — веха. Но в землянку он не полезет второй раз, так что план у нас неправильный.

— А как же быть? — недоуменно спросил Сенька.

Алеха был в пиджаке, за пазухой он что-то придерживал. Но расспрашивать, что он там прячет, было некогда: необходимо срочно придумать новый план.

— Обсудим все спокойно, — заговорил Алеха. — Теперь ясно, что днем он отлеживался в выгородке. Может и снова пойти к своей берлоге. Но где она? Ведь и мы с Сенькой, и солдаты утром все оглядели, ощупали, прочесали...

— А зачем ему в землянку потребовалось лезть? Ведь понимал, что наследит, — недоумевал Петька.

— Мало ли зачем. Может, ему жрать было нечего. Он, видно, сразу понял, что землянка не военная и пустая, он, может, ее за погреб с провизией принял — вот и полез. Или от жары, от росы укрывался, или со страху начудил, — высказывал свои предположения Сенька.

— Возможно, — согласился Алеха. — Но нет ли тут еще какого местечка, куда мы не заглядывали?

— Разве что конское кладбище. Но туда же никто не ходит: зараза там, — сказал Петька и сплюнул, — оттого оно и рвом обнесено.

— Где оно? — чуть не вскрикнул Алеха.

— Да метров двести отсюда, если напрямую, за полем, в мелких кустиках. Но туда же и враг не пойдет, — ответил Петька.

— Туда-то он и пойдет. Там и был. Жаль, что раньше мы не сообразили, — с уверенностью сказал Алеха. — Но теперь ему — капут... Откуда лучше наблюдать?

— Да с опушки же! — шепнул Петька.

— Тогда пошли! Заляжем шагах в десяти один от другого. Переговариваться по-дергачиному, — принялся распоряжаться Алеха. И Петька впервые не обиделся на то, что им командует Фунт.

Сенька уже было пошел выбирать место, как вдруг не-вдали от них раздался треск. Было похоже, что хрустнула ветка или под сапогом, или в человеческих руках. Сенька отпрянул к друзьям, и они бесшумно легли.

Вот он, решающий момент. Ребята напряженно вглядывались в темноту, но ничего подозрительного не замечали. И все же они были уверены, что рядом кто-то есть — не трещат же ветки сами собой да еще в безветрие.

Думалось, что пролетело уже немало минут. Вон и серпик луны заметно передвинулся над выгородкой, ушел вправо, к мосту и светил оттуда вроде бы сильнее. Друзья уже подумывали сделать перебежку к опушке, как шагах в десяти от них качнулся и сразу выпрямился куст, но не замер: мелкие веточки еще подрагивали — за ним кто-то был. У Петьки побежали мурашки по спине, но он не испугался. Автомат бы ему сейчас! Дать бы по этому кусту очередь — и делу конец. Но автомата и даже «мелкашки» у него не было, и он крепче сжал рукоятку кинжала.

Еще пролетели минуты. Ребята закалились от неподвижности: боялись дышать, не то что пошевелиться — как неживые лежали. Все трое были уверены, что в кустах может быть только диверсант. И он тоже смотрит и слушает, он еще больше насторожен, ведь ему надо удрать и не дать себя обнаружить. Но куда он пойдет?

Неожиданно с того места, где недавно стояла зенитная батарея, донесся хлопок выстрела.

«От моста наши идут за ним и попугивают, — подумал Петька, — как зверя, в ловушку загоняют».

И тут друзья увидели, как из кустов выползло что-то темное и бесформенное. Петька приподнял голову: прямо перед ним поднимался толстый сгорбленный человек. Голова у него втянута была в плечи, перед грудью торчало короткое дуло автомата, отразившее на мгновение свет луны. Человек медленно огляделся и тяжело побежал к опушке, как раз к тому месту, где намеревались залечь ребята.

Сейчас Петьке никто не отдавал команд. Он сам вскочил и, словно ящерица, заюлил вслед за чужаком между кочками и елочками. Позади он слышал только дыхание друзей, впереди — тяжелые редкие шаги.

Вот и опушка. И поле за ней. Грузный человек снова отчетливо был виден. Да, Алеха не ошибся: враг уходил прямо к конскому кладбищу.

Ребята сгрудились под широким кустом. Опять им предстояло менять свой план. Бежать за диверсантом по полю?

А вдруг он оглянется? Даже обязательно оглянется, увидит ребят и резанет по ним очередью. Тут кинжальчики не помогут.

— Беги к брату,— приказал Алеха Петьке.— Скажи, что надо срочно оцепить кладбище. А мы будем следить за диверсантом от железной дороги. Сигнал тот же.

Петька не возражал. Бежалось легко, хотя мокрые штанины и мешали. Уже на бегу он закричал по-дергачиному, замахал руками, чтобы не приняли его за диверсанта. И вдруг жесткие руки брата, появившегося неведь откуда, сграбастали его. Петька и испугаться не успел — сразу узнал Кольку.

— Фашист... с автоматом... на конское кладбище побегал!— задыхаясь, прерывисто проговорил Петька.

— Сам видел?— глухо вскрикнул Колька и даже крепенько встряхнул брата, вцепившись ему в плечи.

— И сам... И Сенька, и Алеха Фунтов... Они там... его выслеживают дальше...

— Ну, огольцы!

Колька даже нехорошим словом ругнулся в сердцах и тут же коротко по-птичьи свистнул. К нему, припадая к земле, подбежали трое военных. Винтовки у них были наперевес, и длинные тонкие штыки таяли в темноте.

В считанные секунды объяснил им Колька обстановку. И солдаты бесшумно побежали по полю.

— А ты... Чтобы духу твоего здесь не было!—сквозь зубы процедил Колька, не скрывая зла.— Немедленно домой! Да на деда не нарвись, он у крайнего сарая с берданкой сидит.

Колька толкнул брата к деревне и побежал догонять солдат. И едва он отбежал метров на пятьдесят, как Петька рванулся обратно к опушке. Бежал еще быстрее. В вересовых кустах присел, отдышался чуточку, закричал.

Ему отозвались сразу два разноголосых дергача, и оба с одного места, из кустиков, что росли между железной дорогой и конским кладбищем.

Делая крюк к дороге, чтобы не оказаться на открытом месте, Петька помчался на зов друзей. И нашел их сразу.

— Он в ров прыгнул и больше не показывался,— шепнул ему Сенька.

— Надо подползать ближе,— предложил осмелевший еще больше Петька.— Его же сейчас окружать и брать будут. Надо же поглядеть...

Они поползли и оказались на углу заросшего кустарником пологого земляного вала. Отсюда просматривались сразу две

половины рва — прямо и направо. Кладбище занимало квадратную площадку. И сейчас к противоположной его стороне должны были подойти Колька и солдаты.

— А дальше он не ушел? — шепнул Петька.

— Нет, увидели бы. С нашей позиции только деревня была закрыта кустарником. Но ведь в деревню-то он не полезет, — отозвался Алеха. — Там же засада. Да он вообще любого человека сейчас боится. Он тут!

И вдруг рядом с ними по рву, низко пригнувшись, быстро прошел сержант. Петька узнал его по лычкам на погонах.

— Окружили, — тихо сообщил Петька друзьям. — Теперь ему некуда податься. А нам надо за сержантом...

Друзья поползли вдоль вала один за другим, изредка заглядывая в ров. Вот они уже у той стороны кладбища, что граничит с полем. Шагах в десяти от них высился холмик из дерновины и выкорчеванных с поля кустов. Ходил слух, что в холмике лисья нора, и не пустая. Однако сейчас было не до лисы. Главное — наблюдение! Но как назло никого не было видно, пропал даже сержант. Петька просигналил друзьям, чтобы они оставались на месте, и продвинулся метров на пять вперед.

Тут-то он чуть не помер от страха, потому что на его голую ногу легла чья-то жесткая горячая ладонь. Нога была сжата до острой боли. Если это враг, он сейчас навалится на Петьку всей своей тушей и придавит. Петька дернулся что было сил. Но только нос ушиб о землю да ноге стало еще больнее, чуть не вывихнул.

— Сейчас же домой! Ползком! Иначе пристрелю! — услышал он яростный шепот и увидел, как близко к переносице пододвигается дуло нагана с черной дырочкой посередине. Но за наганом была рука с красноармейской пуговицей на обшлаге рукава, и еще чуть дальше едва различимо светились лычки.

«Сержант!» — обрадовался Петька. У него сразу же отлегло от сердца, но было ясно, что военные в таких случаях не шутят. «Все, — тоскуя, подумал он. — Надо уходить, а то свяжут и рот заткнут кляпом. А потом уж достанется...»

Он послушно и быстро пополз к деревне, сдерживая дрожь и всхлипывая. И друзья куда-то подевались. Храбрецы...

Но друзья были рядом.

— Это ты, Петька? — услышал он из борозды шепот и узнал Сеньку.

— Я, — чуть не вслух сказал озлившийся Петька и скатился к ребятам в борозду.

— Кто на тебя напал-то? — зашептал Алеха. — Не диверсант? — И тут же начал оправдываться: — Не видно же ничего! Мы подумали, раз ты не кричишь, значит, Колька тебя сцапал и домой тащит. Вот и решили забежать вперед, остановить его, уговорить, чтобы позволил нам остаться...

— Струсили! Так и скажите, — раздраженно шипел в ответ Петька. — А меня сержант чуть не расстрелял...

— Нет уж, домой мы не пойдём, — захорохорился Алеха. — Сколько дежурили! Диверсанта выследили. А пришел самый интересный момент — и в отставку? Нет, не выйдет!

— Пошли в землянку. Там хоть сухо, — предложил Сенька. — Нас теперь все равно близко не подпустят. Так хоть не в грязи будем валяться.

— Пошли, — согласился Петька.

К опушке приближались короткими перебежками. Остановились перевести дух уже за елками. Обмыли росой испачканные глиной руки. К землянке не спешили: хотелось узнать хотя бы что-нибудь.

Длинная автоматная очередь и отчаянный крик Кольки заставили их вздрогнуть. Стреляли возле кладбища. И делал это, конечно же, диверсант, потому что только у него был автомат. Но отчего так закричал Колька?

— У-у, гад! — ругнулся сквозь зубы Петька, снова представляя себе грузную сгорбленную фигуру врага с коротким дулом у живота.

На кладбище поднялась винтовочная пальба. Пули цокали по елкам далеко левее того места, где притихли ребята. Щелчков «мелкашки» слышно не было. Зато гулко стукнули два выстрела в середине выгородки. Хлопнул звонкий выстрел у крайнего сарая.

«Это солдаты и дед. Для острастки. Обложен вражина со всех сторон», — подумал Петька.

— Автомат молчит. По-моему, диверсанта уже взяли, — шепнул Алеха.

— А это кто? — чуть не вскрикнул Сенька, протягивая вперед руку и торопя друзей взглянуть туда.

По полю мимо них неуклюже, но быстро двигалась та же черная фигура.

— Он! За железную дорогу хочет улизнуть, — тревожно прошептал Алеха, пошарив за пазухой, но так ничего и не достав оттуда. — Надо брать след. По росе он виден.

Но тут с железной дороги донеслось позванивание моторной дрезины, и узкий луч фары прошелся по полю, задев ноги диверсанта.

Диверсант подпрыгнул, словно его ужалили в пятки, и повернул к опушке, прямо на ребят. Опять забухали выстрелы в выгородке, у конского кладбища. Коротко и звучно протатакал пулемет с дрезины.

— К землянке! — чуть не завопил Алеха. Да и было чего испугаться. Пули свистели рядом.

«И диверсант туда же зайвится. Теперь ему не за что зацепиться, кроме как за землянку. Дорогу к ней он знает. Для него она все же укрепление. Будет отстреливаться и отбиваться гранатами через дверь, а потом выберет удобный момент и удерет через подземный ход...» — лихорадочно пронесли в Петькиной голове догадки, когда он сорвался с места вслед за друзьями.

В темную пасть землянки они не полезли. Петька настоял на том, чтобы затаиться под елками и продолжать наблюдение. Сенька тотчас залег шагах в пяти от друга под елку.

— А я спущусь. Знобит меня сильно, — сказал, стуча зубами, Алеха.

«Трусит, — без злорадства отметил Петька. — Ну и пусть отдыхает. Вдвоем с Сенькой надежнее».

Тяжелые шаги и шумное дыхание раздалось совсем рядом с Петькой. В то же мгновение лучик света упал в черный зев дверей, и тотчас бабахнул глухой выстрел.

— А-а! — раздался из землянки болезненный крик Алехи.

— Майн готт! — приглушенно рявкнул незнакомый хриплый голос. Что-то грузное с шумом и лязгом упало на ступеньки.

Зажмурившись, Петька бросился сквозь елки туда, где только что произошла короткая схватка.

Первое, что он увидел, была огромная растопыренная пятерня, которая судорожно сжималась и похлопывала по земле, словно старалась нащупать что-то потерянное, а рядом с ней тускло поблескивал плоский автомат. Петька сграбастал его и швырнул через елки.

Но в этот же момент он получил звенящий удар в лоб. На мгновение он перестал соображать. Но тотчас понял, что его отбросило и он застрял в еловых лапках. А рядом шла возня, и в землянке кто-то выл тонким голосом.

И вдруг раздался грубый Колькин окрик:

— Хенде хох! Руки, гад!

Было слышно, как Колька спрыгнул с крыши землянки к дверям, а через мгновение раздавалось только шумное дыхание.

Превозмогая боль, Петька подался вперед, голова его выставлялась из елок.

На лесенке копошился Колька: склонившись над поверженным врагом, он закручивал ему за спину руки.

Петьке показалось, что к землянке со всех сторон бежит множество людей.

— Сюда! — крикнул Колька. — Живьем взяли.

Петька обрадованно приподнялся, выпрямил ноги. Но голова еще гудела, пришлось уцепиться рукой за ветки. И тут он увидел у своих ног Сеньку, который, сжавшись в комочек, зачем-то придерживал одну руку другой и тихо стонал.

Колька рывком поднял на ноги связанного врага. Тот качнулся, упал на колени. Лицо его было залито чем-то черным, не поймешь, грязью или кровью. А перед ним с винтовками наперевес уже стояли военные.

— Поведем к мосту. Сейчас же, — негромко сказал сержант. Он подошел к пленному вплотную и начал обыск.

— Так, так, — приговаривал он, вытаскивая из карманов диверсанта гранаты и укладывая их на траву. Он выдернул из ножен и широкий кинжал врага. Подумал, отцепил и ножны, сказал:

— И это пригодится.

Диверсанта толкнули в спину. Он поднялся с колен и, прихрамывая, сделал несколько шагов вперед. Петька успел разглядеть, что со лба его стекала кровь. Солдаты окружили пленного и повели его в глубь выгородки.

— Все ли целы? — тревожно спросил Колька, разыскивая глазами ребят.

— Вылезайте, героям уши не дерут! — на всякий случай весело крикнул он и приподнял лапку ближней елки. Он тут же нагнулся и поднял с земли продолговатый предмет, из которого вдруг вырвался сноп ослепительных лучей.

— Фонарик! Электрический, — проговорил Колька, не скрывая радости. — Вот и трофей!

Петька кашлянул и шагнул к брату, зажмурившись от света.

— У тебя тоже фонарь, — неодобрительно сказал Колька. — Во весь лоб сияет. Считай, что повезло тебе. Он бы из тебя мог и дух выбить. А с другими-то ничего не стряслось?

— Пойдем к Сеньке, он чего-то лежит, — заторопился Петька. Но Сенька сам подошел к ним, сказал тихо, морщась от боли:

— Мне руку... Кажется, насквозь...

Колька порывисто шагнул к нему, засучил рукав, оглядел рану. Тут и Петька понял, что друг пострадал больше него. Из раны по руке бежала кровь. Колька, опустившись на колени, разорвал с треском какой-то сверток, достал бинт, ловко скрутил из него жгут и туго затянул его на Сенькиной руке выше локтя.

Рука у Сеньки потемнела, но кровь остановилась.

— Больновато, но терпи,— приговаривал Колька,— заживет, кость цела — это главное,— а сам умело бинтовал рану. Сенька шипел сквозь стиснутые зубы, как гусь, но не кричал.

— Как тебя угораздило-то?— спросил Колька.— Диверсант саданул?

— Да нет вроде...— слабым голосом ответил Сенька.— Кажется, сам напоролся в темноте. Но все же я его пару раз стукнул.

— Чем?

— А комком глины. По лицу. Иначе бы он Петьку сцапал. Я видел, как он на него вызверился...

— А ты чего очертя голову сунулся?— строго спросил Колька брата.— С голыми-то руками на такого...

— Бежать, что ли, от него?— обиделся Петька.— Кто-то ведь стрелял в него. Он упал. Я с кинжалом к нему! Только не успел и дотронуться до него. А его автомат я забросил.

— Куда?— моментально спросил Колька.

— Вон туда за елки. Он к нему уж тянулся. С автоматом он бы нас разогнал, — возбужденно высказывался Петька.

Колька бросился за елки, включил фонарик. Ребята тоже выбрались из чащицы и увидели в траве поблескивающий от росы черный вражеский автомат. Колька присел над ним, но в руки взял не сразу. Наверное, и он видел такое оружие впервые и не знал, как с ним обращаться.

Он отдал фонарик Петьке и велел светить. Осторожно взял автомат, держа его стволом к земле. Оглядел затвор и отвел его назад. Затвор вырвался из Колькиных рук и щелкнул. Колька нажал на спусковой крючок. Петька вздрогнул и чуть не выронил фонарик — так резанула слух очередь. От земли, куда ушли пули, заструился синий дымок. Колька пошарил рукой и не сразу, но все же отсоединил от автомата магазин, сунул его в карман. Еще раз нажал на спусковой крючок — и тут же треснул одиночный выстрел.

— Порядок,— сказал Колька и забросил автомат за плечо. Он взял у Петьки фонарик и начал светить вокруг зем-

лянки, разглядывая траву и елки. Но больше ничего не нашел.

Он шагнул к лесенке, осветил то место, где несколько минут назад шла борьба, и поднял со ступеньки Петькин кинжал.

— Чья самоделка?— спросил он.

— Моя,— не сразу признался Петька. Колька провел пальцем по клинку — на пальце осталась кровь.

— Вот эта игрушка Сенькину руку проткнула,— сердито сказал он.— Диверсант своего ножа не вынимал. Вперед вам наука — глядеть надо...

Ребята растерянно молчали. Петька почувствовал себя крепко виноватым перед другом. «Прав Колька,— думал он.— Я сунулся к этому с ножом, полетел от него, а Сенька прыгнул ко мне. И напоролся. Нехорошо как вышло...»

— А кто из вас стрелял-то?— строго спросил Колька.— Из чего?

— А разве не ты?— спросил Петька.

— Я не стрелял. Да и звук у «мелкашки» не тот.

— Неужто Алеха?— изумился Петька.— А где он?

— Вот именно, «где»?— передразнил его Колька, снова раздражаясь. Он еще раз обвел фонариком полянку, осветил на дверь и быстро нырнул в землянку.

У Петьки стало совсем скверно на душе: ну как они могли забыть про Алеху, который, может, ранен, а то и убит. Ведь он зашел в землянку, а после выстрела в ней кто-то скулил. И диверсант туда метил...

Друзья придвинулись к дверям, стали глядеть внутрь землянки. Сначала они различили только очертания Колькиной фигуры, затем — кровь на полу и еще через мгновение — распластавшегося тут же Алеху. Лицо его уткнулось в землю и под ним чернела лужица крови.

— Свети!— тихо приказал Колька брату, вновь отдавая ему фонарик. И Петька дрожащими руками направил луч на Алеху.

Колька ощупал ладонями Алехину грудь, убедился, что сердце бьется. Потом приподнял Алеху и усадил его спиной к стене. Тот застонал. Все лицо его было залито кровью, она стекала и с кисти правой руки. Колька снова схватился за бинт.

— Пустяки, ссадины,— определил он.— Но и ожог на руке. Отчего бы?

— Беги намочи в росе,— приказал он Петьке, подавая ему комок смятого бинта.

Петька обернулся мигом. Колька смыл с Алехиного лица кровь. Но она все еще сочилась из трех ранок на лбу и щеках.

— Глаза целы,— рассуждал Колька.— Но как же его уго-раздило? Чем?

Он выпрямился, стукнулся головой о потолок. И тут же присел, поднимая с пола поджигалку с разорванным стволом.

— Все ясно,— сказал он.

Он швырнул поджигалку в угол, взял Алеху за подбородок и слегка потряс ему голову. Алеха вздохнул, открыл глаза, дернулся.

— Свои,— успокаивающе проговорил Колька.— Сиди тихо. Где болит, кроме руки и лица?

— Нигде не болит, жжет только,— пискливо ответил Алеха.

— Можешь считать, что в диверсанта ты попал,— подбодрил его Колька.— У него тоже ссадины на лбу. Ведь ты в него стрелял из поджигалки?

— Я,— почти беззвучно сказал Алеха.

— Но в себя ты больше попал, чем в него,— необходимо проговорил Колька.— Да ладно уж, победителей не судят.

— А где он-то?— с тревогой спросил Алеха, пытаясь встать.

— Он уже сдан туда, куда следует,— ответил Колька и спросил:— Идти-то можешь?

Алеха не ответил. Он, цепляясь здоровой рукой за стенку, норовил подняться, но у него не получалось. Колька подхватил его под мышки, поставил на ноги.

— Голова кружится,— сказал Алеха, покачнулся и бес-сильно сел на земляную лавку.

— Посиди минуточку,— сказал Колька и вышел наверх. Он оглядел звездное небо, остановил взгляд на серпике луны, повернулся лицом к востоку. Небо было по-прежнему чер-ным и лишь возле звезд отливало синевой.

— Сенька, дойдешь до дому один?— спросил он.

— Дойду.

— Ну и ступай, а то замерзнешь. Ты крови немало по-терял. Если есть в доме йод— залей им рану сквозь бинт, не разматывая его. А в деревне шуму не поднимай, молчи себе. Перевязки буду делать я.

— А вы?— спросил Сенька.

— Мы потащим Алеху. Ему надо дома отлеживаться. Отец его уже вернулся на дрезине.

— Возьмите тогда тачку, она тут, в кустах,— сказал Сенька.

Колька оглядел выкаченную Петькой тачку, размотал веревку и положил на доски охапку хвороста. Сенька все еще не уходил: наблюдал. Алеха начал бредить. Руки его безжизненно свесились с тачки. Колька привязал его и легко поднял поручни тачки. Он еще раз взгляделся в лицо Алехи и быстро покатил тачку по давно известным ему тропинкам. Петька шел рядом, забегал вперед, освещал ухабы и кочки...

Колька довез Алеху до самого крыльца и на руках внес в дом.

Петька ждал брата на улице. И немало пришлось ждать. Видимо, Колька все обстоятельно рассказывал Фунтову-старшему.

На обратном пути тачку катил Петька. Голова у него уже не болела, только шишку на лбу пощипывало. Скоро к братьям вернулось возбужденное состояние, вызванное преследованием диверсанта и схваткой с ним.

— Здорово у нас получилось!— рассуждал Петька.— Такого громилу сцапали!

— Еще бы минута, и он бы вас, как котят, передушил,— холодно сказал Колька.

— Ну, да! Алеха его, наверное, сильно ранил. А мы бы его подмяли,— не унимался Петька.

— «Подмяли бы»!— насмешливо повторил Колька.— Да вы же оба с Сенькой в одну минуту вышли из строя. Алеха сам себя чуть не застрелил. Если бы не я, то не знаю, что бы от вас и осталось...

— А солдаты-то с сержантом почему отстали?

— Они взрывчатку нашли во рву, замешкались малость...

— А ты чего закричал после той очереди из автомата?

— Закричишь, если из лисьей норы в упор палят. Кепку с меня пулями сбило.

Петька только сейчас увидел, что брат простоволосый.

— Ух ты! На волосок, значит...

— Вот именно... Как и у вас... Но и он перепугался. Дал такого стрекача из норы! Его там можно было уложить сразу, но был приказ брать живого....

— А мы-то хотели только выследить его, как ты с Фунтовым велел, а потом уж бежать к вам и рассказать,— оправдывался Петька.— Это Алеха уговор нарушил. Мы и не знали, что у него поджигалка. Не договаривались первыми на него нападать. А ты-то как подоспел?

— За ним шел. Да и ваше расположение знал все время.

Только дурак не догадался бы, что это не дергачи орут, а вы, трое сыщиков,— с усмешкой сказал Колька.— Я давно понял, что вы в герои выйти задумали. А пришлось вас выручать.

— А как ты его скрутил? Ты в него стрелял или нет?

— Нет. Он сам сдался.

— И ты совсем не поранился?

— Нисколечко.

— Здорово!— восхитился Петька.

— Все будет здорово, если мать ничего не узнает,— строже проговорил Колька.— Если она сейчас проснется, скажем, что выходили узнать у солдат, что за стрельба в выгородке. Вышли и сразу вернулись. Ясно? В таком случае и я забуду, что за двери у вашей землянки.

— Ладно,— упавшим голосом ответил Петька. Он умолк и, оставив тачку на задворках, долго смачивал росой вспухший лоб. Колька поджидал его, курил.

26

Петька проспал: сказались две бессонные ночи. Он вышел из кладовки, глянул на себя в зеркало и расстроился: посередине лба чернел огромный синяк. И сразу заболела голова. Хорошо, что матери нет.

Он позавтракал и побежал к Сеньке, надвинув на лоб ненавистную белую панамку.

Сенька ходил по избе из угла в угол и напрасно старался спрятать бинты под рукавом рубашки. Когда он опускал руку, она сильно болела. Но боль становилась почти неслышной, если он поднимал руку над головой. Но тогда видны были бинты с просочившейся кровью.

— Сильно?— сочувственно спросил Петька.

— Терпеть можно. Да ведь и пройти должно скоро,— сказал Сенька. Лицо его было непривычно бледным, даже веснушки погасли.

— А здорово мы его!— восторженно прошептал Петька.

— Ага,— ответил Сенька почти равнодушно.

— Матушка у меня пока ничего не подозревает,— радостно делился Петька.— А то было бы шуму. Но синяк здоров! А как твоя бабка? Молчит?

— Ага,— снова сказал Сенька и спросил.— А где тачка?

— У нас в заулке. Хоть сейчас могу прикатить.

Сенька помолчал.

— А как Алеха?— спросил он.

— Не знаю. Ничего, наверное. Под конец он пришел в себя, идти пытался.

— Он молодец, смелый,— проговорил Сенька.

— Он чуть не подвел нас! Ведь мы не уговаривались нападать на диверсанта. Это ты молодец, что спас меня,— взволнованно возразил Петька.

— Ну и что,— проговорил Сенька. И непонятно было, то ли он сказал это о себе, то ли об Алехе.

— Дело сделано,—продолжал он, вздохнув.—Теперь надо думать, как быть дальше. С такой рукой ни на фронт, ни по дрова.

— Я помогу! Вместе за дровами будем ездить. Я — работать, а ты—на прогулку как больной,—уверял друга Петька, стараясь его взбодрить, но Сенька оставался тихим и грустным.

— Надо бы к Алехе сходить, навестить его,— сказал он.

— И сходим!

Сенька прошелся из угла в угол, покачивая больной рукой.

— И заснуть не дала,— сказал он, кивнув на руку.

— Заживет. Ты отдыхай. Я один к Фунту летаю.

— Надо бы...

В эту минуту в окно постучали, и с улицы донесся женский голос:

— После обеда собрание. Приходить обязательно всем!

Ребята отнеслись к такой новости с полным безразличием. Колхозные собрания в деревне устраивались частенько, но они мало занимали друзей. Их внимание привлекли топот лошадиных копыт, чужие мужские голоса. Ребята прилипли носами к стеклу. По деревне на рысях скакали два всадника. Под ними были настоящие кавалерийские седла со стременами. Один всадник одет в зеленую военную форму, другой — в синюю, милицейскую.

— К кому это?— начал строить догадки Петька, но вдруг приглушенно закричал:— Гляди, они развернулись! На вашу избу смотрят!

Всадники и впрямь въехали в Сенькин заулочок. Спешились, привязали коней к березам. Вот уже на крыльце стучат их сапоги. Ребята замерли в напряженном ожидании. Ни разу еще не заходили военные в Сенькину избу.

И вот они вошли. Оба высокие, улыбаются.

— Здравствуйте. Это не вы ли Петр и Семен Румянцевы?— сказал тот, что в синей форме.

— Мы,— ответил Сенька, побледнев еще больше.

— Поздравляем вас с геройскими действиями. Давайте присядем, и вы по порядку рассказывайте все как было.

А гость в защитной форме пристально оглядел Сеньку и принялся расстегивать свою увесистую сумку.

— А чего рассказывать-то?— спросил, осмелев, Петька.

— Всё: как выследили диверсанта, что за землянка у вас и зачем, почему диверсант в вашу землянку попал...

— А кто его знает, почему. И землянка как землянка. Сами делали...

— О ней кто-нибудь из деревенских знал?

— Нет. Только мы двое.

Петька разговорился. Военный в зеленой форме тем временем сматывал с Сенькиной руки бинт.

— Я военврач,— шепнул он Сеньке.— А любая рана требует лечения. Так-то.

— А зачем вам землянка потребовалась?— весело допытывался тот, что в милицейской форме.

— Ну, для игры... И на случай войны... Фронт-то ведь близко подходил,— разъяснял, подыскивая слова, чтобы не проговориться, Петька.

— А как же диверсант узнал о ней?

— Наткнулся, наверное, случайно. Она у нас хорошо замаскирована была.

— Ночью? Случайно? Не может быть. Мы осмотрели ее. Ночью вашу землянку не обнаружить. Да и не посмел бы он в нее забираться. Он от людей хоронился, а тут прямо на вас попер...

— Так он и раньше знал о ней. Заходил... Следы и кровь его там были... Замок с двери сорвал...

— Вот как!— удивился военный.— Вы знали об этом и никому не сказали?

— Про землянку — никому.

— Тогда все ясно,— задумчиво проговорил военный и перестал улыбаться.— Вы хоть понимаете, что так не воюют? Ведь вы же на смерть шли!

— Да ведь надо же было его выследить и поймать!

— Понятно,— подытожил разговор военный и постучал пальцами по столу.

— Все честно рассказываешь?— еще раз строго спросил он Петьку.— Может, у вас еще есть секреты?

— Больше ничего вроде...— ответил Петька и поежился. Ему казалось, что он поступает нечестно по отношению к этому командиру, утаивая о клятве. Но и рассказать о ней он не мог, не поворачивался язык: ведь он же давал слово мол-

чать... Петька глянул на Сеньку, чтобы тот поддержал его хотя бы взглядом, улыбнулся бы или подмигнул... Но Сенька морщился, глядя, как военврач обрабатывает его рану.

Взглянул на рану и военный в синей форме. Покачал головой, спросил:

— Это диверсант тебя?

— Нет, на свой же нож напоролся, свалка была, темно... — ответил Сенька.

— Ну, герои, — без одобрения проговорил военный. — Какой нож-то был? Не такой?

Он вынул из сумки Сенькин кинжал и положил его на стол.

— Такой, — сказал Сенька.

— Вот что, ребята. Действовали вы смело. За это вам от армии благодарность. Но самодельные кинжалы, поджигалки — это бросьте! К добру не приведет. Мы протоколы на таких мастеров составляем, под суд их отдаем. Поняли?

— Понятно, — буркнул Петька.

Врач закончил бинтовать Сенькину руку, выставил на стол пузырек с йодом, положил рядом какой-то пакетик и моток чистого бинта.

— Это — смазывать и присыпать рану при перевязках, — пояснил он. — Заживет нормально. Но много не бегай. Руке нужен покой. — И врач принялся увязывать свою сумку.

— И не дуйтесь. Поругал я вас немного, а надо бы больше, — опять с улыбкой заговорил военный. — На собрание не забудьте прийти. О вас разговор пойдет.

Он подмигнул ребятам и вместе с врачом пошел к порогу.

— У нас Алеха хуже ранен, его бы надо полечить, — спохватился Сенька.

— Я у него уже был. Ссадины у него. Заживут быстрее, чем твоя рука. А вы его навестите, он ведь один, — посоветовал врач. И гости ушли.

Ребята снова кинулись к окну и только теперь разглядели, что у военного в синей форме на боку висит тяжелая кобура. Нежданные гости вскочили на коней и поехали на другой край деревни.

— А кинжал-то оставил, хоть и грозился, — с улыбкой сказал Сенька. Он взял кинжал и спрятал его под лавку, в ящик, где хранились у него всякие железяки.

— А что могут о нас говорить на собрании? — размышляя вслух Петька. — На одном — ругали за изолятор. А теперь что? Может, лучше не ходить? Или военные нас хвалить будут?

— Да уж лучше бы ничего о нас не говорили,— вздыхал Сенька и качал растревоженную руку.

— Болит? — снова спросил Петька.

— Нет! — задорно ответил Сенька, хотя и продолжал морщиться.

— Теперь у нас есть опыт. И на фронт не страшно,— зашептал Петька. Но Сенька не поддержал его, погрузившись еще больше.

— Боишься? Или передумал?

— Кто? Я?! — рассердился Сенька. — Только кому я с этим нужен? — Он резко взмахнул забинтованной рукой и вдруг присел, лицо его болезненно искажилось.

— Да ты поосторожнее! — закричал с испугу Петька. — Я же подожду тебя, пока заживает...

— На войне ждать некогда, воевать надо.

Сенька поднял больную руку вверх, сел на лавку, затих.

— Ну как же это меня угораздило? Своим кинжалом — и тебе в руку! — с досадой проговорил Петька.

— Могло и наоборот получиться. Мог и ты на мой налететь, — сказал Сенька. — Просто мне в этот раз не повезло.

— Ладно, — успокаиваясь, ответил Петька. — В другой раз обязательно мне больше достанется.

...На собрании они стояли в первых рядах. А как хотелось спрятаться от смущения за толстые плакучие ивы. Да, военный говорил о них громко, долго. Правда, он больше напирал на Колькины заслуги, называл его героем-комсомольцем, героем труда и бесстрашным перед лицом врага. Но тут же упоминал и о ребятах, заявил даже, что очень хорошо, когда подрастают в деревне отважные юные патриоты, которые дежурили по ночам и помогли задержать опасного врага, рискуя своей жизнью.

Друзья краснели от радости и стеснения. И еще им было очень жаль, что нет рядом Алехи. Ведь и он отличился не меньше. И они решили каждый день навещать его и рассказывать ему все-все.

— Железнодорожный мост врагу как бельмо на глазу, — продолжал говорить военный. — Фашисты ничего не жалели, чтобы вывести его из строя. Планы их сорвались. Однако не исключено, что сюда может быть заслана новая группа диверсантов. За этим, конечно, будут следить специальные отряды Красной Армии, но и все граждане должны быть бдительными.

— Значит, надо продолжать нашу разведку. Я буду, — шептал Петька на ухо другу. — Значит, и землянка еще при-

годится. Теперь уж от нас ни одна вражина не скроется — выследим? Так ведь?

— Конечно, — ответил Сенька.

27

Тут к Петьке подошла мать и крепко взяла его за руку. Странное что-то творилось с ней: она улыбалась и, похоже, гордилась сыновьями, а губы у нее прыгали и в глазах стояли слезы.

— Пойдем-ка со мной, — не предвещающим ничего хорошего голосом проговорила она и повернула к дому. Люди еще не разошлись, они одобрительно поглядывали на ребят, о чем-то судачили, и Петьке было до слез стыдно, что его, героя-разведчика, тащат за руку на виду у всех, как провинившегося капризного малыша.

— Пусти, и так не убегу, — раздраженно сказал Петька.

— Нет, не пущу! — страдальческим голосом ответила мать. — Выдеру как сидорову козу и в кладовке запру на неделю, чтобы не самовольничал, мучи-ите-ель!

— Это еще за что? — заспорил Петька. — Люди хвалят, а ты...

— Мало тебе синяка во весь лоб, — приговаривала плача мать. — Мало мне об отце твоём забот, так еще и ты туда же лезешь. Ведь тебя бы до смерти могли зашибить, покалечить на всю жизнь!

— А вот и не смогли, — спорил Петька. Но и у него тоже запрыгали губы. От обиды. И еще оттого, что мать так расстроена снова. Ему, может, и не надс бы перечить ей сегодня. Он должен уметь и сумеет держать себя в руках.

Мать ввела его в горницу и не просто усадила, а сильно толкнула на лавку.

— Ну рассказывай, как ты хулиганишь, как мать не слушаешь! — выкрикнула она. А слезы уже не капали из ее глаз, они текли по щекам быстрыми струйками.

— И за что мне с тобой такое наказание? — еще раз вскрикнула она.

Петька молчал. Мать с укором, с болью в глазах смотрела на него, на синяк, который отчего-то начал желтеть по краям, на исцарапанные руки и ноги.

— Это не наказание — это война. Всех она касается, — рассудительно проговорил Петька, — и тебя, и меня, и других...

— Он еще рассуждает! — перебила его мать. — Выдрать бы тебя, так ведь ты вон уж какой вырос. А видно, надо.

Она порывисто поднялась и быстро прошла в другой угол комнаты, где на гвоздике рядом с одеждой висел широкий отцовский ремень с пряжкой. Петька сжался в комок.

Мать обернулась к нему. И тут взгляд ее упал на подоконник, где за Петькиной спиной лежал серенький треугольник с черными печатями. Мать выронила ремень, схватила треугольное солдатское письмо, повернула адресом к себе. Лицо ее вспыхнуло.

— От отца, — не веря себе, проговорила она тихо, — значит, жив.

Она замерла на месте. Только пальцы ее, дрожа, быстро-быстро расправляли помятый листок, исписанный химическим карандашом. Петька подался ближе к ней. Но она только шевелила губами.

Вдруг ноги у нее стали подламываться. Она сделала два нетвердых шага к своей постели и упала на нее лицом. Письмо так и осталось в ее руках, прижатых к груди.

— Чего пишет-то? — спросил Петька, набычившись.

— Жи-ив! — сквозь слезы выкрикнула мать и совсем отвернулась к стене. Теперь Петька видел только, как вздрагивают ее плечи.

Он долгонько стоял посреди комнаты. Огромное облегчение, почти радость переполняли его. Он бы и к потолку подпрыгнул, если бы иначе вела себя мать.

Петька сел на лавку, зажмурился, чтобы не видеть матери, и ему отчетливо представилось, как идут они с добрым улыбочивым батей на рыбалку, несут почти невесомые удочки, ведерко, банку с наживкой. Светло и спокойно становилось на душе Петьки, когда рядом был отец. Он и сейчас был почти рядом. И Петька улыбался.

А в горнице плакала мать. И поэтому вместо полной радости в сердце закрадывались недоумение и тревога, да и не терпел он слез.

Петька вышел тихонько на крыльцо. Оно так накалилось на солнце, что ступням было жарко. Березы едва шелестели глянцевито поблескивающей листвой, и Петьке подумалось, что они, давным-давно посаженные возле дома дедом и отцом, тоже вздохнули с облегчением и притихли после многих дней тревожного беспокойства.

Петька сел на ступеньку и вроде бы задумался. Но никаких мыслей в его голове не было: как всегда после переживаний, он испытывал только тихую радость...

Он увидел Кольку, идущего к дому, и кинулся ему навстречу.

— Письмо от бати!— подпрыгивая, еще издали закричал он.— Жив батя!

— Не врешь?— быстро спросил Колька и ускорил шаг.

— Да ты что! У матери письмо... Ревет она... от радости.

Когда братья влетели в горницу, мать уже стояла посреди комнаты, повязывая платок. Ей, наверное, пора было на работу. Письмо лежало на столе. Колька нетерпеливо схватил его.

— Вслух, Колька!— попросил Петька. И тут мать закричала вновь, обращаясь к старшему сыну и указывая рукой на Петьку:

— Выдери ты этого дьявола, христом-богом прошу, чтобы не лазил, куда не следует! Сейчас же! На моих глазах! Хватит и того, что отца изуродовали. Прочти его, чтобы помнить всю жизнь. Ох, сил моих нету!..

Колька настороженно глянул на мать. Лицо ее было измученным, глаза горели. Она едва держалась на ногах. Ослушаться ее сейчас он не мог. Петька понял это и озлился. Никогда еще всерьез не бил его брат. Не верилось Петьке, что его будут бить, но возмущение переполняло его.

Колька подобрал с полу ремень и кивнул Петьке на дверь. Тот машинально поддернул штаны и не двинулся с места. Тогда Колька легонько, но настойчиво стал выталкивать его из избы, накручивая ремень на руку. В сенях он крепко взял Петьку за плечо и вывел его в загороду за хлев.

— Не бойся, больно не будет,— хмуро проговорил он, и Петька не заметил в его полуприкрытых глазах привычных озорных искорок.

— Из дому убегу, если тронешь,— хрипло проговорил Петька, но в этот момент хлесткий удар ремня по дровам заглушил его слова.

— Ори!— шепнул Петьке брат, делая сердитое лицо.— Громче ори!

Петька все понял.

— Ох!— вскрикнул он. Подпрыгнул, взвыл. И едва удержался, чтобы не захохотать.

— А вот и тебе!— тихонько сказал Колька, хлестнув брата поперек спины. Петька отскочил в сторону, почесал больное место. Но боль тут же прошла.

— Вот так,— сказал брат.— А теперь слушай. У бати плечо было прострелено. Правое. Рука не двигалась, оттого и не писал. Ну и тревожить, пугать нас сразу не хотел. Он скоро должен прийти на побывку, а может, и насовсем. Долечивается пока. А это значит, что на фронт пора идти мне. Правильно я рассуждаю?

Петька вскочил, забыв о том, что надо казаться выдраным. Такие новости ошарашили его. И ничего не мог ответить он брату.

— Сядь, как велено! — прикрикнул Колька. И Петька опамтовался, сел, хотя теперь уж никак не мог напустить на себя скорбный вид.

— Я уже одно заявление подавал. Теперь второе подам. Добровольцем. Второй раз не откажут. Через неделю мне стукнет восемнадцать... — говорил Колька.

— Ты и сейчас не слабее любого солдата. Конечно, возьмут! — тотчас откликнулся Петька. И добавил: — А вот отец-то как?..

Он нахмурился. Уже и не надо было разыгрывать обиду, притворяться. Тяжело стало на душе. И оттого, что скоро придется жить ему вдвоем с матерью, без Кольки, и потому, что отец серьезно ранен: может, вернется и удочки в руках не сумеет держать, не то что ходить за плугом.

— Пуля любого силача свалит, — вздохнул Колька, думая о своем и одновременно отвечая Петьке. — А ты за старшего мужчину останешься в доме. Пока. Да и неизвестно еще, какое здоровье будет у бати в дальнейшем. Так что и тебе есть над чем поразмыслить. Понимаешь?

Петька снова вскочил. Мысли путались. Одновременно вспомнились и клятва, и землянка, и запасы провизии. Хотелось крикнуть, что и он на фронте был бы нелишним. Но он вовремя вспомнил: о клятве надо помалкивать. И задумался, сник. А тут еще пришло на ум обещание навещать Алеху... Да, многовато забот одновременно сваливалось на Петьку, тут и запутаться, перезабыть половину немудрено.

— Я все понимаю, — ответил он брату. — Только мать-то что тебе скажет? Вон она какая стала...

— Это мое дело. Мы с ней по-взрослому поговорим. Должна понять, — сказал Колька вполне уверенно, хотя тут же нахмурился.

Минут пять прошло в молчании. Наконец Колька поднялся, отнес ремень в избу и вышел на крыльцо уже с матерью. Петька спрятался от нее в малинник, но мать заметила это.

— Не копи на старших зло. Тебе добра хотят, — сказала она, проходя мимо. — Обедай иди. Да подумай о своем поведении.

Петька заворочался в зарослях. Ему было обидно до слез. Все-то им командуют, все-то его поучают, будто он уж совсем дурак или слабачок. А кто диверсанта не побоялся? Так нет же, это в семье не ценят, а наоборот... Где же справедливость-то?

Мать уже давно прошла гумно и повернула к скотному двору. А вылезать из малинника не хотелось.

— Пойдем со мной. Научу запрягать лошадь! — крикнул ему Колька.

И Петьке сразу стало легче. Обращаться с упряжью, самостоятельно править лошадью, знать, что колхоз закрепил коня за ним, было заманчиво. А ведь так и должно быть, если Колька уйдет в армию. И сейчас, пока не поздно, надо многое перенять у брата...

К конюшне Петька шагал уже совсем успокоившийся. А вот и Колькин Орлик, жует себе сено, словно война его и не касается. Привязан он к широкой телеге, которую в деревне называют одром, или полком. На полке кучей лежит упряжь. Орлик сверкнул фиолетовым глазом и тихо заржал. Он вытянул к хозяину длинную голову, ткнулся губами в его ладонь. И Петька — не в первый раз — увидел, как брат скормил коню ломоть хлеба.

Послушно и даже, кажется, с удовольствием подставил Орлик свою тугую шею под хомут. Так же послушно попятился, когда Колька начал поднимать одну за другой оглобли и прилаживать к ним гужи и дугу. Колька запрягал Орлика и объяснял Петьке, зачем ставится на хребет седелка, как надо затягивать супонь, как определить, туго или слабо натянут чересседельник. Да Петька и сам знал почти все это. У него не было только настоящей практики.

— Теперь распрягай, — сказал Колька и отошел в сторону. — Начинай с того, чем я закончил запрягать.

Что другое, а распрягать-то Петька умел. Не раз поручали ему это взрослые, но сейчас он старался из всех сил. И Орлик его слушался, только глаза жмурил сонно.

С задачей Петька справился безошибочно и быстро. Но Колька велел ему тут же снова запрячь лошадь, уже полностью самостоятельно. Петька и это сделал. Колька проверил всю сбрую и остался доволен, хотя супонь и чересседельник затянул на свой лад.

— Получится, — подбодрил он брата. — А лошадь в упряжи сама знает, как лучше везти пустую телегу, воз или борону, она тебя многому научит. А кой до чего и своим умом дойдешь, когда начнешь работать да натрешь мозоли до пузырей. Всего сразу не расскажешь и не запомнишь. Но главное — лошадь всегда люби, тогда и она тебе другом станет и не раз выручит.

— Ясное дело, — по-мужицки степенно согласился Петька.

Прошла неделя. В эти дни Петька ходил на прополку картошки. Старался изо всех сил и радовался, что на такую нудную, старушечью да девчоночью работу он выходит в последний раз.

Рядом с ним копошилась двоюродная сестра Лидка и еще совсем малюсенькая ее сестренка Валюшка, которая до смешного боялась колючек. Но Петька много не смеялся. Он как бы невзначай заходил вперед и выдергивал все самые колючие сорняки, которые поднимались перед девчонками. А через минуту трудился с ними рядом и посмеивался необидно.

С другой стороны девчонкам норовил помочь Сенька. Но у него получалось хуже. Незажившую руку приходилось все время держать над головой, а с сорняками воевать только здоровой. Однако и он старался быть поближе к Лидке и тайком выщипывал травинки с ее полоски.

Через каждый час старухи садились на меже отдыхать. Судачили, у кого что болит, перемывали косточки соседям, словно и войны не было. А ребята убегали купаться.

И здесь Сенька храбрился перед Лидкой. Забывал про бинты и нырял в самые глубокие места, плавал саженками и не давал Петьке обрызгивать Лидку.

Петька что-то заподозрил и даже принялся напевать песенку-дразнилку:

— «Жених да невеста, сляпаны из теста...»

Сенька с Лидкой убегали от него. И лишь однажды Петьке удалось подсмотреть, как за кустами Лидка перевязывает Сенькину рану.

По вечерам друзья убегали в выгородку или навещали Алеху, у которого на месте ран остались только коросты. Но и Алеха не всегда был дома, уходил на дорогу с отцом. Тогда ребята снова бежали к землянке, оглядывали, все ли в порядке, и уходили в разведку.

Однажды они заметили, что в малиннике возле насыпи шмыгают с берестяными туесками Лидка и Валюшка. Петька подумал, что настал самый подходящий момент, напугать ягодниц. До войны ребята обязательно так делали. Повязывали на головы рубахи, завывали дурными голосами и скакали по малиннику на четвереньках прямо на девчонок. Визг поднимался неопикуемый, хоть уши затыкай. Девчонки ревели от страха и неслись без оглядки до самой деревни. Бывало, не только ягоды, но и туеса теряли при этом. И сейчас

Петька принялся снимать рубаху, подмигнул другу, приглашая его на потеху. Но Сенька взял его за руку, сказал серьезно и умоляюще:

— Не надо. И мы уже не маленькие, и им мешать не следует. Рассыпят девчонки ягоды, страху натерпятся... Какая тут радость тебе?

Петька задумался. Даже покраснел, и дурачиться ему расхотелось. Действительно, к чему пугать осиротевших двоюродных сестер?..

...Нагрянул на деревню и сенокос. Колька успел скосить конной косилкой клевера. Без ребят выкошены были и луга вдоль Григорки. Но сенокос — такая пора, что для каждого от мала до велика найдется дело. Грабли и вилашки, которыми разбивают сырые валки травы и ворошат подсыхающее сено, осветлили ребячьи ладони до блеска и набили на них первые твердые мозоли. Ведь с утра и дотемна на лугу!

Бывало и так: только сядут за стол пообедать, как понесется над деревней крик:

— Тучу заносит! Выходи луговину спасать!

И бегут из каждой избы женщины, девчонки, вслед за ними ковыляют старухи. И вот уже расхватаны вилы и грабли, и луг пестреет разноцветными сарафанами, платками, рубахами — и начинается жаркая работа, состязание людей с временем, ветром и тучей.

Тут не было ни командира, ни иного распорядителя. Каждый знал, что надо делать и на что способен он сам или его сосед. Все сами себе находили работу. И едва заканчивали ее на одном краю луговины, как бегом мчались дальше. И вставали одна за другой крутобокие копны. Азартная, безоглядная работа...

Сенька не упускал из вида Лидку, всегда вовремя успевал взять охапку потяжелее себе, а ей оставить полегче.

Петька почти забыл о клятве, которая повелевала бросить все и заняться только подготовкой к побегу на фронт. Он любил эту артельную сенокосную работу.

Мать радовалась, глядя на младшего сына, да и не за что было сердиться на него в эти дни. К тому же от отца пришло еще одно письмо. Он сообщал, что поправляется и скоро придет. А тут еще объявили, что Петьке за старание решили начислять трудодни по полной норме, как взрослому. Теперь он только и ждал наряда на работу. И Сенька везде поспевал за ним.

Но выдался среди этих дней и один грустный, когда вся деревня провожала в армию Кольку.

Он не дождался отца. Сходил в военкомат, сдал туда винтовку и трофейный автомат, а вернувшись, заявил матери, что его забирают в какую-то военную школу. Мать втихомолку поплакала, но смирилась. «В школе, чай, не стреляют и не убивают, а учатся», — утешала она себя.

Изредка оглядываясь на деревню, Колька ровным шагом уходил к железнодорожному мосту. Когда провожающие разошлись, намахавшись с околицы платками вслед будущему воину, дед, шедший рядом с внуком, что-то шепнул ему на ухо и остановился возле выгородки. Они обнялись, и дед, понурясь, побрел в елочки. Теперь рядом с Колькой семенили Петька и Сенька.

Часовой у моста узнал Кольку и за руку поздоровался с ним. Он без слов пропустил через мост и ребят. И теперь перед путниками стлалась только железная дорога, к которой с обеих сторон подступал лес, а вдали громоздился к небу холм Турманный.

По теплым шпалам идти было легко. Въезвшие в них песчинки не кололи, а лишь щекотали голые, ко всему привыкшие ступни ребят. А Колька шел все стремительнее. Голова у него была высоко поднята, щеки горели. Молчал Колька и думал. Ему было о чем подумать.

Друзья с удивлением отмечали, как быстро приближается к ним холм. Оказывается, он не такой уж далекий и недоступный. И чем ближе к нему подходишь, тем ниже его вершина, а склоны более покаты. И сосны на нем самые обычные — веселые, сверкающие бронзовыми стволами, и песок под ними желтоватый, и трава знакомая, только пореже, чем в выгородке, — ничего таинственного...

Вот вершина холма уже слева от них. И не хотелось пройти мимо нее просто так, не увидев и не запомнив ничего интересного.

— Вы ведь не бывали здесь? — неожиданно спросил Колька.

— Впервые!

— Вот бы забраться на макушку! — заторопились с ответами ребята.

— Тогда пошли, поднимемся на минутку.

Колька шагнул в кусты, которые росли тут у самого полотна. И насыпи здесь не было, наоборот — дорога была проложена по котловине, и на вершину пришлось подниматься по крутому уклону.

И вот она — вершина! На ней стояли редкие разлапистые сосны с могучими, искривленными от холодных бурь стволами.

Узловатые, искрученные корни сосен крепко держались за землю. Здесь было ветрено и чисто. И видно все далеко-далеко...

Колька остановился, широко расставив ноги, огляделся неторопливо.

— Вон наша деревня, — сказал он, протягивая руку. И ребята увидели деревню. Была она как на ладонке и словно бы игрушечная: стайка домиков сгрудилась посреди полей, замерла перед речкой, а над ними кудрявые кроны берез и ив — похоже на крышу.

— Даже отсюда красиво. И до чего же мирно... — проговорил Колька. — А теперь глядите сюда. — Он повернулся лицом к солнцу: — Во-он наш районный центр.

И эту картину ребята видели впервые. Им показалось, что городские постройки застилают собой весь горизонт. Город расположился на холме, а над ним, как часовой, высилась белая колокольня с темными проемами окон на всех пяти этажах.

— На колокольне парашютная вышка. Там военному делу учатся, — сказал Колька. — А рядом, чуть левее, белое здание — это райисполком, еще левее — сельскохозяйственный техникум.

— Я льнозавод вижу! — закричал Сенька. С холма заводская труба казалась внушительной. Над ней вился серый дым.

— Работает! — обрадованно проговорил Сенька. — А ведь давно ли трубы не было?

— Подняли, — сказал Колька. — Льнозавод нужен. Там из наших льняных снопов делают волокно, а в других городах на фабриках из волокна ткут материю. Из льна можно сделать хоть брезент, хоть плащ-палатки, хоть обмундирование — ткань из него самая прочная.

Ребята зачарованно глядели на темные корпуса льнозавода и думали, что о льне надо больше заботиться, чтобы хватало для армии прочной ткани.

— А где Москва? — неожиданно спросил Петька.

— Москва? Она в этой же стороне, только много южнее. Я и сам в ней еще не бывал, — сказал Колька. Но вдруг лицо его посуровело и он глухо проговорил: — Ну, мне пора. Возвращайтесь домой этим же путем, а я — дальше. Но на прощанье есть у меня к вам один мужской разговор.

Ребята затихли, глядя ему в лицо. Колька шевелил бровями, видимо, подыскивая нужные слова.

— Вот что, — заговорил он наконец. — Вы уже большие

хлопцы, должны все понимать. Видели, сколько я в колхозе работал?

— Знаем, — сказал Петька. И Сенька кивнул, почесывая макушку.

— Теперь эту работу делать некому, кроме вас. Вот я и надеюсь, что двое-то вы за одного меня уж как-нибудь управитесь. Берите в колхозе лошадей, упряжь, телеги и делайте все, что требуется деревне. Если что-то будет неясно, спросите у деда.

Ребята слушали. То, что говорил Колька, было и увлекательно, и очень важно. Но они уже понимали, что это и очень тяжело.

— Дайте мне слово, что наказ мой выполните. А я обещаю воевать и за себя и за вас двоих. Согласны?

— Согласны, — тихо сказал Петька.

— Даём слово, — так же тихо пообещал Сенька.

— Вот и договорились. А теперь пару слов по секрету — насчет вашей землянки. Оказывается, диверсант зашел в нее не случайно. Мост, дорогу и выгородку фашисты с самолета фотографировали. И эту карточку диверсанты видели. Все на ней было отчетливо видно, даже замаскированная зенитная батарея, а вашей землянки — не было. Диверсант на нее случайно наткнулся и решил разведать. Вот и полез. А второй раз забежал в нее со страху. Да и деться ему было в тот момент некуда. Надеялся на какое-то время укрыться в ней, а потом воспользоваться подземным ходом. Он как-то своим умом допер, что про землянку солдаты ничего не знают. Сам во всем этом на допросе признался. Так что землянка сослужила службу. Вы ее берегите. За двери Петьку надо бы, конечно, отхлестать. Но теперь уж поздно. И еще удивляюсь я вам: где так вы сообразительные, а тут... Как вы не догадались сплести из прутьев дверь и положить ее над лесенкой горизонтально, а сверху к прутьям привязать пластину мшистого дерна? Если бы все сделали так, ни одна живая душа не обнаружила бы землянки.

— А ведь и верно... — тихонько проговорил Сенька. А у Петьки испортилось настроение. И в самом деле, как они не додумались до такой простой вещи? Эх, строители!

Колька снова посуровел, по-мужски пожал ребятам руки и, теперь уже не оглядываясь, широкими шагами двинулся с холма к райцентру. У Петьки заныло в груди и так ему стало тоскливо и одиноко, что пришлось закусить дрожащие губы, чтобы не зареветь.

Почти всю дорогу до деревни друзья шли молча. Примечали на всякий случай ягодные пригорки, но знали, что теперь за ягодами им, пожалуй, не вырваться. Присматривали заросли матерого брядника, богатого корьем. Облюбовали и срезали со старых елок два длинных сучка, из которых прежде они сделали бы себе отличные луки, теперь же сучки брали на обручи к корзинам и шайкам.

Сенька подумал, что надо обязательно сплести корзинку для Лидки, и срезал еще один длинный и гибкий сучок. Но вслух об этом не сказал, только улыбнулся.

А Петька ничего не заметил, потому что был доволен собой. Он выполнил один из наказов деда и теперь думал, что о них надо помнить каждый день и постоянно делать что-нибудь полезное для дома и для всей деревни.

Обоим не хотелось сейчас говорить о главном — своей клятве. Они понимали, что от этого разговора им не уйти и надо объясниться начистоту, чтобы жить дальше и работать со спокойной душой. Но начинать об этом было тяжело, хотелось все прежде обдумать. И они толковали об удилищах, обручах и корзинах, а по глазам друг друга видели, что самое главное и трудное впереди.

Они вошли в деревню по-мужски солидно, и каждый направился к своему дому. Даже не договорились, когда встретятся вновь — думали о завтрашней работе.

Но не успел Петька отобедать, как в дом его влетел Сенька. Лицо его сияло, и в руке он что-то сжимал.

— Поешь и выйди на минутку, — сказал он Петьке. — Я на крыльце подожду.

Петька быстрее заработал ложкой. Мать неодобрительно глянула на него.

— Бросьте вы свое озорство да секреты. Вы же теперь — мужики в доме, — с упреком сказала она.

— Понимаем, — хмуро ответил Петька. — Мы с Колькой обо всем договорились. За него буду работать.

Слезы потекли по лицу матери. Петька вздохнул, отложил ложку и вышел из избы.

Сенька сидел на своем крыльце. По его губам бродила счастливая улыбка.

— Чего у тебя? — спросил Петька.

— Письмо от отца, — словно по секрету проговорил Сенька. — Давай почитаю. Только не все подряд, а два отрывочка, где о главном...

Петька уселся ступенькой ниже друга, приготовился слушать.

— Вот, — начал Сенька торжественно. — «Извини, что долго не писал. Но ты должен понимать, что бывают на войне такие задания и уходят люди в такие места, где нет и полевой почты».

— Здорово! А? — вскрикнул Сенька. — Он, наверное, разведчик!

— Ничего удивительного, — согласился Петька.

— Слушай дальше. Второй отрывочек. «Не удивляйся и не беспокойся, если опять писем от меня не будет долгонько». Значит, опять линию фронта перейдет. Ох и опасно же это, наверно! И вот еще. «Ты теперь вырос большой. Силы прибавилось. Живешь без родителей. Но я надеюсь, что ты не опозоришь своего отца, офицера и орденоносца. Учись, в свободное время работай в колхозе, береги бабушку». Вот и все главное. Понял?

— Он у тебя, видимо, воюет что надо, — сказал со вздохом Петька, думая о своем раненом отце. — Офицер. Орденоносец. Подробнее-то не пишет, за что наградили?

— Нет.

— Жаль. Интересно бы узнать. Мой батя так прямо из рядовых в инвалиды попал.

— Пуля не разбирает, — сказал Сенька, утешая друга. — Так уж случилось. С каждым могло... И ничего тут не сделаешь.

— Это конечно. А что ты отцу ответишь?

— Напишу, что мы сами, еще до его письма, решили жить так, как он советует.

Петька поднялся.

— Ты куда сейчас? — спросил Сенька.

— Орлика запрягать. Подвезу к сараям пару возов сена — и то дело. На завтра меньше останется.

Петька не спеша пошел по деревне. Голова и плечи были у него уныло опущены, он чувствовал, что завидует Сенькиному отцу и самому Сеньке, но знал, ничего тут не поправишь, надо просто работать.

Сенька догнал его уже без письма. Орлика они запрягли вдвоем, и Сенька познал кучерские премудрости.

Вдвоем они привезли три воза сена.

— Завтра пойду к твоему деду и попрошу, чтобы он отдал мне свою лошадь. Он же все равно не ездит, — сказал Сенька. — Вот и будем соревноваться. Интереснее ведь?

— Конечно, — согласился Петька. — Больше сделаем. А

сейчас пошли купаться. А то сено за рубаху набилось и колется. Орлика на луговину пустим...

Сенька, помедлив, спросил:

— А ты очень устал?

— Да не так чтобы...

— Тогда давай съездим в выгородку, нарубим дров, оглядим там все заодно и землянку тоже. Ведь мы сегодня обхода не делали, — заговорил Сенька.

— Давай, — согласился Петька.

Они въехали на опушку, ослабили у Орлика чересседельник и пустили коня на свежую траву. Взялись за топоры. Теперь можно было вырубать из чащоб деревья и покрупнее. Подвода — не тачка, на нее можно погрузить больше дров. Но скоро друзья поняли, что нарубить такой воз — дело не легкое и небыстрое. А потом оказалось, что они не взяли веревки и воз нечем увязать.

— Вперед наука, — спокойно отнесся к этому Сенька.

— Это ты заторопил меня, — раздраженно сказал Петька.

— Не психуй. Дело поправимое, — весело отозвался Сенька, скрываясь в кустах гибкого ивняка. Вскоре он выволок оттуда с десятков длинных толстых прутьев. Друзья сплели прутья в жгуты и увязали ими воз. Орлик, удивляя ребят, легко потащил груженую телегу...

— Где сваливать будем? — хмуро спросил Петька, когда они въехали в деревню. — У нас ни полена нет на зиму, на Кольку надеялись...

— Можно свалить и у вас, — задумчиво ответил Сенька. — Но себе мы в любой день привезем. А давай-ка лучше сделаем так. Свалим этот воз у дома твоей тетки Дуни, поможем семье погибшего бойца. Потом привезем по возу всем старухам, потом — по возу себе. Закончим один круг — пойдем по второму... К осени всю деревню обеспечим.

Петька вздохнул и направил Орлика на другой край деревни, где жили тетя Дуня, дед, Лидка и еще две двоюродные сестренки.

— Чего молчишь? — спросил Сенька. — Или я не прав?

— Ты прав, — еще раз вздохнул Петька. — Только матушка у меня... Да и работы уж больно много ты придумал вдобавок ко всему. Даже Колька за такое не брался.

— Ну и что? Время было другое. А у нас будут две лошади. Да и мужиков в деревне, кроме нас, больше нет, — доказывал Сенька.

— Не знаю, — буркнул Петька. — Я просто так. Я не против.

Они привезли и свалили дрова, не предупредив хозяев. А когда на крыльцо высыпали девчонки, а тетка Дуня принялась благодарить и обещать, что она заплатит, Сенька сказал важно:

— Всем возить будем. А денег не берем. Колхоз должен трудодни начислить.

Сенька не глядел на девчонок. Ходил около Орлика степенно, поправлял упряжь, хотя она и так была в порядке, и вид на себя напустил равнодушный. Но Петька догадался, что притворяется друг, да и заметил, что Лидка следит за каждым Сенькиным движением и в глазах ее — восхищение.

«Они только друг о друге и думают», — пришла в голову Петьке догадка. Показалось ему, что в чем-то предает его товарищ. И стало Петьке грустно.

Он сердито отобрал у друга вожжи и направил Орлика к конюшне. Сенька догнал подводу, но на телегу не взобрался, а шел рядом и улыбался тихонько. Оставив упряжь в сарае, друзья прихватили с собой цепь и металлическую тычку, чтобы привязать Орлика на ночь на клеверном поле. Орлик благодарно всхрапнул, провожая их. Видимо, он понял, что новые хозяева у него такие же заботливые, как и старые.

«Корку хлебную для него не забыть бы», — подумал Петька, оглядываясь на Орлика с дороги, но Сеньке ничего не сказал. Устал Петька, да и настроение у него было неважное.

Друзья находились как раз на середине пути между деревней и домиком Фунтовых. Наступил тихий вечер. С клеверища и реки тянуло росяной прохладой. В низинках скапливался белый туман. Но небо еще было чистым и прозрачным, и только на западе горел закат, золотисто-красными перьями отражаясь в тонких слоистых облачках.

Все было, как до войны. Только разве потише стало в округе, реже доносились голоса, и никто не пел. И оттого друзья не чувствовали себя так легко и беспечно, как до войны. Они еще раз подумали, что легла на их плечи нелегкая забота об этом уголке земли. А плечи за день устали.

— У Фунта мы два дня не были, — вспомнил Сенька. — Может, сходим?

— Да он же давно здоров. И болячки сколупнул, наверное...

— Все равно, — упрямылся Сенька, — ведь недолго!

Но домик обходчика оказался на замке, а к дверям была приколотая записка, из которой друзья узнали, что Алеха

ушел за шесть километров с отцом менять лопнувший рельс и вернется только к полуночи.

— Для кого это он писал? Для нас? — с насмешкой спросил Петька. — Ну и заботливый...

— Значит, надеялся, что мы придем. Одному-то не сладко, — сказал Сенька.

— Да ведь и у него вон какая работа! — возразил Петька. — Не скучней нашей.

— И все равно одному плохо, — сказал Сенька, а через минуту с удовольствием произнес:

— Кажется, сегодня мы сделали все, что было надо.

Петька согласно кивнул. Он был доволен собой и чувствовал, что душа его спокойна. И он подумал, что не было бы, наверное, у него такого хорошего чувства и такого спокойствия, если бы свалил он дрова в своем заулке и отказался идти к Алехе.

30

В деревню приехал трактор и притащил с собой громоздкую молотилку на колесах. По этому случаю объявили аврал, позвали на подмогу даже Фунтовых. И работы хватило всем. На правах возчиков Петька и Сенька ездили на поле и грузили снопы из суслонов на свои полки. Приходилось погонять лошадей, потому что молотилку прислали всего на один день, ее уже ждали в другом селе.

Снопы на возы подавала Лидка. И это нравилось ребятам: все же свой человек, а не ворчливая неразворотливая старуха. Они и помогали ей, соревнуясь. И справедливо считали, что работа им выпала в день молотбы самая легкая: покидаешь минут пять снопы на воз, а потом ляжешь на них и едешь как барин. Другим приходилось труднее: прожорливая молотилка поглощала снопы с невероятной быстротой и требовательно ревела своим пустым нутром, требуя новых. Женщины едва успевали подбрасывать снопы Петькиному деду. Тот коротким взмахом ножа разрезал их соломенные пояски и отправлял снопы в грохочущий зев молотилки. Через каждый час его сменял Фунтов, и дед сидел в сторонке, утирая пот. Рядом с оглушительно гремящими трактором и молотилкой разговаривать было невозможно. Но люди и без слов понимали друг друга. А пожилой чумазый тракторист, спавший прямо на земле, мгновенно вскакивал, лишь только замолкали машины, и принимался их налаживать.

Ребятам очень хотелось внимательно разглядеть трактор

и молотилку, потрогать детали, но было некогда. Они слезли с подвод лишь после того, как привезли с поля последние снопы и уморившуюся Лидку с поцарапанными о стерню ногами. Молотилка в один момент поглотила и эти снопы, обиженно застучала на холостом ходу. Тракторист сейчас же проснулся, снял приводной ремень, подцепил молотилку на буксир и поволок ее на тракторе куда-то за реку, в сторону затухающего заката. А на том месте, где только что кипела работа, остались бесформенный омет соломы и объемистая куча зерна.

Намолоченное зерно остался сторожить дед. Все остальные вскарабкались на подводы, и ребята повезли народ в деревню.

Петька отвел Орлика на клеверное поле и на обратном пути почувствовал, что очень устал. Он скоро улегся спать. А Сенька спешил в это время к овину. Было уже темновато, и никто не видел, как он прилаживал к веялке колесо. Он знал, что не завтра так послезавтра веялка должна работать.

А поутру ребят разбудили рано, как мужиков, без которых деревня не могла уже обойтись. Они запрягли лошадей и возили мешки с зерном под овин и к складам. Веялку крутили женщины.

С мешками друзьям было невообразимо тяжело, казалось, трещат спины, вытягиваются жилы в руках, перед глазами плавали огненные круги. Но покорялись мешки, и гордость охватывала ребят от такой работы.

А через несколько дней вместе с дедом они нагрузили подводы мешками с чистым зерном и поехали сначала за реку, в то село, куда ходили раньше в школу. Здесь у сельсовета в гривы лошадей вплели красные ленты. К Петькиной телеге прикрепили фанерный щит на двух высоких палках. А по щиту — три алых слова: «Первый хлеб — Родине!»

Они ехали долго. Вся двадцатикилометровую дорогу до самого райцентра волнение не покидало ребят.

Они еще с полчаса петляли по пыльным булыжным улицам вдоль бесконечных рядов домов, пока не подъехали к длинному серому складу. Уже вечерело. И встретили здесь гостей без особого торжества. Велели ставить подводы на широкую площадку весов, потом повели к желобу, уходящему сквозь стену куда-то вниз. Край желоба пришелся как раз вровень с краем телеги, надо было только развязывать мешки, ронять их устьем в желоб, и зерно само текло по гладким доскам в закрома. Управились в считанные минуты.

Обратная дорога запомнилась хуже. Ехали всю ночь, и ребята откровенно спали. Дед разбудил их уже перед самой деревней и велел после завтрака запрячь в телегу одного Орлика, а Сеньке наказал привести свою лошадь к сараю, где хранилась упряжь. Ребята не стали расспрашивать, зачем все это. Ночь выдалась особенно темная. Домой пришлось добираться чуть ли не на ощупь. Спасибо деду, что взял он лошадей и сам повел на конюшню...

А утром дед уже поджидал их у сарая. Рядом с ним на траве лежали деревянные бороны, а на груди у деда красовалось широкое берестяное лукошко.

— Будем рожь сеять, — коротко сказал дед и положил бороны на телегу.

— К парам править? — догадался Петька.

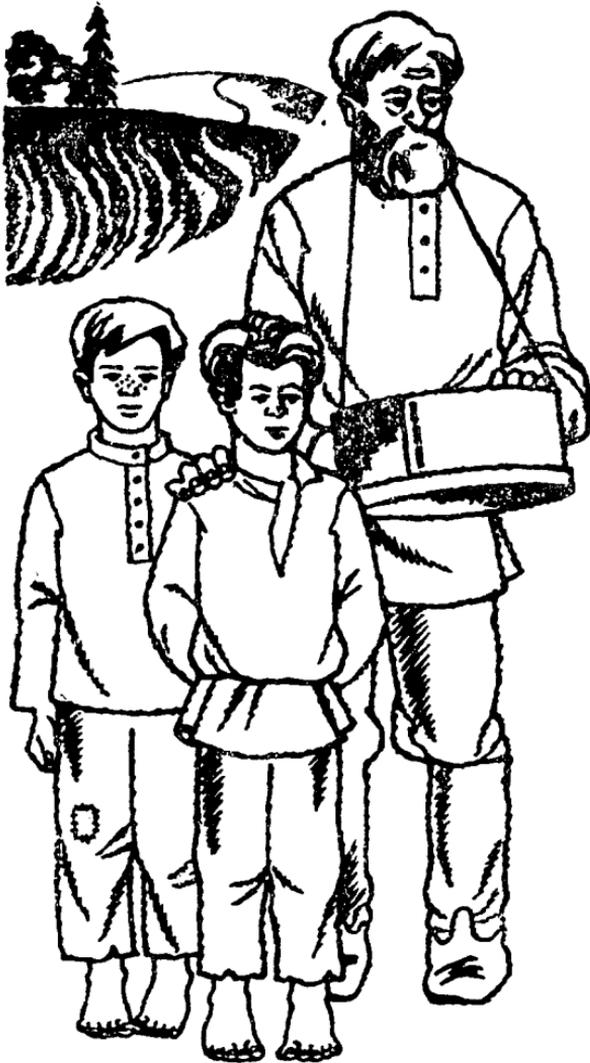
— Надо еще семена захватить. Никто, кроме нас, их не свезет.

Семена погрузили у кладовой. И Петька повез их к тому полю, которое пахал Колька в тот недоброй памяти день, когда летал над деревней первый вражеский самолет. И вот все трое у края поля. Дед прицепил к упряжи Сенькиной лошади пару борон и сам прошел первый загон вдоль поля. Ребята знали, что пар к севу надо подготовить, чтобы ровной и рыхлой стала земля и не оставалось на ней крупных засохших комьев. Сенька скоро принялся боронить пашню самостоятельно.

Петька с дедом развезли мешки вдоль межи. Дед снова приладил к груди лукошко, насыпал в него зерна и вышел к кромке поля, выпрямился и высоко поднял голову. Захватив горсть зерна, он далеко отвел руку в сторону. Постоял так мгновение и взмахнул рукой — зерно брызнуло из его ладони, ударяясь о лукошко с сухим треском и разлетаясь веером. Петька подбежал, глянул под ноги деду — семена легли по краю поля удивительно равномерно. Нигде не было пустого пятка и не лежало рядом хотя бы два зернышка. Дед по-журавлиному шагнул вперед и снова взмахнул рукой. И опять брызнули зерна. Петька зачарованно следил за сеятелем, забыв, что и ему надо дело делать, а не стоять столбом. А дед уходил все дальше, гордо откинув голову. Он шагал как на параде. Семян ему хватило и на обратный путь от дальней межи.

Петька дожидался его. Дед устало опустил пустое лукошко на землю и сказал ласково:

— А ты, внучек, заборанивай семена. Их надо сразу земелькой прикрыть. Нечего им сохнуть. Да и птицы живо на-

летят... А заборонишь семена сейчас — через неделю и озимь проклюнется. В хороший срок сеем.

Дед наполнил лукошко и снова зашагал по полю, махая рукой удивительно ритмично, как заведенная машина. Петька пошел с Орликом боронить.

— Они все равно наверху, — недоуменно сказал он деду, показывая на зерна, когда прошел с боронами вдоль поля и обратно.

— А скоро — хорошо не бывает. Ты проборони во второй след да и в третий, — ответил дед. И Петька пошел за боронной по старому месту и ходил до тех пор, пока не осталось над пашней ни единого зернышка.

Поле они засеяли и заборонили к обеду. Погрузили на телегу бороны и пустые мешки. Хотелось есть. И ребята вопросительно поглядывали на деда, ждали, когда он распорядится ехать в деревню. Но дед не спешил. Он с трудом вскарабкался на телегу и лег на мешки. Вытянулся, сложил на груди руки, затих. Ребята недоуменно переглядывались, не решаясь потревожить его.

— Внученьки, — слабым голосом позвал дед, и они подскочили к телеге.

— Поясницу у меня ломит. Полежу минут пяток, а там и поедем. Погуляйте малость. Святое дело мы сделали, — прерывисто говорил он.

Ребята, тревожно переглянувшись, отошли.

— Устал старый, — тихо сказал Сенька. — Лукошко-то с зерном тяжеленное.

— Конечно, — согласился Петька. — Тут не всякий выдержит.

Они тихонько брели в кустах, думая, что и впрямь сделали святое дело — посеяли рожь. И вырастет на этом поле хлеб для деревни, для армии, для страны...

— Давай к Алехе забежим, тут ведь рядом, — предложил Сенька.

Алеху застали дома. Но он торопился, сумка с инструментами уже была надета через плечо.

— Батя два обхода на себя взял вместо одного, — коротко рассказывал он. — Не хватает людей на железной дороге. Вот он и решил за двоих... Мне, конечно, тоже кое-что доверяет...

Алеха и в самом деле уже сколупнул с лица черные болячки, и на их месте остались лишь розоватые пятнышки.

— Уж извините, что в дом не приглашаю. Пора мне идти, — сказал Алеха. И они расстались.

Друзья вышли к полю. Дед уже сидел на телеге, но спина его была понуро сгорблена, глаза смежены.

— Помрет скоро дед, — со вздохом сказал Петька. — Слабеет он.

— Годы у него, — понимающе откликнулся Сенька. — А сколько он поработал! Сколько у него и сейчас забот! Тут изломаешься.

Ребята печально шли вдоль кромки поля, не обращая никакого внимания на красоту августовского леса, на первое прохладное дыхание подступающей осени, на солнце, которое глядело так, словно извинялось, что оно уже не в силах светить по-июльски жарко.

Вдруг Сенька резко остановился и схватил друга за руку.

— Остановимся на минутку, — заговорил он негромко, но возбужденно. — Я про клятву хочу...

Глаза у Сеньки так и горели.

— Да ну ее, — отмахнулся Петька. — Забудем про детские фантазии. Вон сколько работы. А кто ее без нас переделает?

— Да и я об этом же, — горячо зашептал Сенька. — Давай сейчас исправим ту клятву. Поклянемся так жить, как вот в эти последние дни жили. Все делать для деревни... для Победы. Изю всех сил!

— Да мы вроде и без клятвы это делаем. Зачем слова-то впустую говорить? — не очень настойчиво возражал Петька.

— Да нет! — настаивал Сенька. — Без клятвы как-то и не поймешь, что главное, а что нет... И послабление без нее можно себе дать. А с ней как-то тверже...

— Это ты верно сказал, — проговорил Петька после короткого раздумья. — Я согласен. Надо бы еще и Фунта к этому делу привлечь, а?

— Сделаем и это. А теперь — клянемся! — негромко, но от всей души вскрикнул Сенька.

— Клянемся! — тихо проговорил Петька. И они крепко пожали друг другу руки.